

Е. В. ВОЛКОВА

Гончарство фатьяновских племен

«Наука»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е.В. ВОЛКОВА

ГОНЧАРСТВО ФАТЬЯНОВСКИХ ПЛЕМЕН

Посланию
рецензенту
с благодарностью
автора
Е.В. Волкова

МОСКВА "НАУКА" 1996

ББК 63.4
В 68

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 96-01-16056

Ответственный редактор
доктор исторических наук А.А. БОБРИНСКИЙ

Рецензенты:
доктор исторических наук Н.Я. МЕРПЕРТ,
И.В. КЛИМКОВА

В 0504000000-114 241-96, II полугодие
042(02)-96

ISBN 5-02-009502-8

© Е.В. Волкова, 1996
© Издательство "Наука", художественное
оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
Глава I	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.....	5
Изучение фатьяновской культуры.....	5
Изучение фатьяновской керамики.....	17
Глава II	
ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	27
Глава III	
ТЕХНОЛОГИЯ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ФАТЬЯНОВСКИХ ПЛЕМЕН.....	38
Отбор исходного сырья (ступень 1).....	38
Обработка исходного сырья (ступень 3).....	39
Составление формовочных масс (ступень 4).....	40
Конструирование сосудов и придание им формы (ступени 5–7).....	48
Механическая обработка поверхностей сосудов (ступень 8).....	56
Придание изделиям прочности и водонепроницаемости (ступени 9–10).....	58
Глава IV	
МОРФОЛОГИЯ ФАТЬЯНОВСКОЙ КЕРАМИКИ.....	59
Форма сосудов.....	59
Орнамент на сосудах.....	63
Заключение	
ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ФАТЬЯНОВСКИХ И БАЛАНОВСКИХ ПЛЕМЕН.....	75
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	84
ЛИТЕРАТУРА.....	115
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	118
SUMMARY.....	119

CONTENTS

INTRODUCTION.....	3
Chapter I	
HISTORIOGRAPHY REVIEW.....	5
Overview of Fatyanovo Culture Studies.....	5
Overview of Fatyanovo Pottery Studies.....	17
Chapter II	
MAIN AIM, TASKS, SOURCES AND METHODS OF THE STUDY.....	27
Chapter III	
POTTERY TECHNOLOGY OF FATYANOVO TRIBES.....	38
Selection of Raw Materials (Step 1).....	38
Treatment of Raw Materials (Step 3).....	39
Mixing of Pottery Paste (Step 4).....	40
Forming of Vessel (Steps 5–7).....	48
Mechanical Surface, Treatment (Step 8).....	56
Making Vessel Strength and Watertight (Steps 9–10).....	58
Chapter IV	
MORPHOLOGY OF FATYANOVO POTTERY.....	59
Vessel Shape.....	59
Vessel Decoration.....	63
Conclusion	
FROM THE HISTORY OF FATYANOVO AND BALANOVO TRIBES.....	75
APPENDIX.....	84
BIBLIOGRAPHY.....	115
SUMMARY.....	119

ВВЕДЕНИЕ

Фатьяновские скотоводческие племена пришли в лесную зону европейской части России примерно в конце III – начале II тыс. до н.э. и со временем расселились на огромной территории: от Псковского озера до Вятки и от южных границ Вологодской области до верховьев Десны и Оки.

Сейчас известно около 400 местонахождений фатьяновской культуры. Из них раскопано около 80 могильников и 40 стоянок. Могильники не равноценны по числу погребений. Многие состоят из одного или нескольких погребений; крупные могильники, где более 100 погребений, редки. Большая часть стоянок сосредоточена на Средней Волге, на территории распространения балановских племен. Верхневолжские и московско-клязьминские стоянки фатьяновских племен найдены на многослойных поселениях и содержат так называемую "фатьяноидную" керамику, которая нуждается в самостоятельном изучении.

Исследование фатьяновской культуры началось еще в конце XIX в., когда у д. Фатьяново Даниловского района Ярославской области был открыт первый фатьяновский могильник. С тех пор изучением этой яркой культуры бронзового века занимались многие исследователи. Несмотря на это, даже основные проблемы ее истории, в целом решенные, и поныне – предмет научных дискуссий.

Наиболее распространенная концепция истории фатьяновского населения изложена в последних трудах одного из ведущих современных исследователей фатьяновской культуры Д.А. Крайнова. Он считает, что фатьяновские племена входили в историко-культурную общность культур с боевыми топорами, которые сложились на территории между Днестром и Вислой. С указанной территории фатьяновские племена расселялись по двум направлениям: с Юго-Запада на Северо-Восток и с Запада на Восток. Таким образом, по Д.А. Крайнову, верхневолжские памятники – это результат продвижения племен из Прибалтики, московско-клязьминские – продвижения племен из Приднепровья, средневолжские – оставлены племенами боевых топоров, пришедшими через Оку и Десну.

В дальнейшем фатьяновские племена были ассимилированы населением иных культур и в результате сложного процесса смешения стали компонентом сложения городищенских культур дьяковского типа, а балановские племена стали одним из компонентов населения чирковско-сейминской культуры.

В настоящее время спорным остается вопрос культурной при-

надлежности балановских памятников: являются ли они локальной группой фатьяновской культуры или представляют собой особую археологическую культуру.

О.Н. Бадер, А.Х. Халиков и их сторонники, выделяя особую балановскую культуру, датируют ранние погребения Балановского могильника началом II тыс. до н.э., фатьяновские памятники с балановскими чертами включают в территорию распространения балановской культуры. Напротив, Д.А. Крайнов и его единомышленники отстаивают принадлежность этих памятников к фатьяновской культуре. Кроме того, все балановские памятники они относят к позднему этапу развития фатьяновской историко-культурной общности.

На протяжении всей истории изучения фатьяновской культуры одним из основных источников для археологов была глиняная посуда. Но ученые работали главным образом с морфологическими признаками керамики (орнаментом и формой), значительно меньше внимания уделялось изучению технологии ее изготовления.

Эти обстоятельства заставили меня обратиться к изучению гончарного производства фатьяновских и балановских племен с тем, чтобы на уровне современных возможностей реконструировать культурные традиции данного населения в области технологии, орнаментации и форм глиняной посуды, и уже на этой основе перейти к обсуждению некоторых проблем истории фатьяновского населения.

* * *

Я чрезвычайно благодарна Д.А. Крайнову и О.С. Гадзяцкой за разрешение работать над коллекциями из раскопок фатьяновских памятников, а также за многочисленные полезные замечания, которые возникли у них при чтении данной рукописи. Кроме того, выражаю признательность А.А. Бобринскому, И.А. Гей и Ю.Б. Цетлину за многочисленные советы.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В связи с тем, что работа в целом посвящена реконструкции истории населения фатьяновской культуры по данным изучения керамики, в историографическом обзоре выделены два раздела: история изучения основных проблем самой фатьяновской культуры и история изучения фатьяновской керамики как исторического источника.

ИЗУЧЕНИЕ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для того чтобы сложилось правильное представление о фатьяновской культуре, необходимо проследить возникновение и развитие дискуссий по общим ее проблемам: происхождение и распространение фатьяновских племен, время их бытования и их историческая судьба.

Проблема происхождения фатьяновских племен, по признанию большинства исследователей, сводится к проблеме происхождения культур боевых топоров, т.е. становится как бы двухступенчатой. Это приводит к тому, что, во-первых, некоторые археологи, соглашаясь с наличием генетической связи фатьяновской культуры с культурами боевых топоров, считают эту проблему уже решенной, хотя единого мнения по вопросу происхождения культур боевых топоров по сей день нет, во-вторых, вероятная связь фатьяновской культуры с культурами боевых топоров, шнуровой керамики и шаровидных амфор привлекает фатьяновскую культуру в поле зрения зарубежных археологов. Многое предусмотрено обзор позиций западных археологов, их точки зрения широко и объективно представлены в монографиях О.Н. Бадера (1963) и Д.А. Крайнова (1972).

Многоплановая проблема распространения фатьяновских племен неразрывно связана с вопросом локальных вариантов фатьяновской культуры. В нее входят вопросы сложения фатьяновских локальных групп, выяснение путей продвижения фатьяновских племен, характера контактов местного населения с фатьяновским и взаимосвязи локальных групп между собой и, наконец, один из кардинальных вопросов: относится ли балановская группа к фатьяновской культуре или является самостоятельной культурой? Решение последнего вопроса в большой степени зависит от того, что понимает исследователь под терминами "локальная группа", "археологическая культура", "историко-культурная общность". Из-за разного понимания этих терминов споры по поводу памятников балановских племен до сих пор не утихают.

Проблема исторических судеб фатьяновских племен включает в

себя следующие вопросы: каким образом и в силу каких причин прекратила свое существование фатьяновская культура. Здесь наиболее важен вопрос взаимоотношений фатьяновцев с соседями на позднем этапе развития культуры.

В проблему времени бытования фатьяновских племен входит определение хронологических рамок культуры и ее периодизация. Вокруг этой проблемы много споров, так как на сегодняшний день имеются только две абсолютные даты по С 14 (одна для Тургиновского могильника – около 1830 г. до н.э., другая для Волосово-Даниловского могильника около 1700 г. до н.э.). Поэтому основной метод определения времени – это датировка фатьяновских памятников по аналогиям с материалом памятников других культур, тоже не всегда имеющих абсолютные даты.

Общие проблемы, таким образом, содержат внутри себя множество вопросов, требующих специального освещения.

Сами эти проблемы настолько взаимосвязаны, что порой решение одной из них влечет за собой вполне однозначный ответ на другую. В частности, вопрос сложности фатьяновской культуры нельзя рассматривать в отрыве от вопроса распространения ее локальных вариантов, равно как нельзя изучать становление и развитие отдельных явлений, не исследуя проблему времени их протекания. В данном случае, принимая во внимание более чем столетнюю историю фатьяновской культуры, а также сложность решения основных проблем, представляется необходимым рассмотреть историю изучения каждой проблемы отдельно.

Я не стану касаться более частных проблем, таких, как относительная хронология памятников, социальный строй и хозяйство фатьяновских племен, фатьяновские поселения, не потому, что им уделялось мало внимания в археологической литературе, а потому, что для данной темы в первую очередь необходимо выяснить, как складывались и развивались представления исследователей о фатьяновской культуре в целом и поэтапно. В некоторых работах, посвященных фатьяновской культуре, даны подробные периодизации ее изучения, различающиеся в зависимости от того, что взято за точку отсчета для выделения периода или этапа. Так Д.А. Крайнов предложил выделить четыре этапа изучения фатьяновской культуры: I – 1873–1917 гг. дореволюционный; II – 1917–1941 гг. довоенный, III – 1941–1958 гг. до работы ВВАЭ, IV – с 1958 г. современный (Крайнов Д.А., 1972).

Если за основу периодизации взять существенные изменения во взглядах на названные выше четыре общие проблемы, то можно выделить следующие три этапа.

Первый этап – 1873–1917 гг.: открытие фатьяновских памятников, первая систематизация и осмысление материала. Этап характеризуется малым количеством памятников и вследствие этого самым общим представлением о культуре.

Второй этап – с конца 20-х годов до конца 40-х годов: расширение полевых работ, открытие новых могильников фатьяновской культуры позволило впервые поставить вопрос о неоднородности памятников

этой культуры и выделить ее локальные группы. В то же время, теория стадильности Н.Я. Марра негативно сказалась на разработке проблемы происхождения, так как привела к широкому распространению теории автохтонного происхождения фатьяновской культуры, а это препятствовало изучению конкретного процесса сложения фатьяновской культуры на основе накопленных в тот период археологических источников.

Третий этап – с конца 40-х годов до наших дней: прерванные войной и ее последствиями археологические исследования возобновились с начала 50-х годов, но еще в конце 40-х были опубликованы новые труды по фатьяновской культуре. В конце 50-х годов начала работы Верхневолжская археологическая экспедиция под руководством Д.А. Крайнова, благодаря которым было открыто множество могильников фатьяновской культуры. К решению вопроса о происхождении фатьяновских и балановских племен активно подключились антропологи. В этот период начали широко привлекаться методы естественных наук и данные лингвистики. Все эти обстоятельства позволили археологам прийти к новым выводам, к сожалению, диаметрально противоположным. Поэтому кажется необходимым показать не только эволюцию представлений по той или иной проблеме, но и разобраться в причинах существующих на сегодняшний день разногласий.

Проблема происхождения фатьяновских племен долгие годы была камнем преткновения для исследователей. Проследим развитие ее решения поэтапно.

Первый этап. Выделенные в особую культуру в начале XX в. фатьяновские могильники два основных исследователя фатьяновской культуры, А.А. Спицын и В.А. Городцов, единодушно признали чуждыми местному каменному веку. Но если А.А. Спицын, опираясь на данные подтверждающие сходство фатьяновских погребений с курганными скорченными погребениями юга, считал, что фатьяновское население пришло с юга (*Спицын А.А.*, 1905. С. 82), то В.А. Городцов сначала согласился с ним, а затем на основании типологии топоров и керамики выдвинул иную гипотезу – происхождение фатьяновцев с Северного Кавказа, от северокавказской культуры (*Городцов В.А.*, 1910. С. 272; 1916. С. 169).

На втором этапе, несмотря на открытие новых памятников, исследование проблемы происхождения пошло по ложному пути из-за господства в науке теории стадильности Н.Я. Марра. Точка зрения об автохтонности фатьяновского населения стала господствующей (*Готье Ю.В.* 1925; *Жуков Б.С.*, 1929; *Бадер О.Н.*, 1939; *Крайнов Д.А.*, 1941). Все своеобразие фатьяновских памятников, их резкое отличие от местных культур объяснялось переходом местных неолитических племен к другой, более прогрессивной форме хозяйствования.

О.А. Кривцова-Гракова – одна из немногих, кто отрицал автохтонность фатьяновских племен, полагая, что ямочно-гребенчатая и фатьяновская культуры не связаны генетически (*Кривцова-Гракова О.А.*, 1938. С. 67).

Третий этап отличается многообразием мнений по данной проблеме. Отказ от теории Н.Я. Марра, появление работ антропологов, введение в научный оборот абсолютных дат, огромное увеличение числа новых памятников – все это помогло археологам по-новому взглянуть на проблему происхождения фатьяновской культуры. Практически не осталось сторонников местного происхождения фатьяновцев. Стали активно обсуждаться такие вопросы, как, откуда, с какой территории, пришло фатьяновское население и с племенами каких культур оно генетически связано?

Обобщить основные точки зрения можно следующим образом: фатьяновцы ведут свое происхождение 1) от племен среднеднепровской культуры (*Пассек Т.С.*, 1947; *Брюсов А.Я.*, 1952; *Фосс М.Е.*, 1952); 2) от племен ямно-катакомбной культурной общности, южнорусские степи (*Бадер О.Н.*, 1961, 1963 (о балановских племенах; *Брюсов А.Я.*, *Зими́на М.Н.*, 1966; *Мерперт Н.Я.*, 1976); 3) от культур гребенчато-ямочной керамики с территории между Днестром и Вислой (*Крайнов Д.А.*, 1972, 1987), почти эту же территорию в качестве исходной называет *Х.А. Морра* (1950, 1954); 4) с востока, из Среднего Поволжья (*Кожин П.М.*, 1963, 1964).

Антропологи сейчас также не разделяют теорию автохтонного происхождения, однако при определении прафатьяновского населения единого мнения у них, к сожалению, нет. Разнообразие мнений антропологов по этому вопросу в какой-то степени диктуется особенностями антропологического материала, с которым работает тот или иной исследователь, и это при том, что антропологического материала крайне мало. Полнее всего представлены в этом плане Балановский и Волосово-Даниловский могильники. Объем материалов для сравнения достаточно ограничен. Наиболее полно все имеющиеся антропологические данные, связанные с проблемой происхождения культур боевых топоров, проанализировала *Р.Я. Денисова* (1975).

Антропологи предлагают в основном три точки зрения на происхождение фатьяновских племен: 1) последние происходят от среднеднепровцев (*Герасимов М.М.*, 1949 – южное происхождение, скорее среднеднепровское; *Он же.* 1955 – южный и северный путь движения фатьяновцев, связи балановских племен со среднеднепровскими); 2) отмечается близость фатьяновского типа с прибалтийским (*Дебец Г.Ф.*, 1948) и их исходная территория – северные области между Вислой и Днестром (*Денисова Р.Я.*, 1975); 3) передвижение племен из Передней Азии, Месопотамии через Закавказье (*Акимов М.С.*, 1947 – только о балановском населении, которые она не связывает с фатьяновским; *Трофимова Т.А.*, 1949 – о балановском населении, которое она считает группой фатьяновской культуры).

Наиболее ранние работы антропологов относятся к концу 40-х годов, и, возможно, именно они сыграли далеко не последнюю роль в отказе археологов от теории автохтонности фатьяновской культуры.

Если сопоставить точки зрения антропологов и археологов, то

можно увидеть, что совпадают только две из них: 1) среднеднепровское происхождение и 2) продвижение племен с территории между Днепром и Вислой без уточнения, от какой археологической культуры произошла фатьяновская.

К сожалению, нельзя положиться на выводы антропологов, так как, во-первых, они весьма противоречивы, во-вторых, как правило, базируются не только на собственном краниологическом материале, но и часто на выводах самих археологов.

На чем же зиждятся выводы самих археологов? Это результаты изучения топоров, керамики (в первую очередь орнамента, а затем формы сосудов), прочего инвентаря и, наконец, элементов погребального обряда. Обычно исследуют всю эту совокупность, но есть работы, где анализируется только одна категория вещей – керамика (*Кривцова-Гракова О.А., Кожин П.М.*). Основные методы исследования – это классификация и метод аналогий.

Таким образом, один и тот же археологический материал породил четыре гипотезы о происхождении культуры. Выводы антропологов тоже далеко не однозначны. В создавшейся ситуации кажется необходимым использование новых, более современных методов работы с источниками, прежде всего с имеющимся сегодня фондом археологического материала.

Проблема распространения фатьяновской культуры начала разрабатываться еще А.А. Спицыным. Он писал о движении фатьяновских племен: "Одно из культурных течений этого времени, несомненно, шло с юга на Волгу через Вазузу, другое – через Оку, третье – через Двину". Кроме того, А.А. Спицын впервые очертил предполагаемую территорию распространения фатьяновской культуры: "Совершенно очевидно, что могильники данной культуры будут найдены всюду по течению Оки, в верховьях Днепра, по всему течению Западной Двины и по среднему течению реки Волги" (*Спицын А.А., 1905. С. 80*). В.А. Городцов назвал территорией распространения фатьяновской культуры Волго-Окское междуречье и прилегающие к нему территории (*Городцов В.А., 1916*).

На втором этапе эта проблема решалась намного успешнее, чем предыдущая. В конце 20–30-х годов было открыто много новых фатьяновских памятников в Московской, Калужской, Ивановской, Костромской, Владимирской областях, Чувашской АССР. Это позволило О.А. Кривцовой-Граковой впервые поставить вопрос о неоднородности памятников фатьяновской культуры (*Кривцова-Гракова О.А., 1938*). Она предположительно выделила четыре локальные группы: ярославскую, московскую, восточную и, возможно, южную, а также предложила приблизительную хронологию первых трех групп. В следующей статье О.А. Кривцова-Гракова на материалах, имевшихся к тому времени 29 могильников, выделила три группы: московскую, ярославско-ивановскую и чувашскую. Изучив формы и орнаменты, характерные для керамики каждой группы, и тенденции их развития, она пришла к заключению, что эти группы не только локальные, но и хроно-

логические, отражающие продвижение фатьяновских племен с запада на северо-восток, а потом на восток (*Кривцова-Гракова О.А.*, 1947. С. 23).

Принимая выделенные О.А. Кривцовой-Граковой локальные группы, Д.А. Крайнов настаивал на существовании четвертой, южно-деснинской (*Крайнов Д.А.*, 1941. С. 143). Но главное его возражение касалось того, что это не хронологические, а только локальные группы, так как в каждой из них можно выделить ранние и поздние памятники.

Третий этап. В начале 50-х годов были открыты Ковровский, Буньковский могильники, поселения и могильники в Чувашии, Горьковской области и Среднем Поволжье, которые породили незатухающий спор о культурной принадлежности восточной (чувашской) группы памятников.

Спор разделил археологов на два лагеря: первые говорили, что это самостоятельная культура, вторые продолжали относить восточную группу памятников к фатьяновской культуре. Впервые в 1950 г. выделил их в отдельную культуру О.Н. Бадер, предложив назвать ее балановской. Он продолжал отстаивать свою точку зрения и в последующих работах (*Бадер О.Н.*, 1961, 1963, 1970, 1972). Причем территория распространения балановской культуры, по его мнению, не ограничивалась только Средним Поволжьем, но включала также Среднюю и Нижнюю Оку с Клязьмой. Эти районы он считал северной частью балановского ареала (могильники: Ковровский, Буньковский, Чуркинский, Николо-Перевоз). Сюда, по его мнению, в середине II тыс. до н.э. передвинулись балановцы, теснимые поздняяковцами.

В статье 1961 г. О.Н. Бадер обосновал выделение балановской культуры. По его мнению, балановская культура, входя в культурную область культур боевых топоров, шнуровой керамики и шаровидных амфор, наиболее близка фатьяновской культуре, но существуют различия, которые позволяют выделить отдельную балановскую культуру. Это прежде всего различия в форме и орнаменте глиняной посуды. Кроме того, в балановских памятниках больше металлических изделий и они разнообразнее. Балановская культура отличается крупными могильниками и обилием коллективных захоронений, а так же наличием костяных пластинок и гребней, которые отсутствуют в фатьяновской культуре. Каждая из культур имеет свою внутреннюю историю, а главное – разный антропологический тип населения. На этих основаниях О.Н. Бадер делает следующее заключение: "Не подлежит сомнению различное происхождение балановского и фатьяновского населения. Следовательно, не подлежит сомнению и различие исторических судеб этих групп в более отдаленном прошлом и, конечно, различные пути, которыми они пришли в лесное Поволжье, вошли в состав одной историко-этнографической области, сблизившись в культурном отношении". И далее: "Балановцы – носители однородной, узко локальной и, вероятно, этнически единой балановской культуры" (*Бадер О.Н.*, 1961. С. 47–57).

О.Н. Бадера поддержали П.Н. Третьяков (*Третьяков П.Н.*, 1966),

А.Х. Халиков (Халиков А.Х., Халикова Е.А., 1963), М.С. Акимов (Акимов М.С., 1963) и некоторые другие исследователи. Так П.Н. Третьяков писал, что между фатьяновцами и балановцами нет генетической связи, сходен лишь их образ жизни и, может быть, язык, но, несомненно, они контактировали друг с другом. По его мнению, если предки фатьяновских племен жили в Среднем Поднепровье, то исходная территория балановских племен – южнее (Третьяков П.Н., 1966. С. 91).

А.Х. Халиков продолжал настаивать на том, что существовала особая балановская культура. Его основной аргумент – это разница в антропологическом типе балановцев и фатьяновцев. А.Х. Халиков полагает, что, двигаясь южнее Оки через Суру и Свиягу, балановские племена в начале и первой четверти II тыс. до н.э. пришли в Среднее Поволжье. С XV в. до н.э. балановцы начали проникать на фатьяновскую территорию, и контакты этих племен привели к их смешению (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1987. С. 81–82).

Другая группа исследователей (Брюсов А.Я., 1952; Кожин П.М., 1963; Степанов П.Д., 1967; Крайнов Д.А., 1972; Никитин А.Л., 1973; Гадзяцкая О.С., 1976) считает, что различия фатьяновских и балановских племен не выходят за рамки локальных различий групп одной культуры.

Так А.Я. Брюсов согласился с тремя выделенными О.А. Кривцовой-Граковой группами, предположив, что племена верхневолжской группы фатьяновской культуры продвинулись на Верхнюю Волгу с запада, а в Волго-Клязьминское междуречье с юго-запада. Но он был против предложенной О.А. Кривцовой-Граковой хронологии групп, считая, что чувашская группа одновременна ярославской, что они долго сосуществовали, и их отличия не столько хронологические, сколько "топографические" (Брюсов А.Я., 1952. С. 94).

С 1958 по 1969 г. благодаря работам ВВАЭ в Волго-Окском междуречье было открыто около 45 фатьяновских памятников (могильников и стоянок). Это создавало основу для уточнения числа локальных групп, их границ и путей расселения фатьяновского населения. Эти вопросы разрабатывались главным образом Д.А. Крайновым.

С 1963 г. начали выходить Сводные памятников фатьяновской культуры. В первом же Своде Д.А. Крайнов предложил пересмотреть традиционное деление фатьяновских памятников на московскую, ярославскую и чувашскую группы, считая, что, во-первых, территории локальных групп шире этих условных географических понятий, во-вторых, необходимо выделить в отдельную группу западные памятники (Брянской, Смоленской и Калужской областей), в-третьих, в каждой группе есть разновременные памятники и, наконец, каждую группу можно разбить на локальные варианты. Кроме того, он предложил дать названия группам по речным системам и расширить границы фатьяновской культуры. В московской Д.А. Крайнов выделил четыре подгруппы по сходству обряда захоронения и погребального инвентаря. Описав подробно орнамент и форму сосудов московской группы,

Д.А. Крайнов отметил присутствие балановских черт в керамике некоторых могильников. Такую керамику, по его мнению, следует рассматривать "лишь как указание на один из хронологических этапов этой группы". Наличие в московской группе могильников с керамикой, имеющей балановские черты в сочетании с чисто московскими, по Д.А. Крайнову, противоречит утверждению О.А. Кривцовой-Граковой о том, что чувашская группа – продолжение ярославской (*Крайнов Д.А., 1963. С. 13, 26*).

В следующем Своде Д.А. Крайнов предложил разделить традиционную ярославскую группу на ярославско-калининскую (или верхне-волжскую) и ивановско-владимирскую. Свод содержит характеристику памятников ярославско-калининской группы, а также отличительных черт этой группы от московской. Здесь же Д.А. Крайнов наметил пути движения фатьяновских племен – с юго-запада, с верховьев Днепра, по Вазузе на Верхнюю Волгу и далее по Волге на восток (*Крайнов Д.А., 1964. С. 39–41*).

В монографии, посвященной фатьяновской культуре, Д.А. Крайнов пришел к окончательному выводу, что фатьяновские племена расселялись с юго-запада и запада по Волго-Окской магистрали. Он выделяет восемь групп фатьяновской культуры: двинско-волховская, московско-клязьминская, окско-деснинская, верхневолжская, нижеокская, средневолжская, вятско-ветлужская и нижекамская. Четыре последних, по О.Н. Бадеру и Х.А. Халикову, входят в балановскую культуру. В двинско-волховскую группу входят только три погребения и случайные находки топоров-молотков, а окско-деснинская группа представлена четырьмя могильниками. Таким образом, эти две группы пока не могут быть сопоставимы с московско-клязьминской и верхневолжской, которые дают обильный материал. Фатьяновские племена, по Д.А. Крайнову, расселялись со своей исходной территории (области Литвы, Белоруссии, Юго-Восточной Латвии, Верхнего и Среднего Приднепровья) различными путями: племена верхневолжской группы пришли из Прибалтики, московско-клязьминской группы – из Приднепровья, а средневолжские племена – через Оку и Десну. Причем на территории московско-клязьминской группы происходило смешение верхневолжских и московско-клязьминских племен. Эта реконструкция базируется на анализе всего археологического материала, в котором определяющую роль играло распространение различных типов топоров-молотков и глиняной посуды (*Крайнов Д.А., 1972. С. 222–230*).

П.Н. Третьяков также подверг пересмотру тезис О.А. Кривцовой-Граковой о том, что московская, ярославская и чувашская группы отражают продвижение фатьяновских племен на восток и хронологически следуют одна за другой. Рассматривая балановские памятники как отдельную культуру, он предполагал, что ярославская группа не прямое продолжение московской, а результат смешения фатьяновских племен с балановским населением (*Третьяков П.Н., 1966. С. 86*).

О.С. Гадзяцкая в Своде 1976 г. предлагает заменить термин

"фатьяновская культура" на термин "культурная общность фатьяновско-балановских племен". Внутри этой общности она выделяет локальные группы, границы между которыми, по ее мнению, установить сложно из-за широких зон смешения. Но основное ядро этих племен "составляют московско-клязьминские, верхневолжские и средневолжские племена". Перечисленные О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым отличия балановской культуры О.С. Гадзяцкая считает скорее локальными особенностями балановских памятников на широком фоне общих для всех групп признаков. Сглаживание этих различий на позднем этапе она объясняет частично результатом прямого смешения, а основную причину видит в "родственных связях и общей культурной близости фатьяновского и балановского населения, проявляющихся на всех этапах их развития" (*Гадзяцкая О.С.*, 1976. С. 8, 9, 76).

В совместной работе Д.А. Крайнов и О.С. Гадзяцкая термины "фатьяновская культура" и "фатьяновская культурно-историческая общность" употребляют как взаимозаменяемые (*Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.*, 1987. С. 52–53). Таким образом, вопрос правомерности выделения балановской культуры остается открытым.

Проблема времени бытования фатьяновской культуры, ее хронологии и периодизации также была поставлена уже на первом этапе изучения культуры. Самая первая попытка определить временные рамки фатьяновской культуры принадлежит А.С. Уварову, который отнес Фатьяновский могильник к "последней стадии каменного периода" на том основании, что в нем было мало металлических вещей (*Уваров А.С.*, 1881).

Позднее новые фатьяновские могильники дали не только большее количество медных украшений и проколов, но и медные топоры, что позволило в дальнейшем относить фатьяновские памятники к "медному веку". Так А.А. Спицын считал, что фатьяновская культура относится к расцвету или концу "медного века" (*Спицын А.А.*, 1903. С. 79), а В.А. Городцов первым отнес фатьяновскую культуру к первой половине II тыс. до н.э. (*Городцов В.А.*, 1916. С. 168).

Второй этап исследования данной проблемы знаменателен статьями О.А. Кривцовой-Граковой, не только выделившей локальные группы, но и впервые предложившей периодизацию культуры. Выделенные О.А. Кривцовой-Граковой три группы отражают, по ее мнению, передвижения фатьяновских племен с запада на восток, она датирует их следующим образом: московская группа – конец III – первая четверть II тыс. до н.э., ярославская группа – вторая четверть II тыс. до н.э., чувашская группа – вторая половина II тыс. до н.э. (В статье 1938 г. ею были даны приблизительные хронологические границы групп, которые в 1947 г. она уточнила.) Общая дата фатьяновской культуры, по О.А. Кривцовой-Граковой, конец III тыс. до н.э. – последняя четверть II тыс. до н.э. (*Кривцова-Гракова О.А.*, 1947. С. 33).

Третий этап истории изучения этой проблемы начался с пересмотра финальной даты культуры и датировок отдельных групп. Так А.Я. Брюсов, соглашаясь с датировкой О.А. Кривцовой-Граковой москов-

ской группы, считал, что чувашская и ярославская группы появились "по меньшей мере в начале II тыс. до н.э." (*Брюсов А.Я.*, 1952. С. 94). В 1961 г. он уточняет: фатьяновская культура прекратила свое существование в середине II тыс. до н.э. (*Брюсов А.Я.*, 1961. С. 33). П.Н. Третьяков придерживался того же мнения: фатьяновцы были уничтожены в середине II тыс. до н.э. (*Третьяков П.Н.*, 1966. С. 88).

Раскопки Верхневолжской археологической экспедиции и экспедиции в Чувашии (в конце 40-х – начале 50-х годов П.Д. Степановым было открыто около 20 поселений) создали надежную основу для хронологии и периодизации культуры. Археологи, выделяющие памятники чувашской группы в отдельную балановскую культуру, разрабатывали и ее периодизацию. Другая группа исследователей занималась вопросами периодизации фатьяновской культуры в целом, включая и чувашскую группу памятников.

О.Н. Бадер (1961, 1963) и А.Х. Халиков (1960) датировали балановскую культуру с конца III тыс. до н.э. – до конца II тыс. до н.э. В монографии 1963 г. О.Н. Бадер дал следующую периодизацию балановской культуры: I – козловский этап – конец III тыс. до н.э. – XIX в. до н.э., II – балановский этап – XIX–XV вв. до н.э., III – атликасинский этап – XV–XIV вв. до н.э., IV – ошпандинский этап – XIV–XII вв. до н.э., V – хуласюцкий этап – XI–IX вв. до н.э. Эта периодизация построена на основе эволюции типов вещей, аналогий вещей и стратиграфии, в частности Васильсурского поселения, где представлены три последовательных этапа – атликасинский, ошпандинский, хуласюцкий (*Бадер О.Н.*, 1963. С. 276).

Затем в Своде балановских памятников О.Н. Бадер и А.Х. Халиков отказались от выделения козловского этапа. Самые ранние памятники в районе р. Свияги, в том числе Козловский могильник, они отнесли к балановскому этапу (*Бадер О.Н., Халиков А.Х.*, 1976. С. 77). В остальном же периодизация не изменилась; большой вклад в ее разработку внес П.Д. Степанов. Полагая, что балановские памятники являются группой фатьяновской культуры, он предложил выделить в этой группе два этапа: I – балановско-ошпандинский, II – хуласюцкий (*Степанов П.Д.*, 1967).

Большую роль в разработке вопросов хронологии и периодизации фатьяновской культуры сыграла монография Д.А. Крайнова 1972 г. Он отверг столь раннюю дату, как конец III – первая четверть II тыс. до н.э., для первых фатьяновских памятников и предложил их датировать не ранее первой четверти II тыс. до н.э. (на основе эталонного памятника Золоторучье I и др.), ибо массовые находки "фатьяновских вещей на неолитических стоянках в волосовское время неоспоримо свидетельствуют о первом появлении фатьяновских племен в Волго-Окском междуречье только в данное время". Основанием для подобного вывода, как указывает Д.А. Крайнов, послужили следующие факты: стратиграфия неолитических поселений с фатьяновскими вещами, стратиграфия фатьяновских поселений, стратиграфия могильников, сравнительный метод, пыльцевой метод, радиоуглеродный

метод, картографический и ретроспективный методы (*Крайнов Д.А.*, 1972. С. 211, 217).

Кроме того, Д.А. Крайнов предложил внутреннюю хронологию памятников, выделив в локальных группах более ранние и более поздние памятники и следующую датировку самих локальных групп: двинско-волховская – 1800–1500 гг. до н.э. (по радиоуглеродным датам с эстонских памятников); московско-клязьминская – с 1800–1750 гг. до н.э. по 1440–1350 гг. до н.э. (датировка эстонских памятников и среднеднепровской культуры), окско-деснинская группа датируется так же, как московско-клязьминская; верхневолжская – 1750–1400 гг. до н.э.; вятско-ветлужская – XIII–XIV вв. до н.э. (*Крайнов Д.А.*, 1972. С. 223, 230–231, 238). Одним из основных источников разработки периодизации Д.А. Крайнова была керамика, ее форма, техника "выделки" и орнамент. Помимо керамики, важными источниками для построения периодизации являлись топоры-молотки, а также соотношение металлических вещей, изменения погребального обряда и состава стада у фатьяновских племен.

Уточненная периодизация дана Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой в Своде 1987 г.: I этап – Ивановогорский – XX–XIX вв. до н.э., II этап – Никульдинский – XVIII–XVII вв. до н.э.; III этап – Волосово-Даниловский – XVII–XVI вв. до н.э., IV этап – Буньковский – XV в. до н.э. Новые даты по С 14 – две для фатьяновской культуры, даты для среднеднепровской культуры, новые даты для жуцевской культуры и культуры боевых топоров в Эстонии – заставили авторов удревнить фатьяновскую культуру. Общая датировка фатьяновской культуры в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье – рубеж III–II тыс. до н.э. – XV–XIV вв. до н.э., в Среднем Поволжье, возможно, позже (*Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.*, 1987. С. 39).

В одном из разделов книги "Эпоха бронзы лесной полосы СССР", посвященном фатьяновской культуре, Д.А. Крайнов дал немного иную периодизацию: I этап – Ивановогорский – XX–XVIII вв. до н.э., II этап – Никульдинский – XVIII–XVII вв. до н.э., III этап – Волосово-Даниловский – XVII–XVI вв. до н.э., IV этап – Скомороховско-Буньковский – XVI–XV вв. до н.э. (*Крайнов Д.А.*, 1987. С. 74).

Таким образом, можно считать, что эта проблема более разработана, чем другие. По крайней мере, по поводу хронологических рамок культуры разногласий почти нет. Но отсутствие, не считая двух, абсолютных дат фатьяновских памятников предполагает дальнейшее уточнение как периодизации, так и хронологии культуры.

Вопрос о дальнейших судьбах фатьяновских племен начал разрабатываться только со второго этапа изучения фатьяновской культуры. Да и к этому этапу, вероятно, можно отнести только статью О.А. Кривцовой-Граковой, в которой она предположила, что в конце II тыс. до н.э. фатьяновская культура видоизменилась в сейминскую (*Кривцова-Гракова О.А.*, 1938. С. 71).

Основные исследования этой проблемы начались с третьего этапа. Вопрос о судьбах фатьяновских племен необходимо разделить как

минимум на два – судьба фатьяновских и судьба балановских племен. Последний наиболее разработан, возможно потому, что раскопано много балановских поселений, среди которых есть и стратифицированные. Пожалуй, только П.Н. Третьяков считал, что балановские племена не оставили следов. Он писал, что балановское население не сыграло значительной роли в истории Верхнего и Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Балановцев, по его мнению, сменили пришедшие на эту территорию племена абашевской культуры (*Третьяков П.Н.*, 1966. С. 94).

Среди исследователей абашевской культуры в конце 50-х – начале 60-х годов было достаточно распространено мнение, что балановские племена участвовали в сложении абашевской культуры. Так К.В. Сальников (1954, 1960) и В.Ф. Каховский (1963) считали, что взаимодиффузия восточных фатьяновских (балановских) племен, местных неолитических и срубных племен дала абашевскую культуру. К этой точке зрения присоединился и А.П. Смирнов (1961), считавший, что абашевская культура формировалась на основе балановской при сильном влиянии срубной.

Наиболее жизнеспособной оказалась концепция А.Х. Халикова. Еще в 1960 г. он предположил, что становление чирковско-сейминской культуры происходило на основе смешения балановской, волосовской и балахнинской культур. Напомню, что О.А. Кривцова-Гракова отмечала генетическую связь фатьяновской культуры (балановские памятники она считала поздней группой фатьяновской культуры) с сейминской. Наличие балановского компонента в чирковско-сейминской культуре признается также О.С. Гадзяцкой (*Гадзяцкая О.С.*, 1976. С. 77) и Д.А. Крайновым (*Крайнов Д.А.*, 1987. С. 76).

Что касается фатьяновских племен Волго-Окского междуречья, то факт их диффузии не вызывает сомнений. Споры ведутся главным образом по поводу того, кем были диффузированы фатьяновские племена и оставили ли они какой-либо след в истории последующих племен? Здесь можно выделить три точки зрения: 1) фатьяновцы были диффузированы неолитическими племенами культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (*Брюсов А.Я.*, 1952, 1961); 2) волосовскими племенами (*Третьяков П.Н.*, 1953, 1966; *Бадер О.Н.*, 1972); 3) произошло сложное смешение поздневолосовской, фатьяновской, абашевской культур и потомков культур ямочно-гребенчатой керамики, культуры с текстильной керамикой, что привело к образованию городищенских культур дьяковского типа (*Бадер О.Н.*, 1966; *Крайнов Д.А.*, *Гадзяцкая О.С.*, 1987; *Крайнов Д.А.*, 1987).

Так А.Я. Брюсов считал, что фатьяновские племена, находясь во враждебных отношениях с местными племенами, не выстояли и были диффузированы соседями. "Фатьяновская культура исчезает, не дав преемственно связанной с ней какой-либо более поздней культуры". – И далее: "Факт преемственности культур раннежелезной эпохи от культур с ямочно-гребенчатой керамикой подтверждает гипотезу о растворении остатков фатьяновских племен среди местного населения и

ассимиляции их последними". Этой же точки зрения придерживался он и впоследствии (Брюсов А.Я., 1952. С. 258; 1961. С. 33).

Мнения, согласно которому фатьяновцы были полностью ассимилированы, придерживались также П.Н. Третьяков и О.Н. Бадер, хотя они считали, что фатьяновцев ассимилировали волосовские племена. П.Н. Третьяков, как и А.Я. Брюсов, полагал, что фатьяновцы не смешивались с местным населением, находясь с ним во враждебных отношениях, и не оказывали на его жизнь заметного влияния, а к середине II тыс. до н.э. в Волго-Окском междуречье фатьяновское население было уничтожено и изгнано волосовским, т.е. "появление фатьяновских племен в Верхнем Поволжье было не более, чем эпизодом, не оставившим в дальнейшей истории заметных следов, хотя этот эпизод и длился в течение нескольких столетий" (Третьяков П.Н., 1966. С. 87–88).

Того же мнения придерживался О.Н. Бадер, когда писал, что фатьяновские племена были полностью поглощены местной волосовской средой и не оставили никаких заметных следов в местной топонимике (Бадер О.Н., 1972. С. 28). Хотя он считал, что "... нет оснований возражать против участия в ее (текстильной культуры. — Е.В.) формировании потомков неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой, так и волосовских, фатьяновских, балановских, поздняковских и абашевских элементов" (Бадер О.Н., 1966. С. 36).

Очевидно, наиболее перспективный путь детальной разработки этого вопроса — специальный анализ всего керамического материала многослойных поселений, где имеется фатьяновская или фатьяноидная керамика. В этом смысле очень показательна статья Н.Н. Гуриной о поселениях Борань, Станок I и II. Большая заслуга автора состоит в том, что удалось выявить керамические комплексы, отражающие процессы смешения как волосовского с фатьяновским населением, так и фатьяновского с населением, делавшим сетчатую керамику (Гурина Н.Н., 1963. С. 203).

ИЗУЧЕНИЕ ФАТЬЯНОВСКОЙ КЕРАМИКИ

Все исследователи фатьяновской культуры при решении основных проблем в большей или меньшей степени опирались на изучение фатьяновской глиняной посуды. Именно своей керамикой отличаются в первую очередь фатьяновские племена. По керамике археологи выделяли локальные группы, строили периодизацию культуры, определяли относительную хронологию памятников.

О.С. Гадзяцкой в 1976 г. впервые была предложена краткая история изучения фатьяновской керамики, где она проанализировала созданные ранее типологии форм и орнаментов посуды и разработала свою типологию.

При исследовании керамики разбираются обычно три аспекта: форма, орнамент, технология изготовления сосудов. Первые два аспекта подвергались более тщательному анализу, чем последний.

Первая *типология форм фатьяновской керамики* была разработана В.А. Городцовым (*Городцов В.А.*, 1916, С. 161–162). Он выделил четыре основных типа форм: шаровидные, высокошейные, цилиндрические и чашевидные. Этой типологией долгое время пользовались почти все исследователи (например, Д.А. Крайнов в 1941 г. при анализе керамики из Вауловского могильника). О.А. Кривцова-Гракова не предлагала новой типологии форм фатьяновской посуды, а пошла по пути выстраивания эволюционных рядов. Она попыталась проследить изменение формы и орнамента фатьяновских сосудов, и ей удалось выявить основные тенденции этих процессов, которые оказались неоспоримы до сегодняшнего дня. В частности, установила, что форма тулова сосуда изменяется от удлинённой к уплощённой, шейка – от раструбной к прямой с отогнутым венчиком, а орнамент от однозонального к многозональному (*Кривцова-Гракова О.А.*, 1947). На основании анализа керамики она впервые выделила три локальные группы фатьяновской культуры и описала характерную для каждой группы посуду. Опираясь на особенности форм и орнаментов посуды каждой группы, а также на выделенные тенденции их изменения, О.А. Кривцова-Гракова, как уже отмечалось выше, предположила, что локальные группы являются в то же время и хронологическими, отражая продвижение фатьяновских племен с запада на восток.

Типология керамики Балановского могильника, предложенная О.Н. Бадером, практически не отличается от типологии В.А. Городцова. Он выделил три основных типа: 1) чашки, 2) бомбовидные, реповидные сосуды без шейки или с очень низкой шейкой, 3) бомбовидные сосуды с хорошо выраженной шейкой (*Бадер О.Н.*, 1963, С. 196–197). Внутри типов учитывались размерные особенности (большие, средние, маленькие сосуды). О.Н. Бадер считал, что форма сосудов изменяется от первого типа сосудов к третьему и что «третья, наиболее сложная форма балановской керамики целиком заключает в себе обе первые формы – чашу и "репу". Таким образом, форма балановской керамики может быть характеризована, несмотря на три типа сосудов, в основном как единая и стандартизованная». Архаичными формами О.Н. Бадер считал большие реповидные сосуды с ручками, а наиболее поздними – сосуды, близкие атликасинским (*Бадер О.Н.*, 1963, С. 197, 209).

Специальным изучением керамики балановского могильника занимался П.М. Кожин. Он не строил типологию форм, а выделил два типа керамических комплексов на могильнике. В комплексах тщательному морфологическому анализу подверглись так называемые "амфоры". Для того чтобы проследить их эволюцию, П.М. Кожин использует понятие "конструкция", которое отражает взаимосвязь валиков, желобков и ручек, и выстраивает амфоры хронологически по принципу забывания, "вырождения" конструкции. На этой основе он выделил пять периодов развития комплекса I типа. В результате сравнения их формы и орнамента с керамикой комплекса II типа он пришел к выводу, что между ними нет "первоначальной генетической связи... комплексы

первого типа являются основными и первоначальными на могильнике. **Только их можно назвать балановским типом**, а группу могил, в которых они встречаются, – балановской. Комплексы второго типа, как и соответствующая группа могил, могут быть названы атликасинскими". На основании анализа керамики П.М. Кожин рисует картину передвижения чисто балановской группы на Верхнюю Волгу, смешения оставшихся балановцев с атликасинцами и вновь продвижения уже смешанной балановско-атликасинской группы в бассейны Оки и Клязьмы (Кожин П.М., 1963. С. 30, 33–34, 37).

Новую, более детальную, чем у В.А. Городцова, типологию форм сосудов московской группы начал разрабатывать Д.А. Крайнов (1963). На основе анализа форм и размеров сосудов он выделил десять типов и их подтипы. Затем, в 1972 г. при анализе уже всей фатьяновской посуды (около 600 целых форм) Д.А. Крайнов усовершенствовал свою типологию, построив ее, как и предыдущую на визуальном сравнении форм сосудов. Сосуды в ней делятся на две категории: круглодонные и плоскодонные. Первая категория по высоте шейки сосуда делится на четыре основных типа: 1) высокошейные, 2) длинношейные, 3) низкошейные, 4) бесшейные (чашевидные) (Крайнов Д.А., 1972. С. 94). Типы делятся на подтипы по форме сосудов и их относительной высоте. Подтипы, в свою очередь, имеют различные варианты. Эта типология, несомненно, отражает своеобразие и разнообразие фатьяновской керамики.

Следующая типология, предложенная О.С. Гадзяцкой, конкретизирует такие понятия, как высокий, низкий и другие, выражая их определенными числами через отношения различных параметров сосуда друг к другу. Она выделяет четыре отдела: низкошейные, среднешейные, высокошейные и миски или чашевидные сосуды. I и IV отделы делятся на два типа в зависимости от формы шейки и дна. В каждом отделе выделяются подтипы. В I отделе – четыре подтипа по наличию и количеству валиков и желобков, во II и III отделах – по четыре подтипа по характеру края венчика и наклону шейки, в IV отделе – три подтипа по характеру оформления края. Кроме того, введены размерные группы (разделы) по пропорциям тулова (отношение ширины тулова к его высоте). Для IV отдела размерные группы определяются по максимальному диаметру (Гадзяцкая О.С., 1976 б. С. 25, 31–36). Всего выделено шесть размерных групп.

Эта наиболее детализированная, построенная по визуально-формальному принципу типология форм используется в настоящее время при описании фатьяновской керамики (Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987. С. 19).

Что касается *орнаментики фатьяновской посуды*, то она имеет такую же богатую, как и формы, историю изучения. Первый исследователь этой керамики В.А. Городцов, выделял лишь самые характерные ее "элементы" и "узоры" для сравнения с керамикой других культур в поисках аналогий. Б.С. Жуков в 1929 г. как бы наметил программу изучения орнамента: выделение элементов орнамента, и определение их

сочетания, выявление характера орнаментальных узоров и расположения орнамента на сосуде (Жуков Б.С., 1929. С. 60). Но, к сожалению, в его статье нет исследования самого фатьяновского орнамента.

Д.А. Крайнов в 1941 г. при анализе керамики из Вауловского могильника дал систематизацию орнамента. Он выделил основные элементы орнамента и разделил орнаментальный "узор" на простой, сложный и фигурный, или лопастной (Крайнов Д.А., 1941. С. 139).

О.А. Кривцова-Гракова выделяет основные элементы орнамента фатьяновской посуды и дает описание элементов и орнаментальных мотивов, характерных для каждой из трех локальных групп. Она прослеживает так же, как и при анализе форм, тенденции изменения орнамента во времени, выделяя элементы и композиции более ранние и более поздние (Кривцова-Гракова О.А., 1947). Ее схему изменения орнамента на фатьяновской посуде принимают многие исследователи и сегодня.

Исследователь абашевской культуры К.В. Сальников построил всю систему доказательств происхождения абашевцев от фатьяновцев на анализе форм и орнаментов посуды этих двух культур. Он сравнил основные орнаментальные элементы, выделенные О.А. Кривцовой-Граковой для фатьяновской керамики, с орнаментикой абашевской посуды. Затем, выводя почти все формы абашевской посуды из фатьяновской, К.В. Сальников пришел к заключению, что не только орнамент, но и форма абашевской керамики ведет свое происхождение от фатьяновских сосудов (Сальников К.В., 1954. С. 86–87).

О.Н. Бадер при изучении керамики Балановского могильника отметил, что для каждого выделенного им типа формы сосуда характерна своя орнаментальная композиция. Очень важно, что О.Н. Бадеру удалось выделить формы и орнаменты посуды, типичные для женских, мужских и детских погребений (Бадер О.Н., 1963).

При описании керамики московской группы Д.А. Крайнов выделяет орнаменты, нанесенные гребенкой, насечкой и шнуром. Для первых двух он отмечает одинаковые основные элементы (их три). Для шнурового орнамента им выделено также три основных элемента. Д.А. Крайнов исследует комбинации разных элементов на одном сосуде. Исходя из посылки, что "узоры на сосудах представляют собой интерес, так как по ним легче всего проследить распространение культуры и ее генетические связи", он выявляет аналогии с орнаментами других культур и происхождения некоторых фатьяновских орнаментальных элементов. Д.А. Крайнов приходит к выводу, что шнуровой орнамент свидетельствует о связи фатьяновцев со среднеднепровцами, а лопастной узор, скорее всего, связан с ямно-катакомбной культурой (Крайнов Д.А., 1963, С. 22–26).

Наличие орнаментальных элементов, характерных для ярославской и чувашской групп, в керамике московской группы Д.А. Крайнов объясняет более поздней датой памятников с такой керамикой. В то же время отсутствие орнамента на многих московских сосудах трактуется как наиболее ранний их признак.

Дальнейшее исследование орнаментики представлено в монографии Д.А. Крайнова (1972), посвященной фатьяновской культуре, в которой автор выделяет основные элементы орнамента (8) и детально их описывает. Отдельно разбираются орнаменты на днищах. Автора интересуют не только элементы и мотивы орнамента, но и инструменты, которыми они могли быть нанесены. Так гребенчатый орнамент мог наноситься зубчатым костяным, каменным или деревянным чеканом-штампом. Д.А. Крайнов предположил, что "одинаковые элементы орнамента свидетельствуют о родстве и генетической связи групп, как, например: решетки, лопасти, ромбы, елочка и т.д., а вновь появившиеся (ромбы ярославского типа, балановский зигзаг) относятся к проявлениям местного характера". В результате анализа орнаментики днищ сосудов он заключает: "По-видимому, придется допустить, что в недрах неолита Литвы зарождаются мотивы орнаментики, близкие фатьяновским". Таким образом, территорию Литвы и Белоруссии можно считать, по его мнению, протофатьяновской (Крайнов Д.А., 1972. С. 129, 135).

О.С. Гадзяцкая в результате тщательного изучения фатьяновского орнамента выделила 49 орнаментальных элементов шейки и тулова и 25 орнаментальных композиций днищ сосудов. Она разделила элементы на основные и дополнительные (разделители). Ею рассматриваются различные комбинации орнаментальных элементов, характерные для разных локальных групп. О.С. Гадзяцкой также принадлежит интересное наблюдение по поводу орнаментальных зон на сосудах ярославской группы. Оказалось, что для этих сосудов свойственно почти полное тождество орнамента первой и второй зон. Разбирая различные виды одного из основных фатьяновских элементов орнамента – ромба, О.С. Гадзяцкая приходит к заключению, что оконтуренный и неоконтуренный ромбы были одновременны, так как они встречаются на сосудах в одной могиле (Волосово-Даниловский, Никульцинский могильники). Широкий двойной зигзаг с внутренней штриховкой, изредка встречающийся на керамике верхневолжской группы, по мнению О.С. Гадзяцкой, проник со Средней Волги и Суры. "Он является результатом возможного проникновения отдельных групп населения, взаимных и тесных связей, существовавших между родственными племенами на поздних этапах их развития" (Гадзяцкая О.С., 1976 б. С. 39–47).

О.С. Гадзяцкая обобщила весь предшествующий опыт исследования орнамента фатьяновской посуды, и предложенная ею систематизация орнамента наиболее полно отражает и своеобразие культуры в целом и разнообразные особенности его в локальных группах.

Технология изготовления фатьяновской керамики изучалась, с одной стороны, гораздо меньше, чем форма и орнамент, с другой стороны, тем же визуальным способом, который, к сожалению, мало пригоден для технологического анализа. Из всего процесса изготовления посуды исследователи обращали внимание на следующие моменты: характер глины, состав теста, способы лепки, обработка повер-

ностей и обжиг. Разберем различные мнения по этим вопросам. Поскольку глина и состав теста часто не разделялись исследователями, они будут рассматриваться вместе.

О.А. Кривцова-Гракова зафиксировала часто встречающуюся примесь дресвы и слюды в тесте сосудов Горкинского могильника (*Кривцова-Гракова О.С.*, 1938, с. 60). Анализируя керамику Вауловского могильника, Д.А. Крайнов отмечал в группе высокошейных сосудов наличие "глины хорошего качества", в которой почти нет примеси, а у двух сосудов шаровидного типа — "примесь измельченного камня" (*Крайнов Д.А.*, 1941. С. 129). Описывая Протасовский и Икшанский могильники, О.Н. Бадер определил, что все сосуды сделаны с незначительной примесью песка, иногда мелкой дресвы (*Бадер О.Н.*, 1950 а. С. 83).

Н.Н. Гурина на памятниках Борань, Станок I и II выделила фатьяновский комплекс керамики, который представлен, по ее мнению, двумя группами посуды — ритуальной (типичной для могильников) и бытовой (*Гурина Н.Н.*, 1963. С. 95, 112–113, 196). Наряду с другими признаками, две группы керамики отличаются также составом теста. В первой группе примесь незаметна, во второй "видна" растительная примесь.

Изучение О.Н. Бадером керамики Балановского могильника показало, что "большая часть керамики приготовлена из тщательно отмытой глины с примесью песка; часть сосудов, в особенности наиболее грубо сделанных, обнаруживает примесь шамота" (*Бадер О.Н.*, 1963. С. 195).

П.М. Кожин, анализируя керамику Балановского могильника по двум типам комплексов, отметил, что шамот появляется в тесте сосудов, начиная с выделенного им третьего периода развития комплекса I типа, а в тесте сосудов комплекса II типа (атликасинского) много крупного шамота, причем сделанного из фатьяновской керамики (*Кожин П.М.*, 1963. С. 32–33, 58).

Д.А. Крайнов по поводу теста керамики московской и ярославской групп писал: "К сожалению, нельзя установить состав теста неорнаментированных сосудов, но можно полагать, что большинство из них имеет в тесте примеси дресвы и песка. Реже встречаются сосуды без примеси. В ярославской группе, наоборот, глина сосудов хорошо отмучена и почти не имеет примесей" (*Крайнов Д.А.*, 1963. С. 22).

Исходя из того, что в ранних сосудах московской группы тесто более грубое с примесью дресвы, а в верхневолжской группе тесто тоньше и почти без примесей, Д.А. Крайнов в 1972 г. писал о керамике ранних могильников верхневолжской группы: "тесто, из которого изготавливаются сосуды, имеет почти те же примеси, что и в московско-клязьминской группе. Среди примесей еще значительное место занимает дресва, но доминирует песок, т.е. сосуды становятся более тонкими и тесто хорошо отмучено". И далее о керамике поздних верхневолжских могильников: "В тесте низкошейных сосудов амфорного типа часто встречается дресва, а остальные сосуды или почти не

имеют примесей и сделаны из хорошо отмученной глины, или имеют в основном примесь песка. Шамот редок и встречен у сосудов из Чуркинского, Волосово-Даниловского, Скомороховского и Фатьяновского могильников (шамот считается поздним признаком. – Е.В.)" (Крайнов Д.А., 1972: С. 107, 108).

В большинстве сосудов Воронковского могильника О.С. Гадзяцкая отмечает наличие примеси шамота и редко встречающуюся примесь дресвы и песка (Гадзяцкая О.С., 1976 а. С. 141).

В последнем Своде по фатьяновской культуре Д.А. Крайнов и О.С. Гадзяцкая, характеризуя гончарство фатьяновских племен, предположили, что "глину для изготовления сосудов, очевидно, брали на тех же холмах, где располагались и могильники". Здесь же, в Своде даны определения состава формовочных масс керамики трех могильников (Волосово-Даниловского, Наумовского и Ханевского), сделанные Ю.Б. Цетлиным. Результаты микроскопического анализа керамики дали различные сочетания искусственных примесей в глине (шамот, дресва, помет водоплавающих птиц). На основании этих анализов керамики авторы заключили, что в глиняной посуде ярославской группы преобладающими примесями являются помет и шамот (Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987. С. 46).

В последней статье о балановской культуре О.Н. Бадер и А.Х. Халиков пришли к выводу, что "тесто всех типов сосудов хорошо промешанное и отмученное (на ранних этапах с примесью песка, на поздних – шамота)" (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1987. С. 79).

Одной из первых технологию изготовления фатьяновской посуды исследовала О.А. Кривцова-Гракова. Изучив изломы и трещины на **спаях**, она предположила, что сосуд начинали лепить с чашечки-днища, держа его в руке, от пальца которой и образовывалась ямочка на дне сосуда. К днищу прикреплялись ленты шириной от 2,5 см до 7,5 см (бока и плечи), затем с внутренней стороны примазывалась шейка (Кривцова-Гракова О.А., 1938. С. 60–61).

Очевидно, имея в виду исследования О.А. Кривцовой-Граковой, Д.А. Крайнов уже в 1941 г. считал установленным тот факт, что **сосуды** лепились ленточной техникой. Однако он по-своему объяснил **наличие** ямки на дне сосуда: поскольку лепка начиналась с дна, то для "уничтожения выпуклости, получавшейся от начального закручивания ленты, делали ямку" (Крайнов Д.А., 1941. С. 132).

О.Н. Бадер, характеризуя керамику Протасовского и Икшанского **могильников**, писал: "Судя по преобладающему направлению изломов, **формовка** производилась обычным круговым налепом" (Бадер О.Н., 1950, а. С. 83), не уточняя лента это или жгут.

Позднее, анализируя керамику балановского могильника, О.Н. Бадер определенно указывал на наличие жгутового налеса. По его **наблюдениям**, балановские сосуды лепились зонами на "плоской чашке **дна**" жгутовой "лепкой" (Бадер О.Н., 1963. С. 195).

П.М. Кожин специально исследовал технику изготовления фатьяновской посуды. Он поставил перед собой задачу составить сводку дан-

ных по технологии лепки фатьяновских сосудов, основываясь при этом исключительно на визуальных наблюдениях. П.М. Кожин проанализировал технику лепки сосудов всех типов по трем локальным группам – балановской, ярославской и московской – и пришел к заключению, что "керамика фатьяновских памятников делится на две основные большие группы. Для одной (балановско-ярославской) характерна техника лепки из отдельных частей и тщательная формовка сосудов наковальной и лопаткой. В другой (атликасинско-московской) широко распространен кольцевой ленточный налеп. Формовка имеет лишь подсобное значение". Под формовкой с помощью наковальни и лопатки П.М. Кожин понимал лепку части сосуда из одного куска глины путем выбивания. И если готовые части шаровидных сосудов скреплялись горизонтально, то "миски... обыкновенно лепили из четырех или пяти кусков глины, соединенных вертикальными спаями", за исключением миски из могилы 1 Истринского могильника, сделанной из одного куска глины. При лепке шаровидных сосудов формовка сочеталась с ленточной техникой. Из ленты иногда делали плечо и всегда шейку высокогорлых сосудов. У шаровидных амфор шейка делалась из очень толстого жгута. П.М. Кожин выделил следующие признаки "формовки": небольшие уплощения на стенках сосуда, очень тонкие стенки, очень хорошего качества тесто без крупных примесей. Последний признак он объясняет тем, что "крупные непластичные примеси при обработке часто прорывают стенки сосуда, поэтому их старательно удаляют". Основной тип посуды атликасинско-московской группы – сосуды с низким туловом и высокой шейкой – лепили по кольцу лентами шириной 2,5–3 см. Донная часть вставлялась изнутри. На некоторых сосудах есть следы выбивания, но ленты почти не деформированы, т.е. эта техника для них не привычна (Кожин П.М., 1964. С. 53–58).

Выводы П.М. Кожина не были поддержаны ни теми, кто изучал собственно фатьяновскую культуру, ни специалистами по балановской культуре. И те, и другие были уверены, что фатьяновцы и балановцы делали сосуды ленточным налепом. Так Д.А. Крайнов, писал, что фатьяновские сосуды лепили от руки разными методами: кольцевой ленточной техникой, ленточно-спиральной и комбинированной (Крайнов Д.А., 1972. С. 153). Ленточный налеп обнаружен О.С. Гадзяцкой на сосудах Воронковского могильника (Гадзяцкая О.С., 1976 а. С. 141). ленточный налеп и лепка сосудов из двух частей зафиксированы Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой на сосудах Волосово-Даниловского могильника (Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987. С. 22, 26). В статье О.Н. Бадера и А.Х. Халикова говорится о характерной для балановской посуды ленточной лепке (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1987. С. 79).

По поводу ямки на дне сосудов уже приводились разные мнения, связывающие ее происхождение с техникой их изготовления. Однако О.С. Гадзяцкая считает, что "они не связаны с технологией изготовления сосудов, так как есть не на всех однотипных сосудах", что до

колец и уплощений на дне сосуда, то они сделаны для придания ему устойчивости (*Гадзяцкая О.С.*, 1976 б. С. 35).

Все исследователи фатьяновской керамики отмечают такой факт, как заглаживание швов, а на многих сосудах – лощение. Некоторые авторы считают возможным говорить об ангобе. П.М. Кожин, анализируя технологию изготовления сосудов балановско-ярославской группы с высоким туловом и низкой шейкой, отмечает, что внутреннюю поверхность покрывали ангобом, "который к тому же либо лощили, либо грубо заглаживали" (*Кожин П.М.*, 1964. С. 54).

О.С. Гадзяцкая пишет о том, что поверхность мисок Волосово-Даниловского могильника обмазывали слоем глины, а затем заглаживали или лощили (*Гадзяцкая О.С.*, 1976 б. С. 37). Существует мнение, что и низкошейные сосуды из этого могильника тоже покрывались ангобом (*Крайнов Д.А.*, *Гадзяцкая О.С.*, 1987. С. 22).

Обжиг посуды фатьяновских и балановских племен всеми исследователями признается в основном "средним", костровым. Только О.Н. Бадер и А.Х. Халиков высказали предположение, что большая часть балановской посуды обжигалась в закрытых печах (*Бадер О.Н.*, *Халиков А.Х.*, 1987. С. 79), хотя и не привели доводов в пользу этой гипотезы.

Итак, почти во всех работах выделенные технологические признаки авторы использовали для сравнения сосудов в основном при описании керамики различных локальных групп фатьяновской культуры. Такие технологические приемы, как "хорошо отмученная глина", примесь шамота, дресвы и др., без специальных доказательств были отнесены к разрядам хронологических признаков.

* * *

Таким образом, основные проблемы фатьяновской культуры можно назвать решенными только в общих чертах. Так в известной мере решена проблема происхождения фатьяновских племен, поскольку сейчас всеми признается родственная связь фатьяновских племен с кругом культур боевых топоров и шнуровой керамики, но до сих пор не вполне ясно каково происхождение этих последних. Проблема времени существования и периодизация фатьяновской культуры в общем виде также решена; споры и дискуссии ведутся по поводу хронологизации отдельных памятников и вызваны в основном разногласиями между теми, кто считает, что была единая фатьяновская культура, и их оппонентами, выделяющими особую балановскую культуру.

Проблема распространения фатьяновских племен и выделения локальных групп имеет больше, чем все остальные проблемы, нерешенных вопросов. В первую очередь это вопросы взаимосвязи разных групп фатьяновских племен между собой и их взаимоотношений с балановскими племенами.

В проблеме исторических судеб фатьяновских племен, решение которой намечено пока лишь в целом, остается не известным ряд

частных вопросов, в том числе такой важный, как судьба каждой выделенной локальной группы фатьяновского населения. Т.е. сегодня созрела настоятельная необходимость дальнейшей более углубленной разработки основных проблем истории фатьяновской культуры, базирующейся не на новых фактических данных, а на применении новых приемов анализа уже имеющегося материала.

Как уже подчеркивалось, керамика являясь одним из основных источников для изучения фатьяновской культуры, исследовалась главным образом по морфологическим признакам: форма и орнамент. По этим двум признакам созданы классификации, нацеленные на выделение локальных групп и частично на выяснение относительной хронологии памятников. Данные о технологии изготовления фатьяновской керамики, полученные до сих пор, практически не использовались для решения историко-культурных проблем.

Подход А.А. Бобринского к изучению глиняной посуды делает керамику источником информации о историко-культурном прошлом населения, оставившего глиняную посуду. Качественно новое в этом подходе заключается в том, что каждый имеющийся сосуд рассматривается как результат определенного процесса человеческого труда. Определенного в том смысле, что все этапы изготовления сосуда, начиная с отбора исходного сырья и кончая приданием сосуду прочности, выполняются гончаром в соответствии с его культурными традициями. Эти традиции формируют навыки труда предшествующих поколений, которые передавались от мастера к ученику путем непосредственного обучения.

Выявляя особенности навыков труда на различных этапах изготовления сосуда, определяя гончарные традиции отдельных групп населения или культуры в целом, можно выйти на решение как частных, так и общих проблем истории фатьяновской культуры.

ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью работы является реконструкция на уровне современных исследовательских возможностей культурных традиций гончарного производства фатьяновских племен в области технологии, техники, орнаментации и форм глиняной посуды, а так же изучение на этой основе некоторых проблем истории фатьяновского населения.

Достижение этой цели предполагает решение ряда конкретных задач.

Задача 1. Выделение исходной информации о технологии и технике фатьяновского гончарного производства.

А.А. Бобринский в 1978 г. сформулировал понятие о естественной структуре всех гончарных производств. Он выделил три последовательные стадии изготовления глиняной посуды: подготовительную, созидательную и закрепительную, каждая из которых делится на ступени, представляющие собой узкие технологические задачи, неизбежно возникающие в процессе ее изготовления. Впоследствии эта структура гончарного производства была им уточнена (Бобринский А.А., в печати). Он выделил десять обязательных ступеней и две необязательные. Но, как отмечает А.А. Бобринский, "при современном состоянии методики не все ступени гончарного производства доступны для изучения по керамическим находкам" (Бобринский А.А., 1978. С. 14, 15).

Методика А.А. Бобринского позволяет получить по археологической керамике информацию о навыках труда, связанных со следующими ступенями гончарного производства:

Стадия I – подготовительная.

Ступень 1 – отбор исходного сырья.

Ступень 3 – обработка исходного сырья.

Ступень 4 – составление формовочных масс.

Стадия II – созидательная.

Ступень 5 – изготовление начина.

Ступень 6 – изготовление полового тела.

Ступень 7 – придание сосуду формы.

Ступень 8 – механическая обработка поверхностей.

Стадия III – закрепительная.

Ступень 9 – придание изделиям водонепроницаемости.

Ступень 10 – придание изделиям прочности.

Необязательные ступени:

Ступень 11 – орнаментирование поверхностей.

Ступень 12 – конструирование служебных частей емкости.

Соответственно этим ступеням гончарного производства и должна быть выделена информация о навыках труда фатьяновских гончаров.

Разберем подробнее, какую конкретную информацию возможно получить по каждой ступени.

Ступень 1 – отбор исходного сырья. Поскольку в фатьяновской керамике глина является основным сырьем, то речь пойдет о характеристике глины, которую фатьяновский гончар считал пригодной для лепки сосудов. Нашими средствами возможно определить следующее: 1) относительную степень ожелезненности глины, 2) относительную степень ее пластичности, которая определенным образом связана с уровнем запесоченности глины, 3) наличие других, помимо песка, естественных примесей в глине, таких, как различные виды бурого железняка, известняковых пород и т.д.

Ступень 3 – обработка исходного сырья. На этой ступени определяется состояние компонентов формовочной массы. В большей степени это касается учета состояния глины и органических добавок, которые могли быть использованы как влажными, так и сухими.

Ступень 4 – подготовка формовочной массы. Здесь определяется качественный состав минеральных добавок, их крупность и концентрация, а также вид органических добавок в формовочной массе.

Ступень 5 – изготовление начина. Основная задача – определение программы изготовления начина: донная, донно-емкостная, емкостно-донная или емкостная, а также приемов его конструирования – из комка, лоскутным, спиральным или кольцевым налепом, с использованием жгутов или лент.

Ступень 6 – изготовление полого тела. Фатьяновские приемы изготовления полого тела относятся к классу ручных, т.е. они целиком основаны на скульптурной лепке. Задача состоит в том, чтобы определить, к какой группе они относятся, – монолитных или составных, и если составных, то к какой подгруппе: комковых, лоскутных, жгутовых или ленточных.

Ступень 7 – придание сосуду формы (формообразование). Здесь необходимо определить, в рамках какого из трех основных направлений (использование моделей, скульптурная лепка на плоскости, лепка при помощи гончарного круга) решается задача формообразования сосудов у фатьяновских гончаров и, кроме того, выявить конкретные способы формообразования.

Ступень 8 – механическая обработка поверхности. Необходимо определить, к какому из основных направлений относятся фатьяновские навыки механической обработки поверхности – безгрунтовочному или грунтовочному, а также выявить конкретные приемы работы гончара.

Разработка методики выделения информации по *Ступеням 9 и 10*, относящимся к закрепительной стадии гончарного производства, еще не

завершена. Поэтому сегодня мы можем лишь приблизительно определять температуру и режимы термической обработки глиняных сосудов.

Задача 2. Выделение исходной информации о формах сосудов. Разделение всех категорий форм посуды на группы, различающиеся по своей общей пропорциональности.

Задача 3. Выделение исходной информации об орнаментике фатьяновской посуды.

Изучение орнамента проводилось по двум направлениям: технологическому и стилистическому. В рамках первого направления стояли задачи реконструкции инструмента и способов работы им при нанесении орнамента; в рамках второго направления – выделение элемента, образа, мотива и композиции орнамента.

Задача 4. Реконструкция культурных традиций в гончарстве (в технологии, орнаментике и формах). Выявление общих культурных традиций фатьяновских племен и специфических культурных традиций для отдельных групп фатьяновского населения.

* * *

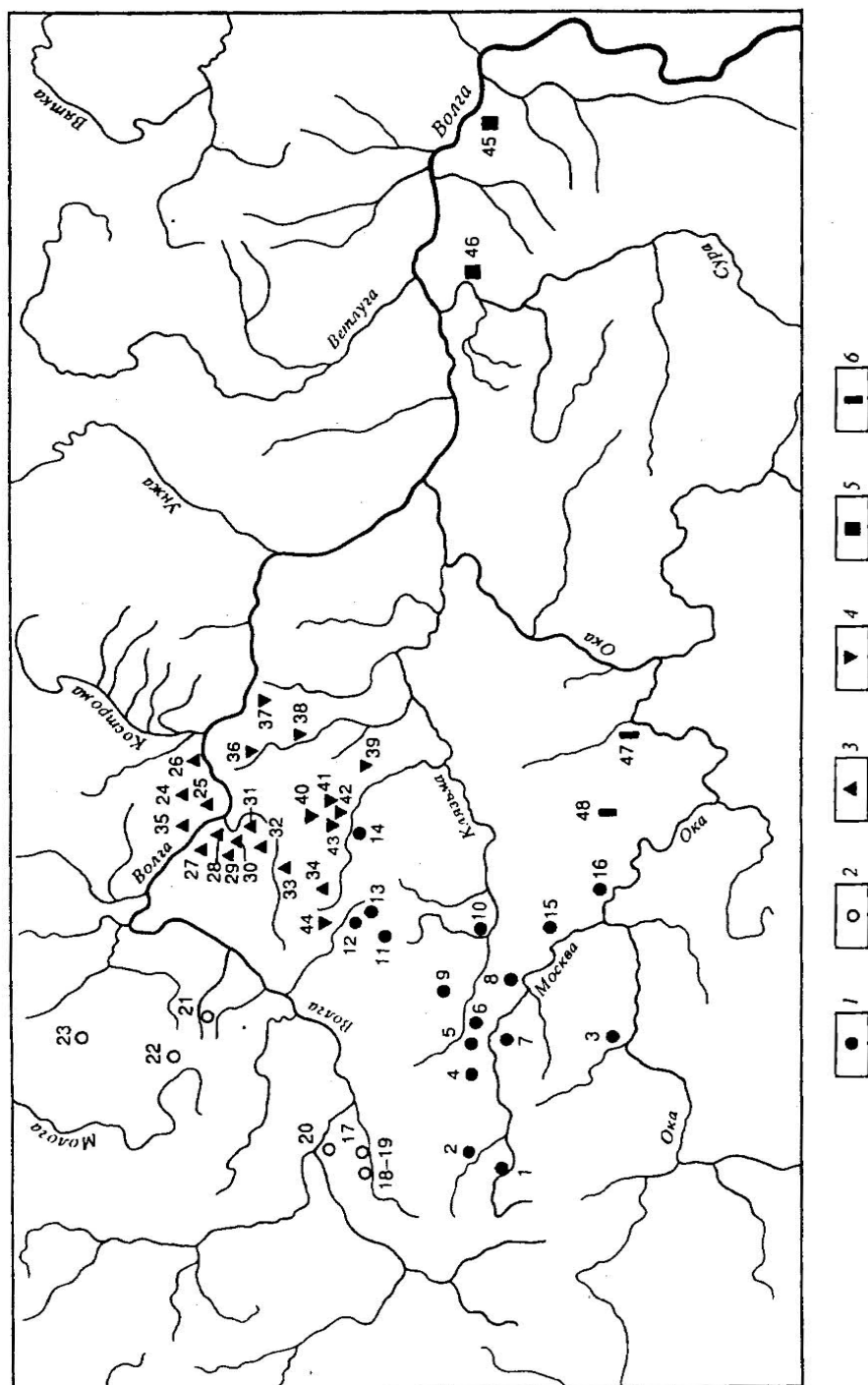
Глиняная посуда в данном случае является единственным источником информации о гончарном производстве фатьяновских племен, так как никаких технических приспособлений, связанных с ее изготовлением (инструменты гончаров, модели, обжиговые устройства и др.), пока не найдено.

Степень сохранности глиняной посуды различна. Фатьяновская керамика представлена целыми формами, развалами сосудов и отдельными фрагментами от сосудов, что обуславливает различную степень ее информативности. По степени убывания информативности можно выделить следующие группы.

I группа включает в себя развалы сосудов. Их сравнительно немного, но они дают возможность получить информацию о технологии во всем ступеням гончарного производства и об орнаменте. Единственный и весьма существенный ее недостаток – отсутствие полной формы сосудов.

II группа объединяет целые формы. Их тоже немного. По целым формам можно получить информацию о навыках 1, 3, 4, 7–10 ступеней производства, а также об орнаменте и форме. Но поскольку практически весь исследуемый материал находится в музейном хранении, а у нас отсутствует методика изучения технологии конструирования сосудов без их разрушения, целые сосуды не позволяют получить полную информацию о навыках 5 и 6 ступеней (изготовление начала и полного тела), в этом случае данные по ним лишь косвенные и суммарные.

III группа, состоящая из реставрированных сосудов, наиболее представительна. Она близка по информативности II группе. Разница заключается в том, что при мытье, склейке и гипсовании сосудов частично или полностью утрачиваются технологические следы на поверхностях сосуда, иногда искажается его форма.

IV группа объединяет многочисленные фрагменты сосудов. По фрагментам можно получить данные о навыках работы на 1, 3 и 4 ступенях производства (отбор исходного сырья, его обработка и составление формовочных масс) и в некоторых случаях информацию о конструировании, формообразовании и механической обработке поверхности (ступени 5–8), иногда частичные данные об орнаменте.

Всего исследовано 980 фатьяновских сосудов, 108 балановских, 167 сосудов так называемой "фатьяновской" керамики (стоянки Сахтыш, Ивановская, Липовка, Никольская II, Шагара, Ибердус и др.) и 25 сосудов среднеднепровской культуры. Весь материал рассматривается по следующим территориальным группам: московская, калининская, ярославская, ивановская и балановская (рис. 1). В основе выделения этих групп лежат особенности географического расположения памятников по бассейнам рек, а также определенные культурные особенности, проявившиеся в керамике.

Рассматриваемая в работе балановская керамика названа керамикой балановской группы фатьяновской культуры условно. При решении вопроса о статусе балановских памятников я склоняюсь к заключению, что имели место общность и, более того, родство фатьяновского и балановского населения, т.е. к выводу, к которому пришли большинство археологов. Я полагаю, что фатьяновские и балановские памятники следует считать общим наследием фатьяновских и балановских

←

Рис. 1. Карта-схема памятников, материалы которых использованы в работе.

1. Московская группа:

1. Хансвский могильник
2. Ивановогорский могильник
3. Алесановский могильник
4. Истринский могильник
5. Тростинский могильник
6. Мышеская стоянка
7. Давыдовский могильник
8. Верейский могильник
9. Протасовский могильник
10. Буньковский могильник
11. Сушевский могильник
12. Кузьминский могильник
13. Николо-Перевозский могильник
14. Быстринский могильник
15. Чашка
16. Панюшенка.

2. Калининская группа:

17. Тургиновский могильник
18. Новинки I участок 1 могильник
19. Новинки I участки 2–4 могильник
20. Ошурковский могильник
21. Олочинский могильник
22. Болшиневский II могильник
23. Овиницинский могильник

3. Ярославская группа:

24. Волосово-Даниловский могильник
25. Фатьяновский могильник

26. Вороксинский могильник
27. Вауловский могильник
28. Наумовский могильник
29. Воронковский могильник
30. Никулыдинский могильник
31. Великосельский могильник
32. Голузиновский могильник
33. Рождественский остров стоянка
34. Ивановская IV стоянка
35. Холмовогорский могильник

4. Ивановская группа:

36. Горичский могильник
37. Горкинский могильник
38. Скомороховский могильник
39. Сахтыш I, II, IV стоянки
40. Тимофеевский могильник
41. Мытищинский могильник
42. Ильинско-Хованский могильник
43. Кривцовский могильник
44. Дикариха (стоянка)

5. Балановская группа:

45. Балановский могильник
46. Атли-Касинский могильник

6. Окско-Деснинская группа:

47. Ибердус
48. Шагара I, IV стоянки

племен, составлявших единую фатьяновско-балановскую историко-культурную общность. Главное, на мой взгляд, понять характер отношений между этими племенами и выявить их динамику. Это касается не только отношений между фатьяновскими и балановскими племенами, но и отношений внутри самих фатьяновских племен.

Фатьяновские и балановские памятники оставлены племенами, чуждыми местному населению и Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья. Проблема их расселения на этой большой территории может быть частично решена при выявлении связей между разными фатьяновскими племенами.

Приведу перечень фатьяновских памятников, керамика которых была проанализирована, по локальным группам:

Московская группа (16 памятников)

Могильники: Ханевский (12 сосудов), Протасовский (10 сосудов), Истринский (7 сосудов), Тростинский (26 сосудов), Сущевский (9 сосудов), Кузьминский (19 сосудов), Быстринский (1 сосуд), Панюшенка (1 сосуд), Сауровский (1 сосуд), Давыдковский (2 сосуда), Алекановский (2 сосуда).

Стоянки: Мышецкая, Липовка, Никольская II, Чашка (возможно могильник, материалы из шурфа), Мурашево (возможно могильник).

Калининская группа (7 памятников)

Могильники: Тургиновский (14 сосудов), Новинки I, участок 1 (8 сосудов), Новинки I, участки 2–4 (28 сосудов), Ошурковский (11 сосудов), Болшневский II (5 сосудов), Олочинский (4 сосуда), Овинищинский (1 сосуд).

Ярославская группа (12 памятников)

Могильники: Волосово-Даниловский (404 сосуда), Вауловский (53 сосуда), Наумовский (15 сосудов), Фатьяновский (70 сосудов), Велюкосельский (8 сосудов), Воронковский (15 сосудов), Никульцинский (24 сосуда), Голузиновский (4 сосуда), Вороксинский (1 сосуд), Холмовогорский (3 сосуда).

Стоянки: Рождественский остров, Ивановская IV.

Ивановская группа (9 памятников)

Могильники: Кривцовский (1 сосуд), Тимофеевский (11 сосудов), Мытищинский (8 сосудов), Горицкий (1 сосуд), Горкинский (23 сосуда).

Стоянки: Сахтыш I, II, IV, Дикариха.

Окско-Деснинская группа (3 памятника)

Стоянки: Ибердус, Шагара I, IV.

Балановская группа (2 памятника)

Могильники: Балановский (101 сосуд), Атли-Касинский (7 сосудов).

Применяемые в работе методы можно разделить на четыре группы, соответствующие основным исследовательским задачам: 1) методы выделения технологической информации, 2) методы анализа орнамента, 3) методы изучения форм, 4) методы реконструкции культурных традиций в гончарстве. Для выделения навыков труда по ступеням производства существуют общие методы (микроскопический анализ, физическое моделирование, метод сравнительного анализа по эталонным сериям, картографирование и статистика), применяемые для анализа всех ступеней, и частные – для анализа его отдельных ступеней. Например, для определения ожелезненности глины используется метод сравнения цвета археологического черепка, обожженного вторично до температуры 850 градусов, с эталонной серией.

Общепринятой оценки степени запесоченности глины по обожженному черепку не разработано. Поэтому мною использована шкала для оценки относительной степени запесоченности, применяемая только в рамках изучаемых материалов. Я предлагаю различать средне-, сильно- и слабоzapесоченные глины. Слабоzapесоченная глина характеризуется редкими включениями крупного песка; среднеzapесоченная – присутствием мелкого и крупного песка с общей концентрацией его $1/5 - 1/6$ (доля песка/доля глины); сильноzapесоченная – присутствием очень большого количества пылевидного песка (размер частиц менее 0,1 мм).

При анализе обжига я использовала метод А.А. Бобринского для определения низкотемпературного обжига (*Бобринский А.А.*, 1989).

При изучении орнамента выделяются две группы информации: технологическая и стилистическая. Общими для этих групп методами являются статистика и картографирование, но при выделении технологической информации им предшествуют микроскопический анализ и физическое моделирование, а при выделении стилистической информации – структурный анализ (*Волкова Е.В.*, 1991).

Исходная информация о формах посуды выделяется с помощью метода изучения общей пропорциональности, статистики и картографирования.

Реконструкция культурных традиций в гончарстве фатьяновских племен проводилась по методике А.А. Бобринского, основанной на знаниях закономерностей их сложения и поведения в разных культурно-исторических ситуациях (*Бобринский А.А.*, 1978).

Метод микроскопического анализа

Для выделения навыков отбора и обработки сырья, а также навыков составления формовочных масс черепок исследуется под микроскопом с целью определения естественных включений в глине, искусственно добавленных примесей, состояния глины и примесей, крупности примесей и количественного соотношения примесей и глины.

Кроме того, микроскопический анализ применяется для выделения навыков конструирования сосуда. Для этого при большом увеличении

изучается характер "течения" формовочной массы в изломах сосуда, распределение включений искусственных добавок.

Для выделения навыков механической обработки поверхности анализируются следы на внешней и внутренней поверхности сосуда. При исследовании технологии нанесения орнамента изучаются следы и тип инструмента, которым был сделан орнамент.

Для уточнения характера наблюдаемых следов археологическая керамика сравнивается с экспериментальными (эталонными) образцами.

Метод физического моделирования

Для понимания некоторых приемов работы, связанных с процессом изготовления фатьяновской посуды был проведен ряд экспериментов.

1. Изготовлена серия эталонных образцов с различной механической обработкой поверхности для идентификации следов, фиксируемых на поверхностях фатьяновских сосудов.

2. Сделана серия сосудов для уточнения отмеченных по фатьяновской посуде навыков изготовления начина, полого тела и формообразования.

3. Прodelана экспериментальная работа, связанная с технологическим изучением орнамента на посуде: изготовление орнаментиров и реконструкция различных способов работы ими.

Метод структурного анализа орнамента

Под орнаментом на глиняной посуде я понимаю систему символов, нанесенных гончаром на поверхности сосуда. Существуют три возможных направления изучения орнамента: 1) технологическое, 2) стилистическое, 3) семантическое.

В данной работе орнамент исследовался только по первым двум направлениям. О методах определения технологических орнаментальных традиций говорилось выше. Для выделения стилистических орнаментальных традиций был проведен их структурный анализ. В структуре любого орнамента на посуде выделены четыре орнаментальных уровня: элемент, образ, мотив, композиция.

В качестве простейшей, неделимой части орнамента (элемента) принято рассматривать один отпечаток или одну проведенную линию. Из элементов складываются образы.

Образ – это совокупность элементов, воспринимаемая как целое на уровне мотива. Образы могут быть простые, состоящие из одного отпечатка или проведенной линии, тогда они совпадают с элементом, и составные, или сложные, состоящие из нескольких элементов. Слитное состояние элемента и образа, т.е. простые образы, характерно для наиболее ранней керамики, например керамики неолита лесной зоны Восточной Европы. Для фатьяновского орнамента свойственны образы, состоящие из нескольких элементов (зигзаг, решетка, ромб и т.д.). Из образов складываются мотивы.

Под мотивом понимается система организации образов. Последние могут быть расположены рядами, в шахматном порядке и т.д. В мотиве один образ может тиражироваться или сочетаться с другими образами.

Система организации мотивов на поверхностях сосуда дает композицию. Так, например, для фатьяновской керамики характерно расположение мотивов широкими горизонтальными полосами (зонами). В рамках фатьяновской композиции мотивы выполняют одну из двух функций: они являются основными мотивами, заполняя всю орнаментальную зону, или дополнительными, разделяя орнаментальные зоны между собой или ограничивая их.

Метод анализа форм сосудов по общей пропорциональности

Этот метод разработан А.А. Бобринским на достаточно представительной серии экспериментальных и традиционных этнографических форм сосудов.

Суть многолетнего эксперимента сводилась к следующему. Одних и тех же профессиональных гончаров в течение нескольких лет подряд просили изготовить серию горшков и мисок, близких по форме к посуде черняховской культуры. При этом черняховские горшок и миска, служащие эталоном, ставились перед мастером. Эти серии были названы "подражаниями". Помимо форм-подражаний, обработке подвергались формы, привычные для гончаров, т.е. те формы, которые они постоянно изготавливают на продажу.

После подсчета площади плоскостных изображений форм, приведенных к одной высоте, и их объема полученные результаты были на-

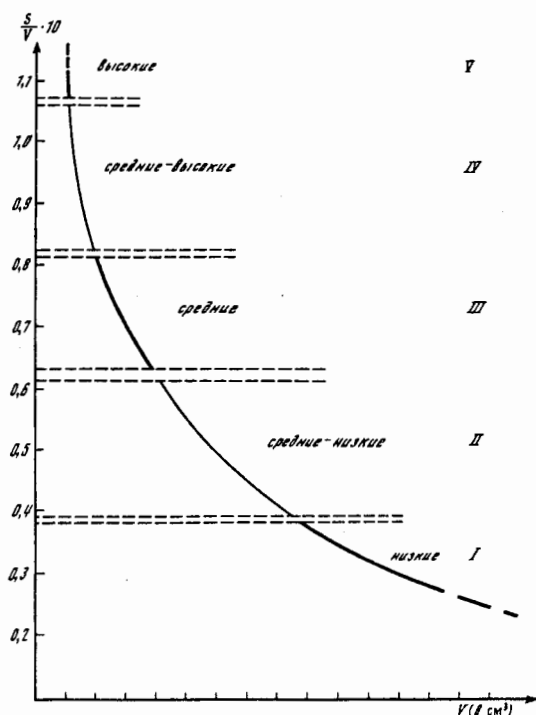

Рис. 2. Зоны общей пропорциональности форм сосудов

несены на график, где на оси абсцисс откладывались значения объемов сосудов, а на оси ординат – отношение площади сосуда к его объему, умноженное на 10. Оказалось, что у всех гончаров привычные кувшины, горшки и миски располагаются в пределах совершенно определенных зон пропорциональности: высокие формы (кувшиновидные) от 1,07 и выше, средние формы (горшковидные) от 0,63 до 0,81, низкие формы (мисковидные) от 0,38 и ниже. В то же время формы-подражания черняховскому горшку и черняховской миске располагаются в разных зонах. У гончаров, в ассортименте которых нет мисок, миски-подражания занимают зону от 0,39 до 0,61, промежуточную между средними и низкими формами. В эту же зону попадают горшки-подражания у гончаров, делающих только миски (рис. 2).

Таким образом, был составлен график, отражающий общие пропорции сосудов с четко фиксированными зонами для высоких, средних и низких форм и с промежутками между ними для форм нестандартных пропорций.

Метод позволяет определить сформированное и несформированное представление мастера о пропорциях сосудов разных категорий.

Метод реконструкции культурных традиций

Разработанная А.А. Бобринским система технико-технологического анализа керамики направлена на выделение и изучение навыков труда гончара при изготовлении глиняной посуды. Система анализа предусматривает выделение навыков труда по ступеням гончарного производства.

Устойчивые навыки труда по изготовлению посуды, передаваемые по наследству из поколения в поколение путем непосредственного обучения мастером ученика, принято называть культурными традициями в гончарстве. Такая передача навыков труда в доремесленную эпоху проходила преимущественно по родственным каналам, по мужской или женской линии. Поэтому изменение культурных традиций в гончарстве определенной группы населения свидетельствует в свою очередь об изменениях в составе членов этой группы. В частности, на основе этих данных можно судить о различных процессах, происходивших в среде изучаемого населения, а именно: о массовом притоке населения с другими традициями или об его инфильтрации в местную среду; о смешении групп с разными традициями или о полном вытеснении старого населения новым и т.п.

Исследования А.А. Бобринского показали, что навыки труда, относящиеся к разным ступеням гончарного производства, реагируют на изменение состава населения по-разному. Одна группа навыков изменяется достаточно быстро, в течение жизни одного поколения, другая группа – крайне медленно – в течение пяти-шести поколений. Первые навыки названы приспособительными. Это навыки по отбору и обработке сырья, составлению формовочных масс, механической обработке поверхности. Вторые названы субстратными. Это навыки по изготовлению начина, полого тела, формообразованию. Изучая суб-

стратные навыки труда, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения.

Методы статистического анализа и картографирования используются в наиболее простой и широко распространенной форме, не требующей специального пояснения.

Таким образом, все методы, применяемые в работе, направлены, во-первых, на выделение исходной историко-культурной информации, во-вторых, на ее организацию и сравнительный анализ, в-третьих, на реконструкцию конкретных культурных традиций в гончарстве фатьяновского населения и их развития в пространстве и во времени.

ТЕХНОЛОГИЯ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ФАТЬЯНОВСКИХ ПЛЕМЕН

ОТБОР ИСХОДНОГО СЫРЬЯ

(ступень 1)

Основным исходным сырьем для изготовления фатьяновской и балановской керамики служила природная глина, которая занимала более половины общего объема формовочной массы. Фатьяновские и балановские гончары чаще всего использовали ожелезненные (красножгущиеся) глины средней запесоченности (см. Гл. II и Приложение: табл. 1–3). Эти глины обычно содержали примеси мелкого песка и небольшое количество включений бурого железняка. Крупный естественный песок (больше 2,5 мм) в исследуемой керамике встречается редко и в небольшой концентрации, в основном в составе слабо-запесоченной природной глины.

Колебания степени ожелезненности и запесоченности глин связаны с использованием гончарами разных залежей. Тем не менее для всех локальных групп культуры наиболее характерно использование ожелезненных глин средней запесоченности.

В небольшой серии сосудов зафиксировано использование слабо-ожелезненных и слабозапесоченных глин. Основная часть сосудов, сделанных из слабоожелезненных глин, сосредоточена в балановской и ивановской группах (табл. 3). Эти же группы, а также ярославская выделяются значительной долей сосудов, сделанных из слабозапесоченных глин.

По традициям отбора исходного сырья наиболее сильно отличается балановская керамика. Здесь фиксируются три традиции: использование ожелезненной (59%), слабоожелезненной (33%) и неожелезненной (8%) глины. Кроме того, балановскому населению не свойственно использование для лепки сильнозапесоченной глины, в то время как у фатьяновского населения эта традиция имеет широкое распространение (табл. 3).

Таким образом, по навыкам отбора исходного сырья можно отметить следующее:

1. Для фатьяновских и балановских гончаров характерно преимущественное использование ожелезненной глины средней запесоченности. Обычно использовались глины без грубых естественных включений.

2. Ярославскую, ивановскую и балановскую группы объединяет значительная доля использования достаточно чистых природных глин.

3. Балановское население отличается применением неожелезненных и слабоожелезненных глин для лепки сосудов, что в целом не характерно для фатьяновского населения, где слабоожелезненные

глины фиксируются в небольшом количестве по керамике отдельных памятников (в Сауровском могильнике, в могильнике Новинки 1, в Волосово-Даниловском могильнике и на стоянках Сахтыш и Дикариха).

ОБРАБОТКА ИСХОДНОГО СЫРЬЯ

(ступень 3)

Глина, отобранная гончаром, подготавливалась для лепки сосудов различными способами, но все они были направлены на удаление из нее вредных примесей и повышение уровня однородности глиняной массы. По данным этнографии известны следующие приемы обработки глины: 1) выдерживание глины в течение какого-то времени во влажном состоянии с последующим переминанием ее перед составлением формовочной массы; 2) высушивание глины, а затем дробление и в той или иной форме просеивание глины; 3) отмучивание глины.

Методика выделения навыков обработки глины по археологической керамике находится в стадии разработки. Пока в качестве критериев выделения случаев использования сухой дробленой глины предлагаются следующие признаки, наблюдаемые в черепке под микроскопом: 1) комковатость глины, свидетельствующая о ее дроблении, 2) достаточная равномерность распределения искусственных включений в формовочной массе черепка, свидетельствующая о хорошем промесе формовочной массы, 3) наличие дробленых естественных примесей в глине (известняковых включений, бурого железняка), указывающее на дробление глины.

Серия экспериментальных образцов показала, что комковатость в большей степени сохраняется у жирных глин, а запесоченные глины, приведенные во влажное состояние, очень быстро утрачивают эту особенность, превращаясь практически в однородную массу.

Фатьяновская керамика в основном изготовлена из среднезапесоченной глины, что отчасти затрудняет выделение первого признака. Кроме того, большое количество искусственных крупных минеральных примесей осложняет выделение не только первого, но и второго признака. Таким образом, для оценки состояния глины фатьяновской керамики остается фактически только третий признак, в данном случае — это наличие расколотого бурого железняка.

Расколотый оолитовый бурый железняк зафиксирован в балановской керамике наряду с целым. В керамике фатьяновских племен отмечается целый оолитовый бурый железняк, за исключением единичных случаев: 2 сосуда со стоянки Дикариха и 1 сосуд со стоянки (могильника?) Мурашево (табл. 4). Поэтому можно предположить, что для фатьяновских гончаров характерна традиция выдерживания глины в течение какого-то времени во влажном состоянии с последующим ее переминанием перед использованием. У балановских гончаров, помимо этой традиции, существовала также традиция высушивания и дробления глины при ее подготовке.

Возможно, единичные случаи использования сухой дробленой глины, фиксируемые по фатьяновской керамике, являются результатом

контакта носителей фатьяновских и балановских гончарных традиций.

В формовочной массе фатьяновской керамики, помимо глины, фиксируются шамот, дресва и экскременты животных. Судя по качественному составу шамота, он изготавливался из фатьяновской же посуды. Во всех формовочных массах преобладают включения меньше 2 мм, но всегда есть небольшое количество включений больших, чем 2 мм, но не превышающих 2,5 мм. Это свидетельствует о том, что шамот калибровался до максимального размера равного 2,5 мм.

Такой же калибровке после дробления подвергалась и другая минеральная примесь, характерная для фатьяновской керамики – дресва.

Относительно конкретных способов подготовки экскрементов животных пока сказать что-либо затруднительно.

СОСТАВЛЕНИЕ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС

(ступень 4)

Для придания определенных свойств глине в нее добавлялись различные искусственные примеси. Так органические примеси (помет птиц или навоз жвачных животных) уменьшают отрицательное влияние усадки глины, а минеральные примеси (дресва, шамот и песок) увеличивают огнестойкость изделий (*Бобринский А.А.*, 1978). В керамике фатьяновских племен зафиксировано 4 разных рецепта: глина + органика (помет птиц или навоз жвачных животных), глина + органика + шамот, глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва (табл. 5). Первый рецепт относится к разряду простых, остальные являются сложными, так как в них присутствуют 2 и 3 неглинистых компонента. В сложных рецептах глина + органика + шамот и глина + органика + дресва каждая примесь выполняет свою определенную функцию (органика способствует равномерной усадке, а минеральная примесь повышает огнестойкость), в то время как в рецепте глина + органика + шамот + дресва функции шамота и дресвы дублируют друг друга.

Рецепт формовочной массы глина + органика + шамот + дресва, возможно, возник на базе двух других рецептов: глина + органика + шамот и глина + органика + дресва, также фиксируемых у фатьяновского населения. Эти три рецепта являются массовыми, так как они отмечены по большому числу сосудов. Они достаточно устойчивы, поэтому мы можем говорить о существовании трех традиций составления формовочных масс у фатьяновских племен: 1) традиция изготовления сосудов по рецепту глина + органика + шамот, 2) традиция изготовления сосудов по рецепту глина + органика + дресва, 3) традиция изготовления сосудов по рецепту глина + органика + шамот + дресва (табл. 5).

Рецепт глина + органика зафиксирован в единичных случаях: 2 сосуда из могильников московской группы и 3 сосуда с поселения Дикариха. Этот рецепт оказался массовым для так называемой "фатьяноидной" керамики поселений Сахтыш I, II, IV и Ибердус. Небольшой

процент такой керамики с рецептом глина + органика отмечен на поселении Никольская П.

Посуда с поселений должна рассматриваться отдельно, так как она представлена главным образом фатьяноидной керамикой. Анализ ее необходимо проводить в сравнении с остальной керамикой поселения. Исключение составляет фатьяновско-балановский комплекс керамики поселения Дикариха, поскольку в нем в отличие от фатьяноидного комплекса керамики этого же поселения и других поселений практически не прослеживается влияние энеолитических местных традиций. Например, в формовочной массе фатьяноидной керамики поселения Липовка Московской области преобладает рецепт глина + птичий помет + дресва, причем с большой концентрацией птичьего помета, а в фатьяноидной керамике Сахтышских стоянок Ивановской области преобладает рецепт глина + птичий помет, последний – в очень большой концентрации. Различия фатьяноидной керамики от фатьяновской не ограничиваются составом формовочных масс, приведенным здесь лишь в качестве доказательства необходимости рассматривать подобную керамику в комплексе с остальной керамикой памятника для понимания роли фатьяновцев в истории сложения населения, оставившего данный памятник.

Изученные материалы позволили зафиксировать следующее распределение различных традиций составления формовочных масс сосудов по памятникам и локальным группам фатьяновской культуры:

Московская группа

Доминирование традиции глина + органика + шамот: могильники Ханевский, Истринский, Протасовский, Сущеvский, Кузьминский, Давыдовский, Чашка и Мурашево.

Доминирование традиции глина + органика + дресва: могильники Быстринский (1 сосуд), Панюшенка (1 сосуд), Сауровский (1 сосуд), Тростинский.

Наличие рецепта глина + органика: могильники Протасовский и Кузьминский.

Калининская группа

Доминирование традиции глина + органика + шамот: могильники Тургиновский, Болшнеvский II, Олочинский, Овинищинский.

Доминирование традиции глина + органика + шамот + дресва: могильники Новинки I участок 1, Новинки I участки 2–4, Ошурковский.

Ярославская группа

Доминирование традиции глина + органика + шамот: могильники Волосово-Даниловский, Наумовский, Фатьяновский, Великосельский, Голузиновский, Воронковский, Вороксинский.

Доминирование традиции глина + органика + шамот + дресва: могильники Вауловский, Никульдинский.

Ивановская группа

Доминирование традиции глина + органика + шамот: могильники Тимофеевский, Горкинский.

Доминирование традиции глина + органика + шамот + дресва: могильники Кривцовский (1 сосуд), Мытищинский, Горицкий (1 сосуд), поселение Дикариха.

Таким образом, из приведенного списка и табл. 5 и 6 видно, что степень распространенности трех выделенных традиций составления формовочных масс керамики имеет существенные особенности как на уровне отдельных памятников, так и на уровне территориальных групп памятников.

В московской группе доминирует традиция глина + органика + шамот (61%), и в равном процентном отношении находятся традиции глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва (по 18% каждая). Эта локальная группа отличается также от остальных наличием двух сосудов с рецептом глина + органика (2%).

В калининской группе доминирует традиция глина + органика + шамот + дресва (58%) при достаточно сильной традиции глина + органика + шамот (34%) и слабой традиции глина + органика + дресва (8%).

В ярославской группе при доминировании традиции глина + органика + шамот (63%) достаточно значительна традиция глина + органика + шамот + дресва (31%) и небольшое количество сосудов, сделанных по рецепту глина + органика + дресва (6%).

В ивановской группе, так же как и в калининской, преобладает традиция глина + органика + шамот + дресва (45%) над традициями глина + органика + шамот (41%) и глина + органика + дресва (14%).

В керамике балановских племен зафиксирована одна устойчивая традиция глина + органика + шамот (100%). Кроме этой традиции составления формовочных масс, у балановцев отмечены единичные случаи (8%) использования в рамках этого же рецепта смеси двух глин, ожелезненной и нежелезненной, одна из которых находилась во влажном состоянии, другая в сухом.

* * *

Шамот (дробленая керамика) является уникальной примесью по своим источниковедческим возможностям. Определяя состав шамота, мы узнаем рецепт сосуда, который пошел на изготовление шамота, и таким образом получаем рецепты двух хронологических уровней: I уровень – непосредственно анализируемый сосуд, II уровень – сосуд, пошедший на шамот.

По памятникам и локальным группам фатьяновской культуры доминирующие рецепты II уровня распределяются следующим образом (табл. 7, 8):

Московская группа

Доминирование рецепта глина + органика + шамот: могильники Ханевский, Истринский, Сузевский, Кузьминский, Тростинский, Давыдовский (1 сосуд), Чашка (1 сосуд), Мурашево (1 сосуд).

Доминирование рецепта глина + органика + шамот + дресва: могильник Протасовский. Этот могильник выделяется еще и **отсутствием** на II уровне рецепта глина + органика + шамот и наличием рецепта глина + органика + дресва.

Калининская группа

Доминирование рецепта глина + органика + шамот: могильники Тургиновский, Олочинский.

Доминирование рецепта глина + органика + шамот + дресва: могильники Новинки I участок 1, Новинки I участки 2–4, Болшневский II (1 сосуд).

В Ошурковском могильнике рецепты глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва занимают равные доли (по 43%).

Ярославская группа

Доминирование рецепта глина + органика + шамот: могильники Волосово-Даниловский, Наумовский, Великосельский, Никульцинский, Воронковский, Вороксинский (1 сосуд).

В Вауловском могильнике преобладает рецепт: глина + органика + дресва (57%), а в Фатьяновском могильнике – рецепт глина + органика + шамот + дресва (52%).

Ивановская группа

Доминирование рецепта глина + органика + шамот: могильник Тимофеевский.

Доминирование рецепта глина + органика + дресва: могильник Горкинский и поселение Дикариха. В Мытищинском могильнике все три рецепта занимают равные доли (по 33%).

Для понимания содержания процессов смешения традиций в области составления формовочных масс посуды очень важно проследить поведение традиций на этих двух уровнях.

В табл. 9 дан сравнительный анализ традиций составления формовочных масс фатьяновских сосудов на I и II уровнях. Этот анализ показывает динамику разных традиций в пределах каждой локальной группы во времени.

В московской группе на II уровне доминирует традиция глина + органика + шамот (70%), доля рецепта глина + органика + шамот + дресва почти такая же, как и на I уровне (20%), а доля рецепта глина + органика + дресва значительно меньше, чем на I уровне (9%).

В калининской группе на II уровне, так же как и на I, преобладает рецепт глина + органика + шамот + дресва (46%), но доля рецепта глина + органика + дресва (22%) значительно выше, чем на I уровне.

В ярославской группе на II уровне так же преобладает традиция глина + органика + шамот (47%), но значительно больше доли традиций глина + органика + шамот + дресва (40%) и глина + органика + дресва (13%), чем на I уровне.

В ивановской группе на II уровне преобладает рецепт глина + органика + дресва (41%), но значительно представлены и рецепты глина +

+ органика + шамот (34%) и глина + органика + шамот + дресва (24%).

Балановская группа отличается стабильностью использования рецепта глина + органика + шамот, он зафиксирован в шамоте всех сосудов.

По результатам сравнения традиций формовочных масс сосудов на I и II уровнях возможно выделить несколько тенденций их развития:

1. В памятниках с массовой традицией глина + органика + дресва на II уровне на I уровне доминирует традиция глина + органика + шамот + дресва.

2. В памятниках с доминированием на II уровне традиции глина + органика + шамот + дресва на I уровне доминирует традиция глина + органика + шамот.

3. Традиция изготовления керамики по рецепту глина + органика + шамот поглощает две других традиции: глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва.

Исходя из выделенных тенденций, можно сделать следующие выводы об относительной хронологии этих традиций:

1. Памятники, в керамике которых на I и II уровнях зафиксирован только один рецепт глина + органика + шамот, могут быть как самыми ранними, так и самыми поздними, т. е. они не локализируются во времени.

2. Памятники, в керамике которых на II уровне отмечены только рецепты глина + органика + шамот и глина + органика + шамот + дресва, а на I уровне зафиксирован только рецепт глина + органика + шамот, предположительно наиболее поздние (Болшевский, Олочинский, Тимофеевский (?)).

* * *

Концентрация искусственных примесей в формовочных массах керамики также не случайна, как и вид этих примесей. Фатьяновская и балановская посуда отличается большой долей минеральных добавок в глине и относительно незначительной долей органических добавок.

Методика определения концентрации органических веществ, введенных в небольшом количестве в глину, находится в стадии разработки, поэтому об их концентрации в фатьяновской и балановской посуде, судя по экспериментальным данным, можно с уверенностью сказать только то, что соотношение органики и глины в формовочной массе было меньше, чем 1 к 2 (т. е. меньше, чем одна часть органики на две части глины). Поэтому в данной работе будут обсуждаться только особенности концентрации минеральных примесей, искусственно введенных в формовочную массу.

Особенности концентрации минеральных примесей в разных рецептах формовочных масс по памятникам и локальным группам фатьяновской культуры приведены в табл. 10–15.

Концентрация шамота в рецепте глина + органика + шамот (табл. 10):

Московская группа

Преобладание концентрации 1/2–1/3: могильники Ханевский, Протасовский, Суцевский.

Преобладание концентрации 1/4: могильники Истринский, Кузьминский, Тростинский, Чашка.

Калининская группа

Преобладание концентрации 1/2–1/3: могильники Тургиновский, Новинки I участок 1.

Преобладание концентрации 1/4: могильники Болшневский, Овинищинский.

Ярославская группа

Преобладание концентрации 1/2–1/3: могильники Волосово-Даниловский, Вауловский, Фатьяновский, Голузиновский, Вороксинский.

Преобладание концентрации 1/4: могильники Наумовский, Великосельский.

Ивановская группа

Преобладание концентрации 1/2–1/3: могильник Тимофеевский.

Преобладание концентрации 1/4: поселение Дикариха. В Мытищинском и Горкинском могильниках обе концентрации представлены поровну.

Концентрация дресвы в рецепте глина + органика + дресва (табл. 11):

Московская группа

Преобладание концентрации 1/4: могильник Тростинский и Никольская II.

Калининская группа

Преобладание рецепта 1/2–1/3: могильник Новинки I участки 2–4.

Ярославская группа

Преобладание концентрации 1/2–1/3: могильник Волосово-Даниловский.

Преобладание концентрации 1/4: могильники Фатьяновский, Никольщинский, Воронковский.

Ивановская группа

Преобладание концентрации 1/4: могильник Тимофеевский и поселение Дикариха.

Таким образом, в рецепте глина + органика + шамот керамики московской, ивановской и балановской групп преобладает концентрация шамота 1/4 (1 часть шамота на 4 части глины). В калининской и ярославской группах в этом же рецепте преобладает концентрация шамота 1/2–1/3.

Ивановская группа отличается достаточно большим процентом сосудов с концентрацией шамота $1/5$ (27%) в рецепте глина + органика + шамот. Калининская группа выделяется однородностью традиции использования шамота в высокой концентрации (не меньше, чем $1/4$) (табл. 12).

В рецепте глина + органика + дресва керамики московской, ярославской и ивановской групп преобладает концентрация дресвы $1/4$. Керамика московской группы отличается большей долей (31%) сосудов с более низкой концентрацией дресвы ($1/5$) (табл. 13).

В рецепте глина + органика + шамот + дресва концентрация шамота и дресвы иная. В калининской, ярославской и ивановской группах преобладает концентрация шамота $1/4$, в московской группе наиболее массовы две концентрации шамота: $1/3$ и $1/5$ (табл. 15).

В московской, ярославской и ивановской группах преобладает низкая концентрация дресвы в рецепте глина + органика + шамот + дресва ($1/5$ и ниже). В калининской группе массовой является концентрация дресвы $1/4$, при высокой доли концентрации $1/5$, т. е. в керамике калининской группы с рецептом глина + органика + шамот + дресва доля дресвы выше, чем в керамике других локальных групп с тем же рецептом.

При анализе соотношения шамота и дресвы в рецепте глина + органика + шамот + дресва учитывались три позиции: 1) шамота > дресвы, 2) шамот = дресве, 3) шамота < дресвы (табл. 16, 17).

Соотношение концентраций шамота и дресвы в рецепте глина + органика + шамот + дресва по памятникам и локальным группам дано в табл. 16–17:

Московская группа

Только шамота > дресвы: в могильниках Протасовском, Сушевском.

Доминирует шамота > дресвы: в могильнике Ханевском.

Равное количество шамота > дресвы и шамота < дресвы: в могильнике Тростинском.

Калининская группа

Доминирует шамота > дресвы: в могильник Новинки I участок 1, Новинки I участки 2–4.

Доминирует шамот = дресве: в могильнике Ошурковском.

Ярославская группа

Только шамота > дресвы: в могильниках Наумовском, Холмогорском.

Доминирует шамота > дресвы: в могильниках Волосово-Даниловском, Вауловском, Фатьяновском, Никульцинском, Воронковском.

Ивановская группа

Доминирует шамота > дресвы: в могильниках Тимофеевском, Мытищинском, Горкинском и на поселении Дикариха.

В пределах групп по этому показателю различий практически нет. Во всех группах в рецепте глина + органика + шамот + дресва присутствует в большей концентрации шамот, чем дресва и это явление массовое. Во всех группах представлены также ситуации, когда шамот = дресве и шамота < дресвы (табл. 17). Но конкретные памятники внутри локальных групп имеют свои особенности.

Преобладание доли шамота над дресвой в рецепте глина + органика + шамот + дресва во всех локальных группах в большинстве памятников говорит о сильной шамотной традиции для всей культуры. Она является доминантной по отношению к другим традициям.

Следует обратить внимание на памятники, где в керамике с рецептом глина + органика + шамот + дресва концентрация шамота не больше, чем концентрация дресвы (Тростинский, Никольская II, Тургиновский, Ошурковский, Кривцовский, Горицкий). Это свидетельствует о достаточно сильной традиции глина + органика + дресва у населения оставившего эти памятники.

* * *

Таким образом, в результате изучения навыков составления формовочных масс можно отметить следующее:

1. У фатьяновского населения отмечено три массовых традиции составления формовочных масс керамики: 1 – по рецепту глина + органика + шамот, 2 – по рецепту глина + органика + дресва, 3 – по рецепту глина + органика + шамот + дресва.

2. Локальные группы культуры различаются как по составу традиций, так и по их представительности.

Традиция глина + органика + шамот общая для фатьяновского и балановского населения; две другие присущи только фатьяновскому населению. В московской и ярославской группах доминирует традиция составления формовочной массы по рецепту глина + органика + шамот, в калининской и ивановской группах – по рецепту глина + органика + + шамот + дресва.

Керамика московской группы выделяется наиболее сильной, по сравнению с остальными группами, традицией глина + органика + + дресва (18%).

3. Имеются различия между группами и по составу шамота. Преобладание на II уровне рецепта глина + органика + шамот отмечается в московской, ярославской и балановской группах. Ивановская группа отличается от всех доминированием рецепта глина + органика + дресва, а калининская группа доминированием рецепта глина + органика + + шамот + дресва (табл. 8).

4. В рецепте глина + органика + шамот + дресва концентрация шамота в основном превышает концентрацию дресвы, что говорит о доминировании традиции использования в формовочных массах шамота, а не дресвы. Керамика московской и калининской локальных групп отличается более высокой концентрацией дресвы в этом рецепте. Это, возможно, свидетельствует о том, что смешение двух традиций (гли-

на + органика + шамот и глина + органика + дресва), приведшее к образованию более сложного рецепта, в этих локальных группах находилось в своей начальной стадии, когда доминирующая роль шамота еще не проявилась.

Таким образом, по всем параметрам зафиксировано явное доминирование шамотной традиции у фатьяновского населения.

При сравнении состава формовочных масс реальных сосудов (I уровень) и состава их шамота (II уровень) наблюдаются тенденции изменения традиций во времени. В московской группе происходило небольшое ослабление традиции глина + органика + шамот и усиление традиции глина + органика + дресва. В калининской группе усиливается традиция глина + органика + шамот + дресва и значительно ослабевает традиция глина + органика + дресва. В ярославской группе наблюдается усиление традиции глина + органика + шамот и ослабление традиций глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва. В ивановской группе усиливается традиция глина + органика + шамот + дресва и резко слабеет традиция глина + органика + дресва. В балановской группе наблюдается устойчивость традиции глина + органика + шамот.

Отмеченные тенденции отображают конкретные особенности процессов смешения, происходивших в локальных группах фатьяновского населения. Можно предположить, что московская группа в целом является более ранней, так как именно здесь фиксируется начало процесса смешения традиции глина + органика + шамот с традицией глина + органика + дресва. Во всех остальных группах наблюдается процесс изживания традиции глина + органика + дресва.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОСУДОВ И ПРИДАНИЕ ИМ ФОРМЫ

(ступени 5–7)

Здесь будет рассмотрена информация о навыках труда фатьяновских гончаров на трех последовательных ступенях изготовления сосуда: создание начина, полого тела и формообразование.

Напомню, что под началом принято понимать часть сосуда (реже весь сосуд), которая делалась мастером в первую очередь, и изготовление которой являлось непрерывным технологическим процессом. При характеристике начина определяется программа и способы его конструирования, а также формы используемых строительных материалов.

"Полым телом принято называть фигуру, образующуюся после завершения строительства днища и стенок будущего сосуда" (*Бобринский А.А.*, 1978. С. 114, 154). При характеристике полого тела отмечают прежде всего направление развития приемов его изготовления (выдавливание из комка глины, наращивание из нескольких порций глины, вытягивание) затем определяют сами эти приемы и формы используемых строительных материалов.

Формообразование – это придание полному телу необходимой формы. Выделяют три основных направления в развитии навыков формо-

образования: создание формы при помощи модели, создание формы путем скульптурной лепки на плоскости и с использованием гончарного круга. В рамках каждого направления выделяются конкретные способы формообразования.

В рамках первого направления отмечаются особенности устройства модели (модели-основы и модели-емкости, полные и неполные). В рамках второго направления выделяются три группы способов: выбивание, выдавливание и налепливание. В рамках третьего направления, связанного с вытягиванием глины, принято отмечать уровень развития функций гончарного круга (Там же. С. 189–191).

При изучении технологии конструирования сосуда важно учитывать существование двух противоположных тенденций в развитии технологической структуры: первая отражает дифференциацию задач и действий при конструировании, вторая – сращивание их в единый технологический процесс (Там же. С. 121). В производствах с неразвитой структурой все или большая часть задач (создание начина, полового тела, формообразование) решаются слитно или с частичной дифференцированностью. По мере развития технологической структуры, решение каждой задачи выделяется в особую процедуру. Позднее, в связи с освоением круга и технологии вытягивания, определяющей становится вторая тенденция – к сращиванию отдельных задач конструирования в одну общую.

Фатьяновское гончарное производство характеризуется состоянием неразвитости технологической структуры конструирования. Это проявляется в частичной дифференцированности трех основных задач созидательной стадии гончарного производства: создания начина, полового тела и формообразования.

Фатьяновские сосуды лепились из нескольких частей (табл. 18). Обычно из двух-трех частей делалась емкость сосуда, к которой примазывалось горло, сделанное отдельно. В местах соединения частей иногда имеются трещины по всей окружности сосуда. Такая трещина чаще всего наблюдается на его донной части на высоте 3–6 см от нижней точки дна сосуда. В отдельных случаях удалось установить очередность лепки частей емкости сосуда, которые потом соединялись друг с другом. В трех случаях первой делалась часть с плечом и туловом, затем донная часть. В двух случаях первой лепились донная часть и частично тулово, а затем остальная часть сосуда с туловом и плечом. Во всех случаях горло примазывалось в последнюю очередь.

Помимо многочастности, у фатьяновских и балановских гончаров фиксируется способ лепки сосуда в два слоя, т. е. сначала на модели налепливается один слой глины, затем на него накладывается второй такой же слой, выполненный тем же способом, что и первый. Двуслойность зафиксирована на всех частях сосуда. Реже всего она встречается в горле. Стенки сосудов, сделанных в два слоя, чаще всего расслаиваются примерно посередине, по месту соединения этих слоев. Двуслойность отмечена на 35 фатьяновских и балановских сосудах (табл. 19, рис. 3).

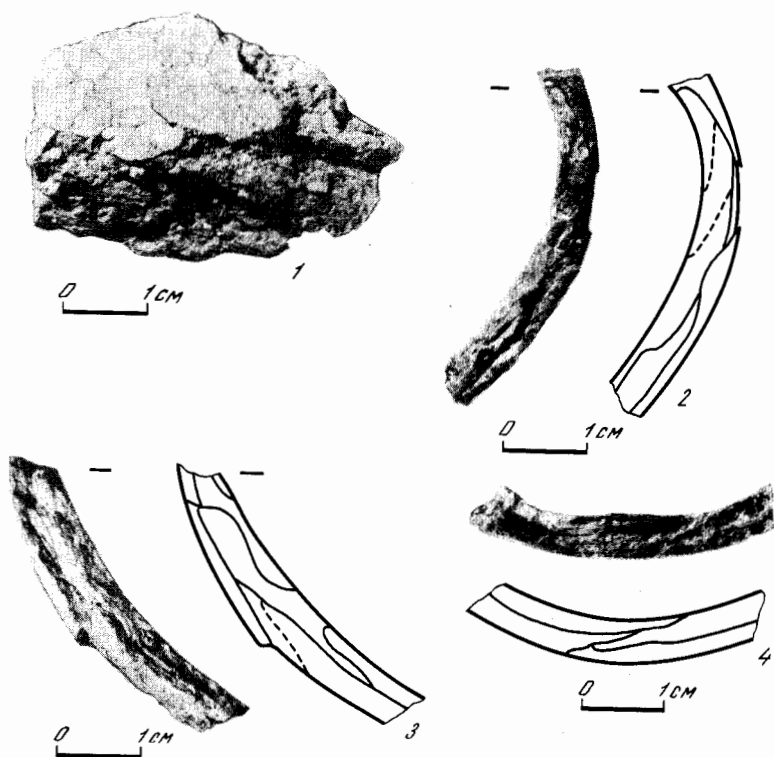

Рис. 3. Могильник Новинки I. Образцы керамики с лоскутным налепом и двойным слоем наращивания: 1) участок 3, погр. 2 (в заполнении ямы); 2) участок 3, погр. 1, с. 1, вертикальный излом (плечо и тулово); 3) участок 3, погр. 1, с. 1, вертикальный излом (донная часть); 4) участок 3, погр. 1, с. 1, горизонтальный излом (донная часть).

Все сосуды фатьяновского и балановского населения относятся к классу ручных, группе составных, т. е. их делали без использования круга с помощью только налепной технологии (табл. 18–20). Исходным строительным материалом был глиняный жгут. В большинстве случаев зафиксирован короткий жгут небольшого диаметра (условно "лоскут"), наложенный спиральным способом (табл. 20, рис. 3), т. е. лоскут представлял собою не бесформенный кусочек глины, а небольшую часть жгута. Лоскутки образовывались при примазывании кусочков этого жгута. Гончар наращивал стенки сосуда, накладывая их по спирали с небольшим углом их подъема. В 14 случаях удалось выделить спирально-зональный лоскутный налеп, когда после нескольких витков спирали наращивание прекращалось, торец стенки выравнивался, а затем начиналось наращивание новой зоны (рис. 4–6).

Массовое использование лоскутно-спирального способа наращивания сочетается в фатьяновском и балановском гончарстве с коль-

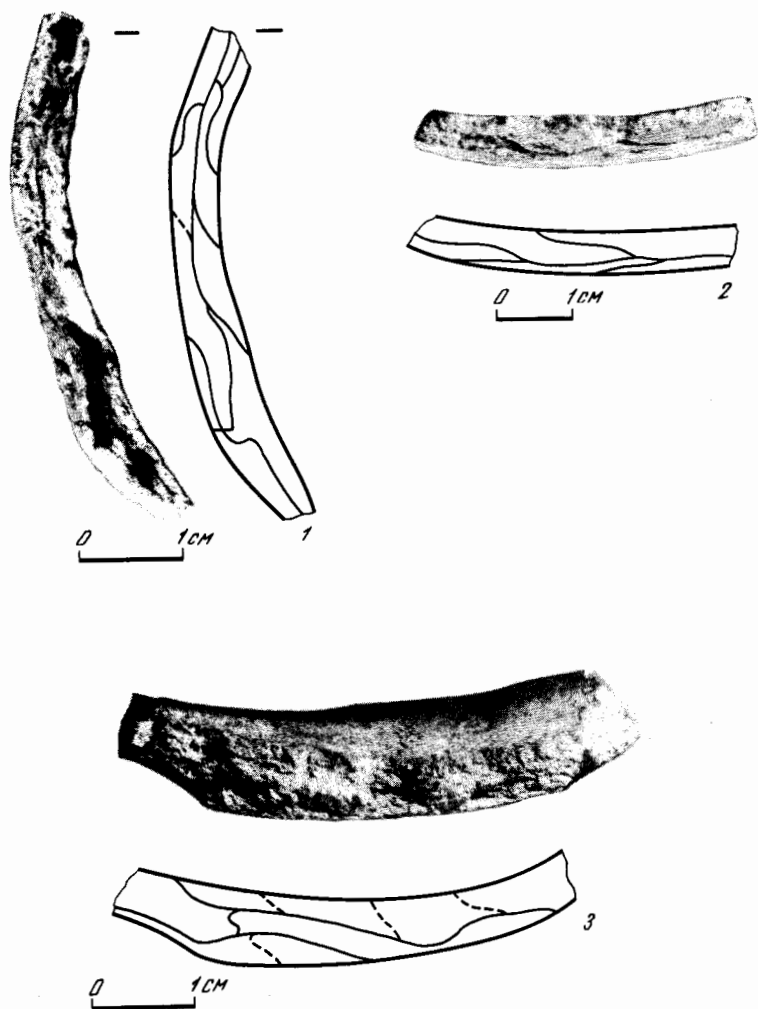

Рис. 4. Могильник Новинки I. Образцы керамики со спирально-лоскутным налепом: 1) участок 3, погр. 1, с. 2, вертикальный излом стенки; 2) участок 3, погр. 1, с. 2, горизонтальный излом стенки; 3) участок 3, погр. 1, с. 2, горизонтальный излом стенки.

цевым и спиральным жгутовым налепом. Из-за трудности дифференциации жгутового спирального налета от лоскутно-спирального налета пока невозможно говорить об этих технологических особенностях для керамики отдельных памятников или локальных групп. Сводная таблица информации о видах налета дает достаточно близкую картину соотношения жгутового и лоскутного налепов во всех локальных группах (табл. 20).

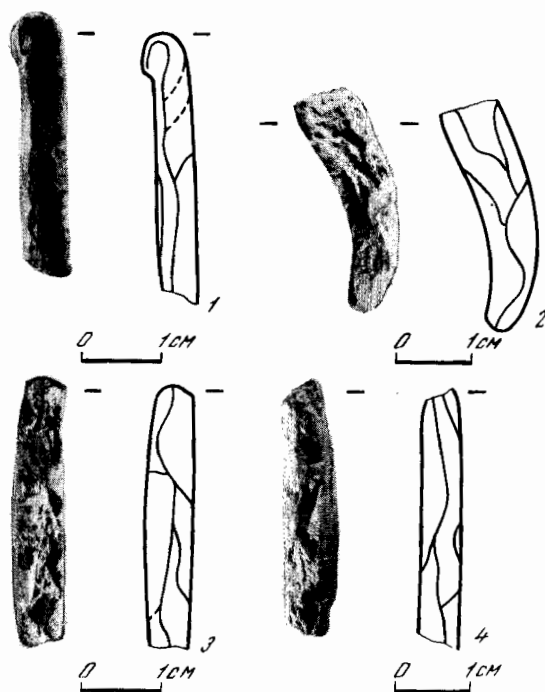

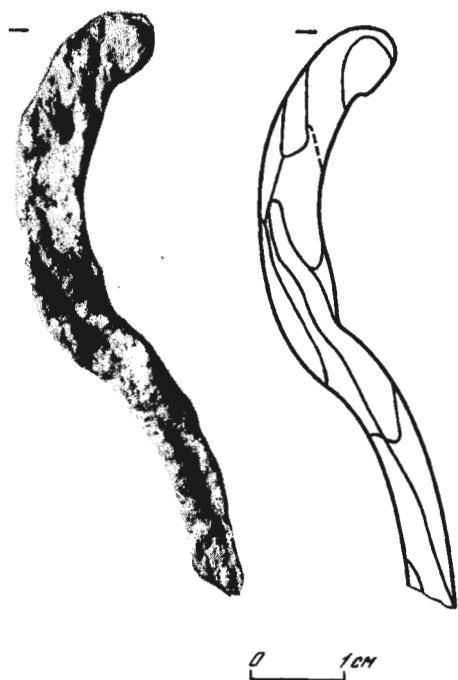
Рис. 5. Могильник Новинки I. Образцы керамики со спирально-лоскутным налепом: 1) участок 3, погр. 4, с. 2, вертикальный излом горла; 2) участок 3, погр. 4, с. 1, вертикальный излом плеча; 3) участок 3, погр. 4, с. 1, вертикальный излом стенки; 4) участок 3, погр. 4, с. 1, вертикальный излом стенки.

Сочетание спирально-лоскутного и спирально-жгутового налепов фиксируется иногда в пределах одного сосуда. Так, горла большинства сосудов наращивались из жгута по спирали или кольцу, а емкость чаще всего лепилась лоскутно-спиральным способом.

Надо отметить, что лоскутно-спиральный налеп возник, вероятно, в результате сращивания двух технологических традиций: лоскутного комковатого налепа и жгутового спирального налепа. Это смешение относится к истории формирования культуры (вспомним об особенностях субстратных навыков) и говорит о том, что в сложении фатьяновской культуры принимали участие носители традиции лоскутного комковатого налепа и носители традиции жгутового спирального налепа.

Наличие сосудов, сделанных жгутовым спиральным налепом, а также сочетание его с лоскутно-спиральным налепом на одном сосуде позволяет предположить, что позднее, в рамках культуры, началось сращивание традиции лоскутно-спирального налепа и традиции жгутового спирального налепа. Возможно, в этом процессе участвовали те

Рис. 6. Могильник Новинки I. Вертикальный излом горла и плеча сосуда из погребения 2, участка 3. Спирально-лоскутный налеп.

же носители традиции жгутового спирального налеха, что и в сложении культиры.

Лоскутный налех, как правило, сочетается с использованием форм-моделей при лепке сосуда, которые принято делить на формы-емкости, когда при лепке использовалась внутренняя поверхность формы, и формы-основы, когда глина налепливалась на ее внешнюю поверхность. По фатьяновской керамике фиксируется применение как форм-емкостей (12 сосудов), так и форм-основ (7 сосудов). Все эти случаи были выявлены при микроскопическом анализе поверхностей сосудов, на которых фиксировались статичные отпечатки кожи, — косвенное свидетельство использования таких форм (рис. 7, 3). В отдельных случаях, как, например, на сосуде из Горицкого могильника, были зафиксированы на поверхности следы золистой подсыпки. Нижняя часть горицкого сосуда со следами золи на внешней поверхности, скорее всего, вылеплена в глиняной миске, служившей формой-емкостью; ее внутренняя поверхность была обсыпана золой.

Микроскопический анализ показал, что формы-модели применялись при конструировании как верхних (кроме горла), так и нижних частей сосуда. О массовом использовании форм-моделей косвенно свидетельствует также симметричность форм фатьяновских и балановских сосудов, которая даже больше, чем у сосудов, сделанных на гончарном

круге. Это хорошо видно при перегибании по оси симметрии контура сосуда, вычерченного по фотографии. При наложении друг на друга, правый и левый контуры почти полностью совпадают по всему профилю емкости (асимметричность проявляется обычно на плече и горле сосуда). Подобная симметричность отсутствует лишь у единичных форм фатьяновской и балановской посуды.

Тот факт, что в результате микроскопического анализа лишь на 19 сосудах удалось зафиксировать следы использования форм-моделей, объясняется широким распространением у фатьяновских и балановских гончаров приемов выбивания, а также различных приемов последующей механической обработки поверхностей сосудов.

Выбивание фиксируется на большей части сосудов (73,1%) (табл. 21). Внешняя поверхность выбитых сосудов покрыта небольшими "площадками", внутри которых иногда фиксируется маленькое углубление, свидетельствующее о применении так называемых "клювовидных" колотушек (рис. 7, 1–2). Об использовании "наковальни" и, возможно, формы-модели в качестве наковальни, говорит ровная, с утопленными минеральными примесями внутренняя поверхность сосудов. По значительной деформации жгутов (в изломе) можно предположить, что выбивание было достаточно сильным, однако во всех случаях оно не искажало симметричности форм сосудов, отсюда и возникло предположение, что оно делалось на форме-основе.

Сочетание лепки сосудов на формах-моделях и выбивания, говорит, с одной стороны, о смешении навыков формообразования, а с другой — о начавшейся дифференциации в технологической структуре фатьяновского гончарного производства, когда решение задачи формообразования стало обособляться в отдельную процедуру.

Локальные группы фатьяновской культуры различаются по количеству сосудов с выбитыми стенками. Являясь широко распространенным у фатьяновских и балановских гончаров, прием выбивания слабее всего представлен на керамике московской локальной группы (табл. 21).

В целом по культуре выбивание отсутствует на небольшой серии сосудов (1,8% от всей изученной керамики). Большая часть этих сосудов сосредоточена в московской группе. Эти сосуды сделаны как по модели, так и свободной лепкой на плоскости. Первые наиболее распространены в московской группе, вторые, обычно отличающиеся маленькими размерами, встречаются во всех локальных группах, кроме ивановской (табл. 21). Таким образом, в результате анализа субстратных навыков в гончарном производстве фатьяновского и балановского населения можно сделать следующие выводы.

1. Фатьяновское и балановское гончарство можно характеризовать как производство с неразвитой технологической структурой. Применение форм-моделей для изготовления емкости сосуда вело к одновременному решению задач конструирования и формообразования. Поэтому основные задачи по непосредственному изготовлению сосуда (создание начина, полого тела и формообразование) решались как слабодифференциальные.

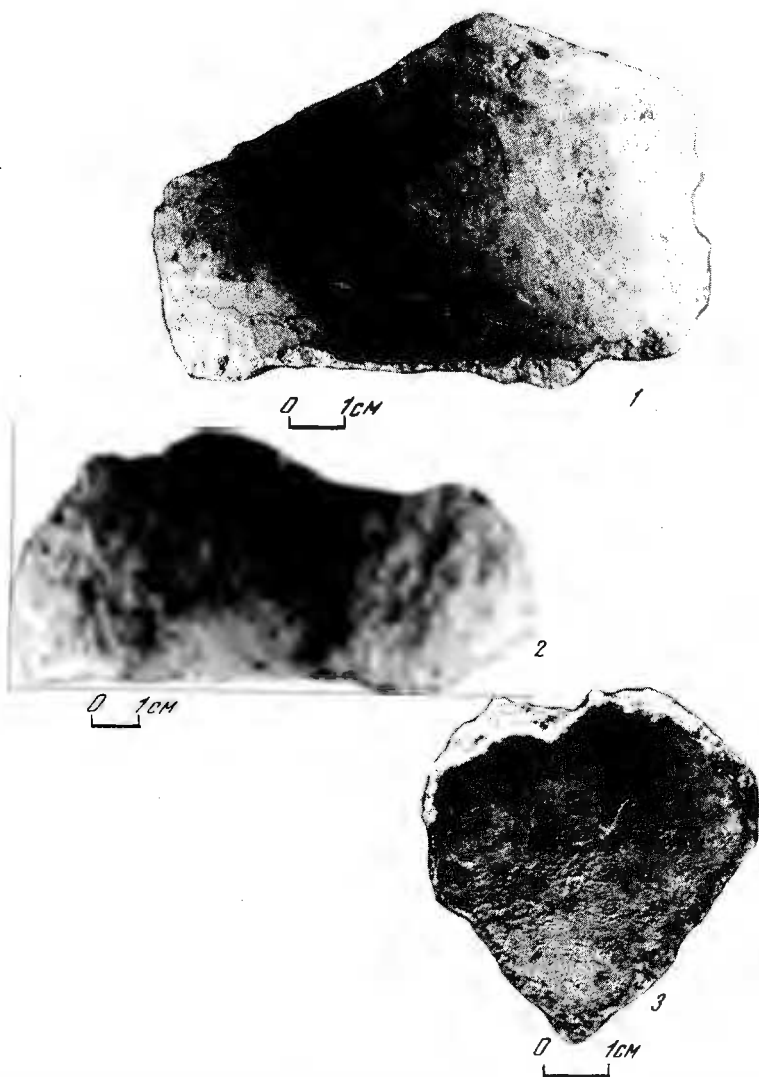

Рис. 7. Могильник Новинки I. 1–2 – следы выбивания на внешней поверхности сосуда 4 из погребения 2, участка 3; 3 – отпечатки кожи на внутренней поверхности донной части сосуда 2 из погребения I, участка 3.

2. Начало дифференциации технологической структуры проявилось в изготовлении емкости сосуда из нескольких частей и в частичном выделении формообразования в особую процедуру, о чем свидетельствует широкая распространенность у фатьяновских и балановских гончаров приема последующего выбивания стенок сосуда.

3. В фатьяновском и балановском гончарстве зафиксировано два

способа формообразования: с помощью формы-модели и с помощью выбивания стенок сосуда, причем, если первый способ фиксируется на небольшой серии сосудов как самостоятельный, то второй – только в сочетании с первым. Отсюда можно заключить, что традиция придания определенных очертаний сосуду с помощью формы-модели доминировала. Широко представленная в фатьяновском и балановском гончарстве смешанная традиция формообразования, форма-модель + выбивание, говорит о сращивании двух разных направлений в развитии навыков формообразования: лепка по форме-модели, скульптурная лепка на плоскости.

4. Традиция форма-модель + выбивание является наиболее распространенной у фатьяновских и балановских гончаров. Выделяется только керамика московской группы, где эта смешанная традиция представлена слабее, чем во всех остальных локальных группах, и шире, чем в остальных группах, представлена несмешанная традиция использования только формы-модели, без последующего выбивания. Поскольку несмешанная традиция (использование формы-модели), вероятно, отражает время формирования культуры, т. е. является более ранней, то и московская локальная группа может квалифицироваться как более ранняя. Отсюда, в свою очередь, следует, что сложение традиции форма-модель + выбивание относится к начальному этапу истории единой фатьяновско-балановской общности.

5. Двойственность технологических традиций фатьяновских и балановских гончаров проявляется также при анализе способов конструирования емкости и горла сосуда. Это традиции использования спирально-лоскутного и спирально-жгутового налепов. Судя по имеющимся данным, соотношение этих традиций в разных локальных группах весьма близкое.

6. Все это позволяет предположить, что в сложении фатьяновского и балановского населения принимали участие, вероятно, одни и те же группы древнего населения. Можно выделить две такие группы: с традицией изготовления сосудов лоскутным налепом по формам-моделям и с традицией их скульптурной лепки на плоскости жгутовым налепом с последующим выбиванием. Отмеченные различия имеют весьма глубокую природу, что позволяет предполагать исходную неродственность этих двух групп древнего населения. Дальнейшие исследования позволят в большей степени конкретизировать эту картину.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ПОВЕРХНОСТЕЙ СОСУДОВ

(ступень 8)

При анализе механической обработки поверхностей принято учитывать, к какому из двух основных направлений развития этих навыков (безгрунтовочному или грунтовочному) относятся навыки изучаемого населения. В рамках каждого из направлений выделяются свои приемы выполнения работы.

Навыки, зафиксированные по фатьяновской и балановской посуде,

относятся только к безгрунтовочному направлению. Но в пределах этого направления выделяются две группы способов обработки поверхности: заглаживание и лощение (табл. 22, 24).

Приемы заглаживания для всей изучаемой посуды одинаковы. Это простое заглаживание специальным инструментом, оставляющим едва заметные микроследы. Тщательно заглаживались обе поверхности сосуда, иногда внутренняя поверхность сосуда подвергалась менее тщательному заглаживанию. В этих случаях на поверхностях под микроскопом можно увидеть более грубые следы предварительного заглаживания (отпечатки пальца, грубого деревянного инструмента), а в отдельных случаях отпечатки кожи.

Часть посуды после заглаживания лощилась. Отмечены случаи лощения как всего сосуда, так и только верхней его части. Лощилась преимущественно внешняя поверхность и внутренняя поверхность горла сосуда. Только около 12% сосудов (от всех лощеных сосудов) имеют лощеную внутреннюю поверхность. В основном это сосуды, лощенные и с внешней стороны (табл. 24).

Лощение как прием обработки внешней поверхности сосуда доминирует на керамике ярославских и балановских памятников, на керамике остальных памятников преобладает заглаживание внешней поверхности (табл. 24). Внутренняя поверхность обрабатывалась главным образом только заглаживанием. Небольшой процент керамики с лощеной внутренней поверхностью отмечается только для памятников ярославской, ивановской и балановской групп (табл. 24).

По керамике фатьяновских и балановских племен отмечаются два приема лощения: по влажной основе и по подсушенной основе. Первый прием в целом преобладает над вторым, но по локальным группам прослеживается различное их соотношение. Традиция лощения по влажной поверхности доминирует в памятниках московской и ярославской групп. В калининской группе эта традиция лишь незначительно превосходит традицию лощения по подсушенной основе, а в ивановской группе эти традиции представлены одинаково. Балановская группа выделяется доминированием традиции лощения по подсушенной основе (табл. 23, 25).

В случаях, когда лощеными оказываются обе поверхности сосуда, всегда фиксируется одинаковый для обеих поверхностей прием лощения.

Таким образом, в результате исследования навыков механической обработки поверхностей фатьяновской и балановской посуды можно отметить следующее:

1. Для фатьяновского и балановского населения характерна безгрунтовочная обработка поверхности сосудов. Зафиксировано два способа обработки поверхности: заглаживание и лощение. Простым заглаживанием обрабатывались обе поверхности практически всех сосудов. Внешняя поверхность сосудов часто затем лощилась.

2. Традиция лощения внешней поверхности сосудов преобладает в ярославской и балановской группах. В остальных группах доминируют сосуды с заглаженной внешней поверхностью. Для внутренней поверх-

ности всех сосудов характерно заглаживание. Лощение внутренней поверхности встречается только на сосудах ярославской, ивановской и балановской групп.

3. У фатьяновских и балановских гончаров существовало два приема лощения: по влажной и по подсушенной основе. Лощение по подсушенной основе доминирует только на балановской керамике. Возможно, что распространение традиции лощения по подсушенной основе в среде фатьяновских племен связано со смешением фатьяновского и балановского населения.

4. В целом по навыкам обработки поверхности сосуда наиболее близкими оказались калининская и ивановская локальные группы фатьяновской культуры.

ПРИДАНИЕ ИЗДЕЛИЯМ ПРОЧНОСТИ И ВОДОНЕПРОНИЦАЕМОСТИ (ступень 9–10)

На последней, закрепительной стадии гончарного производства решаются задачи, связанные с обжигом посуды и ее химико-термической обработкой. Поскольку фатьяновские и балановские сосуды химико-термической обработке не подвергались, здесь речь пойдет только об их обжиге.

Методика изучения навыков ведения обжига находится пока в стадии разработки (*Бобринский А.А.*, 1989. С. 20–23), поэтому сейчас можно дать лишь самую общую характеристику приемов обжига фатьяновской и балановской керамики.

Для основной массы посуды характерен кратковременный обжиг при температуре выше 650 градусов. О том, что обжиг велся при температурах каления глины (начиная от 650–700 градусов и выше) говорят отсутствие остаточной пластичности глины и окрашенные в теплые тона поверхности сосудов (от розового до кирпично-красного). О том, что обжиг был кратковременным, свидетельствует двух- и трехцветность изломов, с резкими границами между разными цветовыми слоями.

Пятнистость внешней поверхности сосудов, а также различная степень прокаленности стенок позволяет предположить, что их обжигали на костре. Поскольку эти признаки характерны как для фатьяновской, так и для балановской керамики, то, вероятно, обе они обжигались в кострищах.

Выявлена небольшая серия сосудов (из могильника Новинки 1), которые обжигались при очень низких (до 450 градусов) температурах. Возможно, при дальнейших исследованиях эти навыки окажутся представленными более широко.

Проведение ряда экспериментов и выработка на их основе методов анализа обжига керамики позволят в дальнейшем конкретизировать изложенную выше информацию об обжиге фатьяновской и балановской посуды. Из-за ограниченности имеющихся данных воздержусь от какой-либо количественной характеристики выделенных приемов.

МОРФОЛОГИЯ ФАТЬЯНОВСКОЙ КЕРАМИКИ

ФОРМА СОСУДОВ

Как отмечалось в главе I, исследователями предлагались различные классификации фатьяновской и балановской посуды; в том числе В.А. Городцовым (1916), Д.А. Крайновым (1963), О.Н. Бадером (1963), О.С. Гадзяцкой (1976). Различаясь в деталях, все они фиксируют четыре основных вида посуды (три — для балановской керамики).

Это обстоятельство, как мне кажется, отражает реальное положение вещей, т.е. существование у фатьяновцев амфоровидных сосудов, шаровидных горшков с выделенной шеей, кубков, мисок. Названия эти достаточно условны, но сами категории выделяются по функциональному признаку, о чем свидетельствуют предварительные результаты структурного анализа форм каждой из них. В балановской посуде в отличие от фатьяновской полностью отсутствуют кубки. Сегодня изучение форм сосудов возможно на самых разных уровнях анализа. Я ограничусь наблюдениями за особенностями общей пропорциональности форм на примере 376 целых фатьяновских и балановских сосудов. Задачей такого исследования является не построение новой классификации, а попытка выделить некие "стандарты" в каждой из категорий. Более глубокие уровни анализа (структурный, изучение костяка и оболочек форм) требуют разработки некоторых дополнительных методов, применимых к изучению круглодонных, выбитых сосудов.

Среди изученных сосудов 274 относятся к категории шаровидных горшков с выделенной шеей, 68 — к амфоровидным, 17 — к кубкам и 17 — к категории мисок. Анализируемая совокупность форм не включает в себя все имеющиеся на сегодняшний день фатьяновские и балановские сосуды, но в целом данное распределение форм отражает реальное соотношение различных категорий фатьяновской посуды, т.е. самой массовой категорией были горшки с выделенной шеей, затем — амфоровидные сосуды и наиболее редкими — кубки и миски. В разных могильниках фатьяновской культуры представительность этих категорий различна. Наиболее полно представлены могильники ярославской группы и Балановский могильник балановской группы. Большинство могильников других локальных групп содержат небольшое число целых форм, поэтому соотношение сосудов разных категорий часто бывает искаженным из-за неполной выборки.

Метод анализа общей пропорциональности форм сосудов, разработанный А.А. Бобринским, позволяет определить, в пределах каких зон пропорциональности находятся фатьяновские и балановские формы сосудов разных категорий.

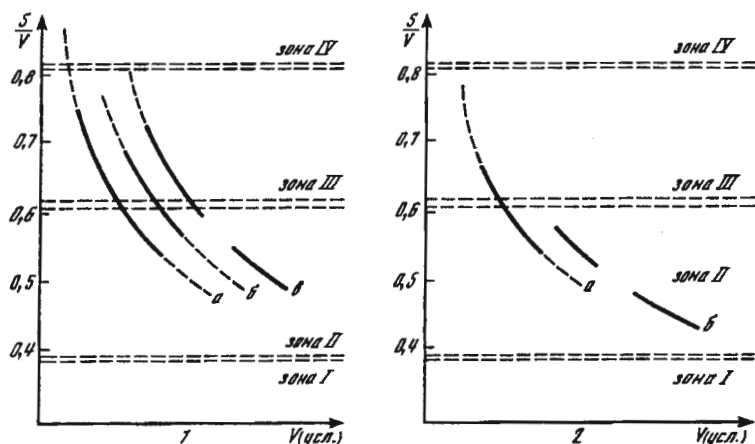

Рис. 8. Общая пропорциональность форм сосудов: 1 – фатьяновские горшки (а) и кубки (б), балановские горшки (в); 2 – фатьяновские "амфоры" (а) и балановские "амфоры" (б)

Итак, зона 1 – "миски", зона 2 – "горшки-миски", зона 3 – "горшки", зона 4 – "горшки-кувшины", зона 5 – "кувшины". Названия зон условны, по существу, они отражают три основные пропорции: низкие (зона 1), средние (зона 3), высокие (зона 5), а также их переходные состояния: средне-низкие (зона 2) и средние-высокие (зона 4) (рис. 2). Эти промежуточные зоны особенно интересны, так как попадающие туда сосуды отражают отсутствие у мастера сформировавшихся представлений об общей пропорциональности изготавливаемых им сосудов. Если судить по этнографическим данным, то это могло быть обусловлено прежде всего стремлением мастера к подражанию новым для него формам посуды.

Анализ общей пропорциональности форм проводился по четырем категориям посуды в порядке их представительности.

Распределение шаровидных горшков с выделенной шей по зонам общей пропорциональности следующее (рис. 8, 1):

1. Только в зоне 3: могильники Протасовский, Кузьминский, Сауровский (1 сосуд), Олочинский (1 сосуд), Овинищинский (1 сосуд), Воронковский.

2. Преимущественно в зоне 3: могильники Тургиновский, Тимофеевский, Голузиновский, Никульцинский, Балановский.

3. Только в зоне 2: могильники Сущевский (1 сосуд), Панюшенка (1 сосуд), Мытищинский (1 сосуд), Вауловский, Атли-Касинский.

4. Преимущественно в зоне 2: могильник Тростинский.

5. Равное распределение сосудов в зонах 2 и 3: могильники Волосово-Даниловский, Наумовский.

Таким образом, фатьяновские и балановские шаровидные горшки с выделенной шей располагаются в пределах двух зон: 2 и 3 ("горшок" и "горшок-миска"), исключение составляют два сосуда из Волосово-Даниловского могильника и один сосуд из Наумовского могильника, которые

попали в зону 4 ("горшок-кувшин"). В целом для этой категории форм для всех локальных групп наиболее характерна зона 3 (рис. 8,1).

Исключение составляют две группы могильников: первая группа – Волосово-Даниловский и Наумовский могильники, вторая группа – Вауловский, Тростинский, Панюшенка и Атли-Касинский могильники. Возможно, к этой же группе относятся Сущевский и Мытищинский могильники, но каждый из них представлен в нашей выборке только одним сосудом.

В первой группе шаровидные горшки с выделенной шеей равномерно располагаются в зонах 2 и 3. Во второй группе эта категория посуды занимает в основном зону 2.

Калининская локальная группа выделяется из всех остальных наибольшей долей форм в зоне 3.

Шаровидные горшки с выделенной шеей Балановского могильника четко делятся на две группы. Первая группа расположена преимущественно в зоне 3, вторая – только в зоне 2 (рис. 8,1). Балановские сосуды второй группы соответствуют расположению на графике атликасинских сосудов.

Распределение "амфоровидных сосудов" по зонам следующее (рис. 8,2):

1. В зоне 3: могильники Тимофеевский (1 сосуд), Горицкий (1 сосуд).
2. В зоне 2: могильники Горкинский (1 сосуд), Никульцинский (1 сосуд), Вауловский (1 сосуд), Балановский.
3. В зонах 2 и 3: могильники Кузьминский, Волосово-Даниловский.

Таким образом, амфоровидные сосуды распределяются так же, как и предыдущая категория в зонах 2 и 3. Для могильников ярославской группы характерно размещение амфоровидных сосудов в тех же зонах, которые занимают шаровидные горшки могильника (Волосово-Даниловский, Никульцинский, Вауловский могильники) (рис. 8,2). Эта закономерность наиболее ярко выражена на Волосово-Даниловском могильнике, откуда имеется наибольшее число "амфор" (40 сосудов), причем здесь не наблюдается никакого разрыва на графике между шаровидными горшками и амфорами, хотя последних все же больше в зоне 2 (рис. 8,2).

Такой разрыв виден, например, на графике по материалам Кузьминского могильника (московская локальная группа), где шаровидные горшки лежат только в зоне 3, а амфоры – на границе 2 и 3 зон и в зоне 2.

Амфоровидные сосуды Балановского могильника занимают только зону 2. В отличие от всех фатьяновских амфор они распадаются на две группы: 1 – более высоких и 2 – более низких. Амфоры первой группы совпадают на графике с шаровидными горшками с выделенной шеей, лежащими в зоне 2. Амфоры второй группы лежат ниже как всех балановских шаровидных горшков, так и всех фатьяновских шаровидных горшков и амфор (рис. 8,2).

Распределение "кубков" по зонам общей пропорциональности следующее (рис. 8,1):

1. В зоне 3: могильники Протасовский, Кузьминский, Мытищинский, Кривцовский (везде по одному сосуду).

2. В зоне 2: могильник Ошурковский (1 сосуд).

3. В зонах 2 и 3: могильники Воронковский и Волосово-Даниловский.

Поскольку кубков очень мало, можно отметить только закономерность их распределения в основном в зонах, характерных для шаровидных горшков с выделенной шейей конкретных могильников (например, могильники Воронковский, Волосово-Даниловский, Протасовский, Кузьминский) (рис. 8,1).

Столь же малочисленна категория мисок. Все фатьяновские и балановские миски лежат в зоне 1, т.е. в зоне низких форм.

Таким образом, анализ фатьяновских и балановских форм сосудов по их общей пропорциональности позволяет сделать следующие выводы:

1. Для категории шаровидных горшков с выделенной шейей наиболее характерна зона 3 (средние формы – "горшок"). Амфоровидные сосуды занимают в основном зону 2 (средние-низкие формы – "горшок-миска"). Кубки лежат равномерно в зонах 2 и 3. Все миски располагаются в зоне 1 (низкие формы – "миски"). Миски являются единственной категорией форм, выделившейся в отдельную зону.

2. По шаровидным горшкам с выделенной шейей намечается близость, во-первых, Волосово-Даниловского и Наумовского могильников, во-вторых, Тростинского, Панюшенки, Вауловского, Атли-Касинского могильников, а также, возможно, Суцевского и Мытищинского.

3. Особо выделяется посуда Балановского могильника. Во-первых, здесь отсутствует категория кубков, во-вторых, балановские амфоры и шаровидные горшки имеют свои собственные зоны распределения: шаровидные горшки – зону 3, амфоры – зону 2, т.е. каждой категории форм соответствуют свои пропорции, в-третьих, категории шаровидных горшков и амфоровидных сосудов – каждая имеет в своей основе по две разные модели, характеризующиеся различной общей пропорциональностью.

4. Фатьяновские амфоровидные сосуды за исключением амфор Кузьминского могильника по общей пропорциональности аналогичны шаровидным горшкам с выделенной шейей. То же можно сказать и про фатьяновские кубки. Из этого следует, что категории фатьяновских амфор и кубков не имели собственного стандарта, а делались по одной модели пропорциональности с шаровидными горшками.

5. Сходство форм сосудов Волосово-Даниловского и Наумовского могильников, возможно, связано с близостью их бытования во времени. С керамикой этих могильников имеют наибольшее сходство сосуды Никольцинского и Балановского могильников, которые, вероятно, также близки первым по времени. Принимая во внимание то, что Атли-Касинский могильник считается достаточно поздним, можно, предположить, что такими же поздними являются Тростинский, Панюшенский, Вауловский, Суцевский и Мытищинский могильники. Судя по

имеющимся данным, к этому же времени, вероятно, относится вторая группа балановских шаровидных горшков с выделенной шеей.

Поскольку большинство как фатьяновских, так и балановских сосудов изготавливалось по формам-моделям без значительного последующего искажения (см. гл. III), допустимо предположить, что их общая пропорциональность в большой мере определялась особенностями именно использованной мастером модели. Если это действительно так, то фатьяновские и балановские гончары имели несколько видов форм-моделей. В частности, у фатьяновских гончаров были, вероятно, достаточно близкие формы-модели для изготовления шаровидных горшков с выделенной шеей и амфоровидных сосудов, а может, и для изготовления кубков. Об этом говорит расположение всех этих категорий фатьяновских сосудов в зонах 3 и 2 по общей пропорциональности в виде сплошного массива. Тем не менее даже в рамках этого массива основная масса амфор сосредоточена в более низкой его части, а шаровидных горшков – в более высокой.

Более определенно особенности форм-моделей различаются по балановской посуде. Судя по характеру ее распределения с точки зрения общей пропорциональности, балановские мастера имели особые формы-модели для шаровидных горшков с выделенной шеей, которые располагаются в зоне 3, и два вида моделей для амфоровидных сосудов, которые располагаются двумя компактными множествами в пределах зоны 2.

Таким образом, по общей пропорциональности разные категории форм балановской посуды имеют свои явные особенности, а разные категории фатьяновских сосудов различаются по этому признаку существенно слабее. Отмеченные особенности не что иное, как отражение формирования представлений о пропорциональности разных категорий посуды. Несмотря на некоторое сходство, эти процессы по-разному протекали в среде фатьяновских и балановских производителей глиняной посуды.

ОРНАМЕНТ НА СОСУДАХ

Передо мной стояла задача выявить орнаментальные традиции, характерные для керамики культуры в целом, ее локальных групп и в меньшей мере – для конкретных памятников.

Орнамент изучался по двум направлениям – технологическому и стилистическому. В рамках технологического направления определялся вид орнаментира (т.е. инструмента для нанесения орнамента) и характер работы им. В рамках стилистического направления анализ проводился на четырех структурных уровнях: элемент, образ, мотив и композиция (см. гл. II).

Анализ орнаментальной технологии позволил выделить основные виды инструментов, которыми наносился орнамент, и способы нанесения орнамента. Для всей фатьяновской и балановской посуды основными орнаментами были зубчатый и гладкий штампы, а также уплощенный инструмент с небольшим по диаметру притупленным рабочим

краем, которым в основном проводились горизонтальные разделительные линии. Штампам наносились отдельные отпечатки под прямым или под небольшим к поверхности сосуда углом.

Изучение технологических традиций в орнаментировании фатьяновской и балановской посуды показало их большую близость как для культуры в целом, так и для ее локальных групп. Некоторые особенности проявляются лишь на микроуровне, в рамках отдельных памятников, поэтому они не будут предметом рассмотрения в данной работе.

Исключение составляет технологическая традиция использования шнура для нанесения отпечатков в виде прямых горизонтальных линий, так как эта традиция выделяет целый круг фатьяновских памятников. Использование шнура в качестве орнамента в большей степени свойственно гончарам московской локальной группы (26% от всей орнаментированной посуды группы). Эта традиция также распространена и в калининской группе (22%). Но в калининской группе около половины сосудов (56% от всех орнаментированных шнуром) имеет отпечатки шнура только на участке основания шеи (Тургиновский могильник), причем характер этих отпечатков говорит, скорее, о технологической функции шнура в процессе конструирования сосуда, чем о его декоративной функции. Тем не менее тот факт, что гончар не посчитал нужным убрать эти отпечатки, свидетельствует о том, что он знал о традиции использования шнура для нанесения орнамента, т.е. эта традиция не противоречила его представлениям о внешнем облике сосуда. На остальных сосудах калининской группы шнур использован в качестве орнамента, причем для создания того же мотива, что и на московской посуде (ряд горизонтальных параллельных линий).

В памятниках других локальных групп отпечатки шнура зафиксированы в единичных случаях. Отсюда можно предположить, что традиция использования шнура в качестве орнамента, характерна именно для московской группы и, очевидно, отсюда она распространялась (вместе с носителями этой традиции) на территорию калининской группы.

Традиция нанесения орнамента шнуром, распространенная у населения московской группы, имеет близкие аналогии с традициями населения среднеднепровской культуры (*Артеменко И.И.*, 1967) и жуцевской культуры Прибалтики (*Лозе И.А.*, 1979), где фиксируется не только эта технологическая традиция, но и данный конкретный мотив орнамента на посуде.

При изучении стилистических традиций в рамках данной работы были исключены из специального анализа орнаменты на днищах сосудов. Это обусловлено тем, что последние, будучи в принципе невидимыми для потребителя посуды, несут в себе, скорее всего, не столько традиции разных групп этого населения, сколько глубокий сакральный смысл, возможно, единый для населения всей фатьяновской культуры. Так или иначе изучение орнамента днищ сосудов требует одновременного стилистического и семантического анализа, что пока представляется преждевременным.

Источником для изучения стилистических традиций была не только

информация, собранная при непосредственном анализе сосудов, но и вся доступная автору информация, представленная в многочисленных публикациях, что в общей сложности составило 880 сосудов 40 памятников фатьяновских и балановских племен.

Для фатьяновского и балановского населения в целом характерна орнаментированная посуда (91% от всей керамики). Доля орнаментированной посуды высока во всех локальных группах. По соотношению орнаментированных и неорнаментированных сосудов выделяется московская группа, где доля последних немного выше (22%), чем в остальных группах (от 7 до 18%) (табл. 26, 27).

Определенным образом выделяется и ярославская группа, где большая часть неорнаментированных сосудов представляет собой "миски", в то время как в остальных группах среди неорнаментированной посуды в равной мере присутствуют все категории форм.

Стилистический анализ орнамента на первом структурном уровне (элемент)

По фатьяновской и балановской посуде на уровне элементов орнамента были выявлены два основных их вида, характерных для всех локальных групп. Это "короткая прямая линия", обычно соответствующая одному отпечатку штампа (реже прочерченная), и "длинная прямая линия", как правило, прочерченная, реже сделанная отпечатком шнура. Чаще всего второй вид элемента совпадает с орнаментальным образом "прямая горизонтальная линия", но в отдельных случаях этот образ может быть составлен из элементов первого вида, когда, например, соприкасающиеся короткие линии (отпечатки штампа), имитируют отпечаток шнура.

Большая часть орнаментальных образов на сосудах состоит из элементов вида 1. Особенности элементов вида 2, слитных с образом прямой горизонтальной линии, будут рассматриваться ниже, на втором структурном уровне.

Стилистический анализ орнамента на втором структурном уровне (образ)

Изучение фатьяновского орнамента позволило выделить образы, общие для всей культуры и специфические для отдельных локальных групп (табл. 28, 29).

Образы, общие для всей фатьяновской культуры, включая балановскую группу, следующие (табл. 28):

- 1) горизонтальная прямая линия,
- 2) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий,
- 3) горизонтальный зигзаг,
- 4) горизонтальная елочка,
- 5) косая решетка,
- 6) параллельные переменного наклона линии,
- 7) группы вертикальных линий.

Из всех перечисленных орнаментальных образов только "косая решетка" отделяет фатьяновскую посуду от посуды среднеднепровской и

жуцевской культуры Прибалтики и Польши (Лозе И.А., 1979; Kostrzewski J., 1965, Sulimirski T., 1957–1959), т.е. образы, общие для всей фатьяновской культуры, почти целиком совпадают с образами орнаментов на посуде этих культур шнуровой керамики.

Общих массовых орнаментальных образов для всех локальных групп фатьяновской культуры всего три: горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий, горизонтальная прямая линия и горизонтальный зигзаг. Под массовыми образами на посуде каждого памятника принято понимать образы, представленные не менее чем на 40% сосудов памятника (с округлением до десятков). Под массовыми образами на посуде каждой локальной группы принято понимать орнаментальные образы, представленные не менее чем на 20% сосудов группы (с округлением до десятков). Набор массовых орнаментальных образов специфичен для каждой локальной группы (табл. 29).

Список массовых орнаментальных образов по мере убывания их доли на посуде в каждой локальной группе:

Московская группа

- 1) горизонтальная прямая линия (92%),
- 2) косая решетка (61%),
- 3) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий (57%),
- 4) параллельные переменнo-наклонные линии (39%),
- 5) группы вертикальных линий (22%),
- 6) горизонтальный зигзаг (20%).

Калининская группа

- 1) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий (58%),
- 2) горизонтальная линия (42%),
- 3) горизонтальная елочка (27%),
- 4) параллельные переменнo-наклонные линии (23%),
- 5) косая решетка (21%),
- 6) горизонтальный зигзаг (19%).

Ярославская группа

- 1) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий (82%),
- 2) неоконтуренный ромб (35%),
- 3) горизонтальный зигзаг (32%),
- 4) горизонтальная линия (29%).

Ивановская группа

- 1) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий (60%),
- 2) горизонтальная линия (29%),
- 3) горизонтальный зигзаг (22%),
- 4) неоконтуренный ромб (19%).

Балановская группа

- 1) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий (77%),
- 2) горизонтальная линия (55%),

- 3) горизонтальный зигзаг (32%),
- 4) параллельные переменно-наклонные линии (21%),
- 5) группы вертикальных линий (20%).

По набору массовых образов на посуде особенно близки, с одной стороны, московская, калининская и балановская группы, с другой – ярославская и ивановская группы.

Несмотря на близость по этому параметру, посуда калининской и московской групп различается, во-первых, двумя массовыми образами (в московской группе – группы вертикальных параллельных линий, в калининской – горизонтальная елочка), во-вторых, разным количеством остальных массовых орнаментальных образов, общих для обеих групп. Орнаментальные образы балановской посуды почти совпадают с московскими, но массовый для московской керамики образ косой решетки (61%) в балановской группе представлен только на 15% орнаментированных сосудов. Кроме того, общие массовые орнаментальные образы балановской и московской керамики в каждой из этих групп представлены разным количеством.

Ярославская и ивановская группы, полностью совпадая по набору массовых образов на посуде, отличаются долей представленности каждого из них, хотя самый массовый орнаментальный образ в обеих группах один и тот же – это горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий.

Отличие набора ярославско-ивановских образов на посуде от образов посуды остальных групп состоит в наличии среди первых – неоконтуренного ромба, остальные массовые орнаментальные образы являются общими для всех групп. Еще одно отличие ярославско-ивановской посуды проявляется в небольшом, по сравнению с остальными группами, числе массовых образов.

Образ параллельных переменно-наклонных линий в отличие от всех остальных имеет особенности в разных локальных группах. Выделяются три варианта его исполнения.

1 вариант. Параллельных переменно-наклонных линий в каждой группе больше трех, обычно число этих линий в пределах одного мотива разное: от 3 до 9. Кроме того, если провести две горизонтальные прямые, соединяющие концы этих линий с двух сторон, то эти прямые будут параллельны друг другу. Этот вариант характерен для керамики московской и калининской групп. Более того именно этот вариант данного орнаментального образа типичен для среднеднепровской культуры и жуцевской культуры Прибалтики и Польши.

2 вариант. Параллельных переменно-наклонных линий в каждой группе, обычно 3–4, их противоположные концы так же, как и в 1 варианте, можно соединить параллельными друг другу горизонтальными линиями. Этот вариант характерен для балановской керамики. Помимо нее, он чаще всего встречается на керамике ивановской группы, а также на отдельных сосудах ярославской группы.

3 вариант. Параллельных переменно-наклонных линий в каждой группе, обычно 3–4, но концы этих линий нельзя соединить двумя параллельными горизонтальными прямыми. Этот вариант распростра-

нен в основном в ярославской группе, где данный образ на посуде, однако, не является массовым (8%).

Помимо указанных различий посуды локальных групп фатьяновской культуры по массовым орнаментальным образам, в каждой группе посуда имеет свои так называемые "редкие" орнаментальные образы. В памятниках московской (Ханевский и Кузьминский могильники) и калининской (Новинки 1, 2–4) групп есть небольшое количество сосудов, орнаментированных заштрихованными треугольниками, вершины которых повернуты к друг другу (табл. 28). На керамике других локальных групп этого образа нет. В калининской группе (Болшевский II могильник) есть сосуд с образом параллельных переменных наклонных линий с горизонтально заштрихованным пространством между наклонными линиями (табл. 28). Это пока единственный фатьяновский сосуд с таким орнаментом. Ярославская группа выделяется разнообразием ромбов, причем образы ромбов, вписанных друг в друга, есть только на ярославской посуде (Никульцинский могильник). Балановская группа отличается наличием образа заштрихованного зигзага, который достаточно редко встречается на керамике остальных групп, особенно московской и калининской.

Подводя итоги анализа второго структурного уровня орнамента, можно отметить следующее:

1. Близость керамики московской и калининской групп по набору массовых орнаментальных образов и по редким орнаментальным образам, и идентичность набора массовых образов на посуде ярославской и ивановской групп. Сходство набора московских и балановских массовых орнаментальных образов и различие их редких образов.

2. В ярославской группе, где неоконтуренный ромб – наиболее массовый образ, есть и производные от него образы – длинный ромб, ромб, оконтуренный с одной стороны, оконтуренный ромб и др. Эти варианты встречаются в единичных случаях на сосудах московской и калининской групп, причем в калининской группе их больше. Этот факт, вероятно, может быть объяснен проникновением на территорию Калининской и Московской областей небольшой группы ярославского населения.

В ивановской и балановской группах орнаментальный образ ромба в различных вариантах достаточно хорошо представлен, что говорит о более тесных связях населения этих групп с населением ярославской группы. Об этом же свидетельствует распространение на посуде этих групп балановского образа заштрихованного зигзага. В московской группе он редок (1 сосуд из Буньковского могильника), а в калининской группе его вообще нет.

3. Близость московской и балановской керамики по массовым образам, причем образам, характерным так же и для среднеднепровской и жуцевской посуды, дает возможность предположить наличие генетической связи населения московской и балановской групп с населением среднеднепровской и жуцевской культур.

В московской и калининской группах образ параллельных переменных наклонных линий на посуде представлен в том же варианте, что и на

среднеднепровской и жуцевской посуде (вариант 1). Это также склоняет к заключению, что в фатьяновском населении московской и калининской групп был достаточно сильный компонент среднеднепровского (или/и жуцевского) населения.

На балановской посуде этот образ присутствует в немного измененном виде (вариант 2), что говорит о забывании исходной традиции его исполнения. Возможно, это объясняется утратой связей переселенцев с населением их исходной территории.

4. Орнаментальный образ косой решетки, массовый на московской и калининской керамике и достаточно представительный во всех остальных группах, является единственным образом, общим для керамики всей культуры и отличающим фатьяновскую посуду от посуды культур шнуровой керамики Прибалтики, Польши, а также от посуды среднеднепровской культуры.

Возможно, носители традиции орнаментирования посуды косой решеткой и есть тот компонент, который вместе со "шнуровиками" принял участие в формировании фатьяновского и балановского населения.

Стилистический анализ орнамента на третьем структурном уровне (мотив)

Фатьяновские образы не просто тиражировались в мотивах, а располагались в определенном порядке, часто своем для каждого образа. Мотивы различаются не только определенной организацией образов, но и функцией, которую они выполняют в орнаментальной композиции сосуда. По функции мотивы делятся на основные и дополнительные (разделители и ограничители). Дополнительные мотивы чаще всего простые, слитые с образом, например: прямая горизонтальная линия, горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий и т.д. Основные мотивы, как правило, сложные, состоящие из нескольких образов.

Для фатьяновского орнаментального мотива характерно повторение одного и того же образа. Различная организация одного и того же образа создает различные мотивы. Например, образ неоконтуренного ромба на фатьяновской керамике встречается в трех разных мотивах: расположение в шахматном порядке, в один ряд и в несколько рядов. В то же время, образ оконтуренного с одной стороны ромба есть только в двух мотивах: расположение в один ряд и в несколько рядов.

При сравнительном изучении орнаментальных мотивов на керамике разных локальных групп фатьяновской культуры внимание уделялось только образам, которые использовались в разных мотивах.

На уровне мотивов усиливается специфика керамики каждой локальной группы. Группы, имеющие одинаковые массовые образы на посуде, приобретают свои отличительные черты на уровне организации этих образов.

Массовый для всей керамики культуры образ "горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий" во всех группах выступает преимущественно в виде дополнительного мотива.

Второй массовый для всей изучаемой керамики образ "горизонталь-

ная линия", как правило, также выступает в роли дополнительного мотива. Во всех группах, кроме московской, количество сосудов с этим образом в качестве дополнительного мотива достигает 90–100%. Московская керамика отличается достаточно высоким процентом использования горизонтальной линии в основном орнаментальном мотиве: расположение горизонтальных линий в несколько рядов (26%) (табл. 31).

Последний массовый для фатьяновской и балановской керамики образ "горизонтальный зигзаг" встречается на посуде в трех мотивах: расположение в один, в два и в несколько рядов. Во всех группах, кроме балановской, на посуде доминирует мотив горизонтального зигзага, расположенного в один ряд. Для балановской керамики характерно более двух рядов горизонтального зигзага. В то же время в остальных локальных группах при преобладании однорядного зигзага все остальные мотивы этого образа представлены в различных соотношениях. На керамике московской и ивановской групп фиксируются все мотивы горизонтального зигзага, при достаточно большой доле каждого из них. На керамике калининской группы нет зигзага, расположенного более чем в два ряда, а на керамике ярославской группы такие случаи единичны (табл. 31).

Косая решетка в качестве основного мотива есть преимущественно только на посуде московской и балановской групп. В остальных группах она преобладает в дополнительном орнаментальном мотиве, хотя по соотношению основного и дополнительного мотивов отмечается наибольшая близость московской (основной – 55%, дополнительный – 45%) и калининской керамики (основной – 44%, дополнительный – 56%).

Остальные орнаментальные образы организованы на посуде рядами (один-два и более) или в шахматном порядке.

Параллельные переменно-наклонные друг к другу линии на всей керамике расположены преимущественно в один ряд. Расположение этого образа в два ряда, причем так, что в результате образуется косой крест, свойственно балановской керамике. Большое количество сосудов с этим мотивом есть в ярославской и ивановской группах (по 31% в каждой). В московской группе этот мотив есть только на одном сосуде (Буньковский могильник), совсем его нет на керамике калининской группы (табл. 30, 31).

Большая распространенность этого орнаментального мотива на керамике ярославской и ивановской групп (хотя сам образ параллельных переменно-наклонных линий не является для этой керамики массовым) – это результат балановского влияния. В московской и калининской группах, где этот образ массовый и практически всегда присутствует в однорядном орнаментальном мотиве, он, напротив, не связан с балановским влиянием.

Ромб в различных вариантах более всего распространен на керамике ярославской группы. Здесь представлено как максимальное число вариантов ромба, так и самые разнообразные мотивы. Неоконтурный и оконтурный ромбы имеют три мотива (шахматный, в один ряд, в несколько рядов), все остальные варианты ромбов расположены либо в один, либо в несколько рядов.

Шахматный мотив неоконтуренного ромба доминирует только на посуде ярославской группы. На керамике ивановской группы преобладает мотив в один ряд, на балановской посуде одинаково представлены как шахматный мотив, так и однорядное расположение ромбов. В калининской группе есть только один сосуд с этим орнаментальным образом, на нем неоконтуренный ромб расположен в шахматном порядке (Болшневский II могильник). На московской керамике такого образа нет.

Оконтуренный ромб на керамике всех групп, кроме ивановской, располагается, как правило, в один ряд. Но сосуды с этим образом в основном встречаются в ярославской группе, на керамике других групп он редок.

Образ "длинный ромб", характерный для посуды ярославской и ивановской групп, а на керамике других групп встречающийся в единичных случаях, как правило, расположен в один ряд. То же относится и к остальным образам ромбов. Наибольшее количество мотивов всех ромбов фиксируется на сосудах ярославской локальной группы (табл. 31).

На основе анализа орнамента посуды на третьем структурном уровне можно сделать следующие выводы:

1. Массовые для всей фатьяновской керамики образы (горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий и горизонтальная линия) выступают преимущественно в качестве разделителей (или ограничителей) орнаментальных зон. Горизонтальная линия в основном мотиве в наибольшей степени свойственна керамике московской группы и совсем не встречается на посуде ивановской и балановской групп. По убыванию доли этого мотива на керамике локальные группы можно расположить в следующем порядке: 1) московская, 2) калининская, 3) ярославская.

2. Керамику московской, калининской и балановской групп объединяет значительная распространенность образа косой решетки в основном мотиве. Возможно, распространение основного мотива косой решетки на керамике ивановской группы связано с балановским влиянием. Убывание доли этого орнаментального мотива прослеживается в двух направлениях: первое направление – московская группа, калининская группа, ярославская группа; второе направление – балановская группа, ивановская группа, ярославская группа. Эти два разных направления как бы сходятся в ярославской группе.

3. Керамика московской группы близка калининской по способу организации образа параллельных переменного-наклонных линий в один ряд. Балановский мотив этого образа в два ряда фиксируется на керамике ивановской и ярославской групп и на одном сосуде московской группы.

4. Многорядность горизонтального зигзага свойственна в основном балановской керамике.

5. Ромб, являясь наиболее массовым орнаментальным образом керамики в ярославской группе, имеет большое разнообразие мотивов в рамках этой группы. Различные варианты ромба реже встречаются на

сосудах всех остальных локальных групп и только в тех орнаментальных мотивах, которые наиболее распространены в ярославской группе. Поэтому можно предположить, что распространение ромбов связано с передвижением части населения ярославской группы на территории других групп.

Влияние ярославского населения отмечается в московской группе на памятниках: Истринском, Протасовском, Сущевском, в калининской группе на памятниках: Тургиновском, Новинках I,1, Олочинском, Овинищинском и Болшневском II. Во всех перечисленных могильниках, кроме последнего, на посуде фиксируются только видоизмененные ромбы.

Из указанного списка памятников видно, что ярославское влияние намного сильнее в калининской группе, чем в московской.

Наиболее сильная связь по орнаментальным мотивам на керамике наблюдается между ярославской и ивановской группами.

6. Балановское влияние более всего проявляется в ивановской группе и абсолютно не фиксируется в калининской. По убыванию балановского влияния в области орнаментальных мотивов группы выстраиваются в следующем порядке: балановская, ивановская, ярославская, московская.

В целом по орнаментальным образам и мотивам балановское влияние отмечается в ивановской группе на памятниках: Скомороховский, Горкинский, Ильинско-Хованский, Дикариха; в ярославской группе на памятниках: Волосово-Даниловский, Воронковский, Великосельский, Никульцинский; в московской группе – в Буньковском могильнике.

Стилистический анализ орнамента на четвертом структурном уровне (композиция)

Система организации мотивов на сосуде дает его орнаментальную композицию. Фатьяновские и балановские мотивы орнамента располагаются обычно на верхних частях сосуда, горизонтальными зонами, которые часто отделены друг от друга особыми дополнительными мотивами. Пока анализ орнаментальной композиции проводился только на количественном уровне. Он складывался из учета количества орнаментальных зон на сосуде.

Как отмечалось выше, орнамент днищ сосудов не учитывался, не принимались в расчет и редкие случаи орнаментации всего тулова, т.е. сосуды, у которых от орнаментального пояса, расположенного в верхней части сосуда, идут вниз до днища вертикальные орнаментальные полосы.

Имеется значительная серия фатьяновских и балановских сосудов, у которых орнаментированы только венчик и место перехода плеча в шею, чаще всего горизонтальным рядом вертикальных или наклонных линий, или одной горизонтальной линией. Эти сосуды принято рассматривать как сосуды с одной орнаментальной зоной. Сосуды только с орнаментированным венчиком не считаются однозональными.

Количественный анализ орнаментальных композиций проводился

на 583 сосудах (целых и представленных крупными фрагментами) (табл. 32, 33).

В московской, калининской, ярославской и ивановской группах на сосудах фиксируется не более трех орнаментальных зон. На балановской посуде представлены и четырехзональные композиции (5%). Но во всех группах, включая и балановскую, доминирующей является двухзональная орнаментальная композиция.

Группы различаются по особенностям распространения в них сосудов с разным количеством орнаментальных зон. В калининской группе – самая высокая доля сосудов с одной орнаментальной зоной (42%) и самые низкие доли сосудов с двумя и тремя орнаментальными зонами (табл. 33). Балановская керамика имеет наиболее высокий процент трехзонального орнамента (26%) и самый низкий процент однозонального орнамента (13%).

Достаточно близкое распределение сосудов с разным количеством орнаментальных зон в ярославской и ивановской группах. Здесь фиксируется так же самая большая доля посуды с двухзональной композицией.

Таким образом, количественный анализ орнаментальных зон позволил отметить следующее:

1. Балановская керамика выделяется максимальным количеством орнаментальных зон и небольшой долей сосудов с однозональным орнаментом.

2. Отмечается сходство ярославской и ивановской посуды по представленности сосудов с разным числом орнаментальных зон и по значительной распространенности сосудов с двухзональной композицией.

3. По тенденции уменьшения доли сосудов с однозональным орнаментом локальные группы располагаются в следующем порядке: 1 – калининская группа, 2 – московская группа, 3 – ярославская группа, 4 – ивановская группа, 5 – балановская группа.

* * *

Обобщение приведенных данных об особенностях орнаментальных традиций на керамике всех локальных групп позволяет сделать некоторые предварительные выводы историко-культурного плана:

1. Несмотря на все разнообразие фатьяновского и балановского орнамента на посуде, он очень близок орнаменту культур шнуровой керамики по набору основных орнаментальных образов. Возможно, в этом проявляется генетическая связь фатьяновского и балановского населения с населением культур шнуровой керамики. Наиболее сильное влияние шнуровиков (вероятно, среднеднепровцев) отмечается на посуде московской группы.

Помимо населения культур шнуровой керамики, в формировании фатьяновских и балановских племен принимало участие население, имеющее традицию орнаментирования посуды косой решеткой.

2. Все общие черты орнамента керамики московской и балановской групп, скорее всего, свидетельствуют о единых корнях населения этих групп. Отмеченное своеобразие балановских орнаментальных тради-

ций, вероятнее всего, свидетельствует о раннем отделении их от общих для всей фатьяновской культуры традиций и об отдельном пути развития балановских племен.

Постоянные контакты фатьяновского населения с балановским начались позднее, тогда, когда у последнего уже сформировались свои специфические орнаментальные традиции.

Распространение балановского влияния шло через ивановскую группу в ярославскую. По крайней мере, ивановская группа была зоной наибольшего контакта фатьяновских и балановских племен. Нельзя исключить, что ивановское население представляет собой результат смешения ярославского и балановского населения, но при доминировании первого.

Балановское влияние позднее в небольшой степени затронуло московскую группу и совсем не проявилось в калининской.

В свою очередь, население ярославской группы продвигалось на территорию балановских племен в виде инфильтратов, связанных с брачными контактами. Об этом свидетельствует распространение ярославских орнаментальных традиций на керамике Балановского могильника.

3. Памятники калининской группы, скорее всего, представляют собой результат продвижения на север части населения московской группы уже во время существования ярославской локальной группы, так как в формировании населения калининской группы также принимало участие население и ярославской группы. Вероятно, это была небольшая группа ярославского населения с уже сложившимися специфическими орнаментальными традициями.

Проникновение инфильтрата ярославского населения фиксируется и на керамике московских памятников, причем сюда оно проникло, возможно, тогда же, когда и на территорию Тверской области.

4. Особенности распределения орнаментальных традиций по памятникам в каждой локальной группе свидетельствуют о разновременном характере многих памятников в пределах локальных групп фатьяновской культуры.

Заключение

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ФАТЬЯНОВСКИХ И БАЛАНОВСКИХ ПЛЕМЕН

Результаты изучения фатьяновской и балановской глиняной посуды, с точки зрения культурных традиций в технологии, формах сосудов и их орнаментации, позволяют высказать некоторые предположения, касающиеся формирования фатьяновских и балановских племен. Эти предположения базируются на источниковедческих возможностях субстратных навыков труда. Суть их в том, что эти навыки обладали значительной устойчивостью к каким-либо изменениям в условиях смешения носителей разных гончарных традиций. Они сохранялись неизменными в течение жизни нескольких поколений гончаров. В условиях доремесленного производства особенности этих субстратных традиций отражали культурную специфику соответствующих групп древнего населения. Именно поэтому, зная тенденции изменения и развития конкретных субстратных традиций в гончарстве, можно попытаться реконструировать некоторые черты предыстории и истории сложения изучаемого населения. Напомню, что к субстратным традициям в технологии относятся действия гончара по непосредственному конструированию сосуда и приданию ему определенной формы.

В результате изучения глиняной посуды выяснилось, что субстратные технологические традиции фатьяновских и балановских гончаров близки между собой. В частности, и то и другое гончарное производство характеризуется, во-первых, неразвитой технологической структурой; во-вторых, использованием при конструировании сосудов двух способов: спирально-лоскутного налепа и спирально-жгутового налепа, а также их сочетания при изготовлении одного сосуда; в-третьих, применением для придания сосуду определенной формы специальных форм-моделей с последующим выбиванием полученной емкости.

Как показало изучение фатьяновских и балановских орнаментальных традиций, к наиболее устойчивым, т.е. субстратным, можно отнести традиции по созданию орнаментального образа на посуде. Этот факт и позволил говорить о генетической связи фатьяновских и балановских племен с населением культур шнуровой керамики, глиняные сосуды которых оказались недоступны для исследования субстратных технологических навыков.

Совпадение субстратных навыков фатьяновского и балановского населения дает возможность предположить, что в сложении фатьяновской и балановской культур принимали участие одни и те же группы древнего населения. Одна группа изготовляла сосуды путем наращивания их стенок лоскутным налепом на специальной форме-модели;

другая группа свободно моделировала емкости из жгутов, навиваемых по спирали, с последующим выбиванием поверхности сосуда особой колотушкой.

Достаточно близкими оказались и приспособительные навыки труда фатьяновских и балановских гончаров. Несмотря на свою специфичность, балановские гончарные традиции имели много общего с фатьяновскими и на ступенях отбора и подготовки исходного сырья, и на ступени составления формовочных масс посуды, и на ступени обработки поверхности сосудов. Так, и фатьяновские и балановские гончары использовали в основном среднезапесоченную ожелезненную глину. И те и другие при обработке глины пользовались преимущественно приемом выдерживания глины в течение какого-то времени во влажном состоянии с последующим ее переминанием. Традиция лепки сосудов по рецепту глина + органика + шамот, характерная для балановских гончаров, преобладает и у фатьяновских племен. У обеих групп населения зафиксировано безгрунтовочное направление развития навыков обработки поверхности сосудов, представленное широким распространением заглаживания и лощения. Причем приемы ведения и заглаживания и лощения достаточно сходны. Судя по предварительным наблюдениям, сходны навыки и на III (закрепительной) стадии гончарного производства.

Достаточно высокая близость приспособительных навыков труда в гончарстве обеих групп населения указывает на культурное родство их носителей непосредственно в момент существования культуры, родство, которое четко осознавалось и фатьяновцами и балановцами.

Помимо сходства технологических традиций, наблюдается также сходство некоторых категорий форм фатьяновской и балановской посуды по признаку общей пропорциональности. Это относится к первой группе балановских шаровидных горшков с выделенной шеей и первой группе балановских амфоровидных сосудов. Кроме того, сходство большей части орнаментальных традиций керамики фатьяновских и балановских племен на разных структурных уровнях позволяет предполагать генетическую связь их населения с неким общим предком.

Общие массовые орнаментальные образы фатьяновской и балановской керамики, особенно близость набора таковых на московской и балановской посуде, склоняют к выводу, что это именно те орнаментальные образы, которые московское и балановское население сохранило со времени его формирования. Поскольку данные орнаментальные образы распространены на посуде культур шнуровой керамики (особенно среднеднепровской и жуцевской), вероятно, в формировании фатьяновских и балановских племен принимало участие население культур шнуровой керамики.

Изучение субстратных технологических традиций, форм и орнаментальных традиций фатьяновской и балановской керамики показало, что в основе фатьяновских и балановских племен, помимо группы населения культур шнуровой керамики, была еще другая группа древнего населения с традициями свободной скульптурной лепки сосудов с последующим выбиванием и, возможно, с традицией орнаментации сосу-

дов косо́й решеткой, выступающей в качестве основного орнаментального мотива на сосуде. Для уточнения культурной принадлежности этой группы населения требуется значительное расширение источниково-ведческой базы.

Несмотря на явное сходство приспособительных гончарных традиций фатьяновского и балановского населения, различия в этих традициях свидетельствуют о разных путях развития фатьяновских и балановских племен.

Балановская посуда имеет свои специфические традиции, отличные от фатьяновских, практически на каждой из ступеней гончарной технологии, в формах и орнаментике.

Наряду с доминирующей традицией использования ожелезненных глин, у балановских гончаров фиксируется использование неожелезненных и слабоожелезненных глин. При обработке глины балановцы применяли также прием высушивания глины с последующим ее дроблением. Формовочные массы всей балановской керамики составлены по рецепту глина + органика + шамот, по небольшому количеству сосудов отмечается использование смеси двух глин в рамках того же рецепта. Балановские традиции в области обработки поверхности сосудов отличаются преобладанием лощения по подсушенной основе.

Балановские гончары, в отличие от фатьяновских, имели сложившиеся представления о стандартах пропорций разных категорий посуды. Кроме того, общие пропорции второй группы балановских амфоровидных сосудов совершенно не свойственны фатьяновским сосудам той же категории.

Наличие на балановской посуде некоторых орнаментальных образов, не характерных для фатьяновской керамики, свидетельствует о присутствии в составе балановских племен группы населения, чуждой фатьяновскому. Вероятно, это население и является носителем перечисленных выше специфических гончарных традиций. Таким образом, полученные данные подтверждают правоту исследователей, признающих генетическую близость и особые пути развития фатьяновских и балановских племен (см. гл. I).

* * *

Керамика разных локальных групп фатьяновских племен имеет специфические черты, которые проявляются в основном в приспособительных технологических и некоторых орнаментальных традициях.

Московская группа выделяется значительной распространенностью традиции изготовления сосудов по рецепту глина + органика + дресва при доминировании традиции глина + органика + шамот, а также небольшим количеством сосудов, сделанных по рецепту глина + органика. Это единственная из групп, где фиксируется тенденция к некоторому ослаблению шамотной традиции за счет усиления традиции использования дресвы в формовочных массах сосудов (обоснование всех выделенных тенденций см. в гл. III).

В московской группе наиболее распространенная традиция выбива-

ния сосудов представлена слабее, чем в остальных локальных группах, и сильнее, чем в остальных группах, представлена традиция выдавливания стенок сосудов.

В московской группе больше распространена традиция заглаживания сосудов, чем их лощения, не отмечено ни одного сосуда с лощеной внутренней поверхностью. Для гончаров этой локальной группы характерно использование лощения по влажной основе.

Хотя в московской группе (как и в других локальных группах) преобладает посуда с орнаментом, доля неорнаментированных сосудов здесь немного больше, чем в других группах.

Московская группа выделяется традицией использования шнура в качестве орнамента, а также широким распространением трех орнаментальных образов на посуде: косая решетка, параллельные переменнo-наклонные линии и группы вертикальных линий. Специфичны и мотивы некоторых образов – это преобладание косой решетки в основном мотиве, использование горизонтальной линии в основном мотиве, расположение параллельных переменнo-наклонных линий в один ряд.

По количеству орнаментальных зон на посуде московская группа почти не отличается от остальных групп. В ней преобладает двухзональный орнамент, есть однозональные и трехзональные орнаменты. Она имеет большую долю однозональных орнаментов, чем ярославская и ивановская керамика, и меньшую, чем калининская.

Керамика калининской группы отличается доминированием традиции составления формовочной массы посуды по рецепту глина + органика + шамот + дресва и достаточно слабой традицией глина + органика + шамот. Своеобразна и тенденция развития этих традиций: ослабление традиции глина + органика + дресва за счет усиления традиции глина + органика + шамот + дресва. О том, что традиция использования дресвы еще достаточно сильна, говорит высокая концентрация дресвы в рецептах глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва.

Гончары калининской группы заглаживали и ложили внешнюю поверхность сосуда, но здесь, как и в московской группе, преобладает традиция заглаживания внешней поверхности. Внутренняя поверхность подвергалась только заглаживанию. При доминировании традиции лощения по влажной основе в калининской группе имеется большое число сосудов, лощеных по подсушенной основе, что не характерно для посуды московской локальной группы.

Орнаментальные традиции калининской группы близки описанным выше традициям московской группы. Здесь также распространено орнаментирование посуды шнуром. Орнаментальные образы как массовые, так и редкие, близки образам московской посуды. Но в отличие от московской группы в керамике калининской группы широко распространен образ горизонтальной елочки и чаще встречаются различные варианты ромба. Здесь нет заштрихованного балановского зигзага, имеющегося в единичных случаях на посуде московской группы.

Орнаментальные мотивы на посуде калининской и московской

групп также близки, за исключением полного отсутствия здесь балановского мотива параллельных переменно-наклонных линий, расположенных в два ряда.

В калининской группе при доминировании сосудов с двухзональным орнаментом доля сосудов с одной орнаментальной зоной больше, чем в остальных локальных группах.

Ярославская группа выделяется значительной распространенностью традиции использования слабозапесоченных глин для лепки сосуда и доминированием традиции составления формовочных масс по рецепту глина + органика + шамот. Тенденция изменения традиций формовочных масс ярославской посуды заключается в усилении традиции глина + органика + шамот за счет ослабления двух других традиций: глина + органика + дресва и глина + органика + шамот + дресва. Сильная шамотная традиция проявляется и в высокой концентрации шамота в рецептах глина + органика + шамот и глина + органика + шамот + дресва.

Ярославская группа отличается от всех остальных локальных групп фатьяновских племен преобладанием традиции лощения внешней поверхности сосуда. Здесь имеются так же сосуды с лощеной внутренней поверхностью. В ярославской группе фиксируются две традиции лощения: по влажной основе и по подсушенной основе, но доминирует первая.

Ярославская керамика в основном вся орнаментирована. В этой группе наименьшее количество неорнаментированных сосудов. Помимо трех массовых образов, характерных для всей фатьяновской и балановской керамики, на ярославской керамике широко распространен образ неоконтуренного ромба. Кроме того, эта керамика отличается разнообразием вариантов ромба и его мотивов. На сосудах ярославской группы часто встречается балановский заштрихованный зигзаг и балановский мотив образа параллельных переменно-наклонных линий (расположение в два ряда). Орнаментальные композиции на сосудах этой группы преимущественно двухзональные.

В ивановской группе доминирует традиция лепки сосудов из ожеженных глин, однако здесь шире, чем в других локальных группах фатьяновских племен, распространена традиция использования слабоожеженных глин. У ивановских гончаров (как и в калининской группе) доминирует традиция составления формовочной массы по рецепту глина + органика + шамот + дресва. Но тенденция развития традиций здесь несколько иная: усиление традиций глина + органика + + шамот и глина + органика + шамот + дресва за счет сильного ослабления традиции глина + органика + дресва. Судя по концентрации дресвы в рецепте глина + органика + шамот + дресва, традиция использования дресвы в ивановской группе не такая сильная, как в калининской.

Ивановская группа выделяется некоторыми традициями формообразования – в отличие от остальных групп, здесь фиксируется только смешанная традиция: форма-модель + выбивание.

У гончаров ивановской группы, так же как и в московской и кали-

нинской, преобладает традиция заглаживания внешней поверхности сосудов. Но при этом встречаются сосуды с лощеной внутренней поверхностью, как в ярославской группе.

Важно отметить, что в ивановской группе имеют одинаковое распространение традиции лощения поверхности сосуда по влажной и по подсушенной основе. Доля неорнаментированных сосудов здесь чуть меньше, чем в московской группе. Массовые орнаментальные образы те же, что и в ярославской группе, но их представительность иная. Ромбов на ивановской керамике значительно меньше, балановский заштрихованный зигзаг фиксируется примерно в том же количестве, что и на ярославской керамике. Так же хорошо, как и в ярославской группе, представлен балановский двухрядный мотив параллельных переменного-наклонных линий.

На посуде ивановской группы преобладают двухзональные орнаментальные композиции, а доля сосудов с однозональным орнаментом меньше, чем в остальных группах фатьяновских племен.

На основании всего комплекса приведенных данных различные локальные группы можно объединить по сходным гончарным традициям:

1. По традициям подготовки исходного сырья: 1) московская и калининская, 2) ярославская, ивановская и балановская.

2. По традициям составления формовочных масс: 1) московская, ярославская, 2) калининская, ивановская.

3. По тенденциям развития традиций формовочных масс: 1) калининская, ивановская.

4. По традициям обработки поверхности:

По способам обработки: 1) московская, калининская, ивановская, 2) ярославская, балановская.

По приемам лощения: 1) московская, ярославская, 2) калининская, ивановская.

5. По орнаментальным традициям:

По технологическим орнаментальным традициям: 1) московская, калининская, 2) ярославская, ивановская, балановская.

По стилистическим орнаментальным традициям, на втором структурном уровне: 1) московская, калининская и балановская; 2) ярославская, ивановская и балановская, на третьем структурном уровне: 1) московская и калининская, 2) ярославская, ивановская и балановская, на четвертом структурном уровне: 1) московская и калининская, 2) ярославская и ивановская.

Таким образом, по приспособительным технологическим традициям наиболее близкими оказались группы: 1) московская и ярославская, 2) калининская и ивановская. Хотя и в этих традициях прослеживается связь между московской и калининской группами и между ярославской, ивановской и балановской группами. По орнаментальным традициям оказались близкими другие группы: 1) московская и калининская, 2) ярославская, ивановская и балановская.

Поскольку приспособительные навыки в технологии менялись достаточно быстро – в течение жизни одного поколения, а орнамен-

тальные традиции намного медленнее, можно предположить, что группы, близкие по технологическим гончарным традициям, сформировались в результате сходных процессов смешения населения, а группы, близкие по орнаментальным традициям, имели более глубокие родственные связи между собой.

Можно представить следующую картину истории фатьяновского населения в Верхнем Поволжье:

1. Население московской группы в целом являлось самым ранним (если исходить из данных о субстратных навыках и сильных связях с орнаментальными традициями среднеднепровской культуры).

2. Позднее часть московского населения продвинулась на север, на территорию современной Тверской области, где, смешавшись с небольшой группой ярославского фатьяновского населения, приняла активное участие в сложении населения калининской группы фатьяновской культуры.

3. В ивановской локальной группе, так же как и в калининской, происходили активные процессы смешения. Возможно, ивановское население – результат смешения не только ярославского и балановского, но и части московского населения более позднего времени, когда оно почти утратило среднеднепровские орнаментальные традиции. В пользу этой гипотезы можно привести следующие доводы: 1) близость приспособительных традиций калининских гончаров, в сложении которых принимали участие гончары московской и ярославской локальных групп, и ивановских, 2) керамика Ковровского могильника (1 сосуд) в ивановской локальной группе имеет московские орнаментальные традиции, 3) высокий процент ивановской керамики с образом "косая решетка", выступающим в качестве основного мотива, а также с многорядным мотивом горизонтальный зигзаг может быть следствием не только балановского, но и московского влияния.

4. Население ярославской группы фатьяновской культуры приняло участие, с одной стороны, в сложении состава населения ивановской группы, с другой – в сложении населения калининской группы. Ярославские орнаментальные традиции, прослеженные на небольшой серии сосудов московской группы, свидетельствуют скорее об инфильтрации ярославского населения, чем о продвижении сюда значительной его группы.

5. Результаты изучения гончарных традиций разных локальных групп фатьяновской культуры свидетельствуют о том, что население московской группы в целом было более ранним, а население ивановской группы, напротив, достаточно поздним. Это подтверждает выводы, полученные ранее по результатам изучения всех категорий археологических источников (Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987. С. 53).

6. Основная зона смешения балановского и фатьяновского населения – это территория современной Ивановской области, хотя присутствие балановцев отмечается и в ярославской и в московской группах, причем в последней – только на поздних памятниках в виде культурных инфильтратов.

7. Остается пока открытым вопрос о путях формирования насе-

ления ярославской группы по данным изучения гончарных традиций. Для его решения необходимо дальнейшее расширение источниковедческой базы.

* * *

В рамках каждой локальной группы фатьяновской культуры я выделила группы памятников, керамика которых наиболее близка по всем гончарным традициям.

Московская группа

1 группа: могильники Истринский, Протасовский, Кузьминский. К этой группе близок Ханевский могильник.

2 группа: могильники Панюшенка, Тростинский, возможно, Быстринский и Сауровский.

Суцевский могильник по культурным связям находится между этими двумя группами, но ближе к первой.

Калининская группа

1 группа: могильники Новинки I участок 1, Новинки I участки 2–4, Ощурковский.

2 группа: могильники Болшневский II, Олочинский. У этой группы отмечаются связи с участками 2–4 могильника Новинки I.

Тургиновский могильник по некоторым традициям близок Олочинскому и обоим могильникам в Новинках. Овинищинский могильник, не имеющий сильных связей ни с одной из групп, по отдельным традициям ближе ко второй группе памятников.

Ярославская группа

Здесь удалось выделить только одну группу памятников, близких по всем изученным традициям: Волосово-Даниловский, Наумовский, Никульцинский, Воронковский могильники. Керамика остальных ярославских памятников имеет связи по отдельным традициям с могильниками данной группы.

Ивановская группа

1 группа: могильники Тимофеевский, Мытищинский и поселение Дикариха. К этим памятникам близок Горкинский могильник.

2 группа: Кривцовский и Горицкий могильники.

Памятники, входящие в эти группы, вероятнее всего, наиболее близки один к другому по времени. По особенностям гончарных традиций можно наметить относительную хронологию этих групп памятников.

В московской локальной группе первая группа памятников является более ранней, чем вторая, так как в ней еще прослеживаются среднеднепровские (жуцевские?) традиции – технологические и орнаментальные. Более позднее время второй группы обусловлено также тем, что формы сосудов этой группы близки формам сосудов Атли-Касинского

могильника, который всеми исследователями рассматривается как достаточно поздний. Вторая московская группа в отличие от первой имеет сильную традицию использования дресвы в формовочных массах сосудов. Именно за счет этой керамики в московской группе в целом фиксируется тенденция усиления традиции лепки сосудов по рецепту глина + органика + дресва.

В калининской локальной группе первая группа памятников, вероятнее всего, более ранняя, чем вторая, но возможно, что между ними не столь большой временной интервал, как между московскими группами памятников. Более позднее время второй калининской группы памятников доказывается тем, что здесь фиксируется завершение подавления традиции использования дресвы шамотной традицией. Обе калининские группы своими традициями связаны с первой московской группой, что указывает на переселение части московского населения на территорию Тверской области именно в период бытования первой московской группы памятников.

Выделенная ярославская группа памятников характеризуется керамикой, близкой по времени наиболее ранней керамике Балановского могильника (I группа балановских шаровидных горшков с выделенной шейей и I группа балановских амфор), т.е. керамике с менее выраженными атликасинскими традициями.

В ивановской локальной группе, возможно, первая группа более поздняя, чем вторая. Это предположение основано на близости форм шаровидных горшков с выделенной шейей первой группы памятников к атликасинским. Но из-за ограниченности данных оно является гипотетическим. Увереннее можно говорить о продвижении на территорию современной Ивановской области именно позднего населения московской группы, так как у него сильнее выражена традиция использования в формовочных массах дресвы, характерной и для гончаров ивановской локальной группы. Напомню, что у ярославского населения эта традиция находилась в рецессивном (подавленном) состоянии, а балановское население ее вообще не знало.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Относительная ожелезненность глины сосудов по памятникам
(число сосудов и %)*

Памятник	Степень ожелезненности			Число сосудов
	неожел.	слабая	сильная	
Ханевский	—	—	12(100)	12
Истринский	—	—	7(100)	7
Протасовский	—	—	10(100)	10
Суцевский	—	—	9(100)	9
Кузьминский	—	—	4(100)	4
Быстринский	—	—	1(100)	1
1 Панюшенка	—	—	1(100)	1
Сауровский	—	1(100)	—	1
Тростинский	—	—	13(100)	13
Чашка	—	—	6(100)	6
Мурашево	—	—	1(100)	1
Тургиновский	—	—	12(100)	12
Новинки I уч. 1	—	3(38)	5(62)	8
Новинки I уч. 2–4	—	1(4)	27(96)	28
2 Ошурковский	—	—	11(100)	11
Олочинский	—	—	4(100)	4
Овинищинский	—	—	1(100)	1
Волосово-Даниловский	—	8(2)	326(98)	334
Вауловский	—	—	51(100)	51
Наумовский	—	—	12(100)	12
Фатьяновский	—	—	70(100)	70
3 Великосельский	—	—	8(100)	8
Никульцинский	—	—	6(100)	6
Голузиновский	—	—	1(100)	1
Воронковский	—	—	3(100)	3
Вороксинский	—	—	1(100)	1
Холмогорский	—	—	2(100)	2
Рожд. остров	—	—	2(100)	2
Ивановская IV	—	—	1(100)	1
Тимофеевский	—	—	2(100)	2
Мытищинский	—	—	8(100)	8
4 Горичский	—	—	1(100)	1
Горкинский	—	—	23(100)	23
Сахтыш I, II, IV	—	1(100)	—	1
Дикариха	—	15(18)	70(82)	85
Балановский	6(8)	20(28)	46(64)	72
5 Атли-Касинский	—	6(100)	—	6
6 Ибердус	—	—	2(100)	2

* 100% = число сосудов в каждом памятнике; 1 – памятники московской группы; 2 – калнинской группы; 3 – ярославской группы; 4 – ивановской группы; 5 – балановской группы; 6 – окско-деснинской группы.

Таблица 2
Относительная запесоченность глины сосудов по памятникам
(число сосудов и %)*

Памятник	Степень запесоченности			Число сосудов
	высокая	средняя	низкая	
Ханевский	—	10(83)	2(17)	12
Истринский	—	7(100)	—	7
Протасовский	—	10(100)	—	10
Сушецкий	—	9(100)	—	9
Кузьминский	—	12(71)	5(29)	17
Быстринский	—	1(100)	—	1
1 Панюшенка	—	1(100)	—	1
Сауровский	—	1(100)	—	1
Давыдовский	—	2(100)	—	2
Тростинский	2(8)	24(92)	—	26
Чашка	—	10(100)	—	10
Никольская II	2(18)	9(82)	—	11
Алекановский	—	2(100)	—	2
Мурашево	1(100)	—	—	1
Тургиновский	—	7(50)	7(50)	14
Новинки I уч. I	1(23)	5(62)	2(25)	8
Новинки I уч. 2-4	7(25)	16(57)	5(18)	28
2 Ошурковский	—	10(100)	—	10
Болшневский II	—	5(100)	—	5
Олочинский	—	3(75)	1(25)	4
Овинищинский	—	1(100)	—	1
Волосово-Даниловский	176(44)	106(26)	121(30)	403
Вауловский	19(36)	16(30)	18(34)	53
Наумовский	—	12(100)	—	12
Фатьяновский	—	70(100)	—	70
3 Великосельский	—	13(93)	1(7)	14
Никульщинский	—	25(100)	—	25
Голузиновский	—	4(100)	—	4
Воронковский	3(23)	10(77)	—	13
Вороксинский	—	1(100)	—	1
Холмогорский	—	3(100)	—	3
Рожд. остров	—	2(100)	—	2
Ивановская IV	1(100)	—	—	1
Кривцовский	—	1(100)	—	1
Тимофеевский	1(17)	5(83)	—	6
Мытищинский	2(25)	6(75)	—	8
4 Горницкий	—	1(100)	—	1
Горкинский	—	23(100)	—	23
Сахтыш I,II,IV	6(7)	48(59)	28(34)	82
Дикариха	40(25)	90(58)	27(17)	157
5 Балановский	14(18)	64(82)	—	78
Атли-Касинский	3(43)	4(57)	—	7
6 Ибердус	—	4(67)	2(33)	6
Шагара I,V	—	4(80)	1(20)	5

* 100% = число сосудов в каждом памятнике

Таблица 3

Относительная ожелезненность и запесоченность глины сосудов
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Степень ожелезненности			Число сосу- дов	Степень запесоченности			Число сосу- дов
	несо- жел.	слабая	сильная		высокая	средняя	низкая	
Московская	—	1(1)	66(99)	67	5(4)	101(89)	7(6)	113
Калининская	—	4(5)	72(95)	76	8(11)	47(67)	15(21)	70
Ярославская	—	8(2)	488(98)	496	199(33)	262(43)	140(24)	601
Ивановская	—	16(13)	104(87)	120	49(18)	174(63)	55(20)	278
Балановская	6(8)	26(33)	46(59)	78	17(20)	68(80)	—	85
Окско-деснинская	—	—	2(100)	2	—	8(73)	3(27)	11
Среднеднепров- ская керамика	2(40)	2(40)	1(20)	5	1(4)	5(22)	17(74)	23

* 100% = число сосудов в каждой локальной группе.

Таблица 4

Соотношение сосудов с примесью дробленого и недробленого
бурого железняка (число сосудов и %)*

Памятник	Состояние БЖ		Число сосудов
	недробленый	дробленый	
Мурашево	—	1(100)	1
Дикариха	35(95)	2(5)	37
Балановский	53(82)	12(18)	65
Атли-Касинский	6(86)	1(14)	7

* 100% = число сосудов с БЖ в каждом памятнике.

Таблица 5

Распределение рецептов формовочных масс керамики по памятникам
(число сосудов и %)*

Памятник	Глина + + орг.	Глина+ +орг.+ +шамот	Глина+ +орг.+ +дресва	Глина+ +орг.+ +шамот+ +дресва	Число сосудов
Ханевский	—	7(58)	1(8)	4(33)	12
Истринский	—	7(100)	—	—	7
Протасовский	1(10)	5(50)	—	4(40)	10
Сушевский	—	6(67)	1(11)	2(22)	9

Таблица 5 (окончание)

Памятник	Глина + + орг.	Глина+ +орг.+ +шамот	Глина+ +орг.+ +дресва	Глина+ +орг.+ +шамот+ +дресва	Число сосудов
Кузьминский	1(6)	17(94)	—	—	18
Быстринский	—	—	1(100)	—	1
1 Панюшенка	—	—	1(100)	—	1
Сауровский	—	—	1(100)	—	1
Давыдковский	—	2(100)	—	—	2
Тростинский	—	7(27)	12(46)	7(27)	26
Чашка	—	10(100)	—	—	10
Никольская II	2(11)	—	16(84)	1(5)	19
Алекановский	—	1(50)	1(50)	—	2
Мурашево	—	1(100)	—	—	1
Тургиновский	—	10(71)	—	4(29)	14
Новинки I уч. 1	—	2(25)	—	6(75)	8
Новинки I уч. 2—4	—	2(7)	6(21)	20(71)	28
2 Ошурковский	—	—	—	11(100)	11
Болшневский II	—	5(100)	—	—	5
Олочинский	—	4(100)	—	—	4
Овинищинский	—	1(100)	—	—	1
Волосово-Даниловский	—	282(69)	9(2)	115(28)	406
Вауловский	—	18(34)	7(13)	28(53)	53
Наумовский	—	12(80)	—	3(20)	15
Фатьяновский	—	35(50)	12(17)	23(33)	70
3 Великосельский	—	13(93)	1(7)	—	14
Никульдинский	—	10(40)	4(16)	11(44)	25
Голузиновский	—	3(75)	—	1(25)	4
Воронковский	—	7(47)	2(13)	6(40)	15
Вороксинский	—	1(100)	—	—	1
Холмовогорский	—	—	1(33)	2(67)	3
Рожд. остров	—	1(50)	1(50)	—	2
Ивановская IV	—	—	1(100)	—	1
Кривцовский	—	—	—	1(100)	1
Тимофеевский	—	6(55)	2(18)	3(27)	11
Мытищинский	—	2(25)	—	6(75)	8
4 Горичский	—	—	—	1(100)	1
Горкинский	—	10(44)	4(17)	9(39)	23
Сахтыш I,II,IV	42(51)	28(34)	10(13)	2(2)	82
Дикариха	3(2)	61(39)	16(10)	77(49)	157
5 Балановский	—	91(100)	—	—	91
Атли-Касинский	—	7(100)	—	—	7
6 Ибердус	3(50)	3(50)	—	—	6
Шагара I,V	—	2(40)	2(40)	1(20)	5

* 100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 6

Распределение рецептов формовочных масс керамики
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Глина + + орг.	Глина+ +орг.+ +шамот	Глина+ +орг.+ +дресва	Глина+ +орг.+ +шамот+ +дресва	Число сосудов
Московская	2(2)	63(61)	19(18)	19(18)	103
Калининская	—	24(34)	6(8)	41(58)	71
Ярославская	—	382(63)	36(6)	185(31)	605
Ивановская	—	18(41)	6(14)	20(45)	44
Балановская	—	98(100)	—	—	98
Среднеднепровская	4(16)	15(60)	4(16)	2(8)	25

культура

* 100% = число сосудов в каждой локальной группе; без учета поселенческой керамики.

Таблица 7

Распределение рецептов формовочных масс II уровня по памятникам
(число сосудов и %)*

Памятник	Глина + орг. + шамот	Глина + орг. + дресва	Глина + орг. + шамот + дресва	Число сосудов
Ханевский	6(75)	—	2(25)	8
Истринский	3(100)	—	—	3
Протасовский	—	2(22)	7(78)	9
Сущевский	7(100)	—	—	7
1 Кузьминский	8(100)	—	—	8
Давыдовский	1(100)	—	—	1
Тростинский	4(100)	—	—	4
Чашка	1(100)	—	—	1
Мурашево	1(100)	—	—	1
Тургиновский	8(80)	2(20)	—	10
Новинки I уч. 1	—	2(20)	6(80)	8
Новинки I уч. 2—4	4(24)	3(18)	10(59)	17
2 Ошурковский	1(14)	3(43)	3(43)	7
Болшневский II	—	—	1(100)	1
Олочинский	2(67)	—	1(33)	3
Овинищинский	—	—	—	—
Волосово-Даниловский	157(47)	36(11)	139(42)	332
Вауловский	10(36)	16(57)	2(7)	28
Наумовский	6(50)	1(8)	5(42)	12
Фатьяновский	141(42)	2(6)	17(52)	33
3 Великосельский	6(100)	—	—	6
Никольский	3(50)	2(33)	1(17)	6
Воронковский	5(56)	2(22)	2(22)	9
Ворожбинский	1(100)	—	—	1
Холмогорский	—	2(100)	—	2

Таблица 7 (окончание)

Памятник	Глина + орг. + шамот	Глина + орг. + дресва	Глина + орг. + шамот + дресва	Число сосудов
Тимофеевский	4(80)	—	1(20)	5
Мытищинский	1(33)	1(33)	1(33)	3
4 Горкинский	3(18)	10(59)	4(24)	17
Дикариха	23(35)	26(40)	16(25)	65
5 Балановский	91(100)	—	—	91
Атли-Касинский	7(100)	—	—	7
6 Ибердус	1(100)	—	—	1
Шагара I, V	1(100)	—	—	1

*100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 8

Распределение рецептов формовочных масс II уровня
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Глина + орг. + шамот	Глина + орг. + дресва	Глина + орг. + шамот + дресва	Число сосудов
Московская	31(70,0)	4(9,0)	9(20,0)	44
Калининская	15(33,0)	10(22,0)	21(46,0)	46
Ярославская	216(47,0)	61(13,0)	186(40,0)	463
Ивановская	31(34,0)	37(41,0)	22(24,0)	90
Балановская	98(100,0)	—	—	98

*100% = число сосудов в каждой локальной группе.

Таблица 9

Тенденции изменения рецептов формовочных масс сосудов
на I и II уровнях (%)

Группа	Уровень	Глина + органика + шамот	Глинка + органика + дресва	Глина + органика + шамот + дресва
Московская	I	61,0	18,0	18,0
	II	70,0	9,0	20,0
Калининская	I	34,0	8,0	58,0
	II	33,0	22,0	46,0
Ярославская	I	63,0	6,0	31,0
	II	47,0	13,0	40,0
Ивановская	I	41,0	14,0	45,0
	II	34,0	41,0	24,0
Балановская	I	100,0	—	—
	II	100,0	—	—

Таблица 10

Особенности концентрации шамота в рецепте Г + О + Ш по памятникам
(число сосудов и %)*

	Памятник	1/2-1/3	1/4	1/5	Число сосудов
	Ханевский	4(57)	3(43)	—	7
	Истринский	2(29)	5(71)	—	7
	Протасовский	4(80)	1(20)	—	5
	Сущевский	4(67)	2(33)	—	6
	Кузьминский	5(33)	10(67)	—	15
1	Давыдовский	1(50)	1(50)	—	2
	Тростинский	—	5(71)	2(29)	7
	Чашка	—	8(89)	1(11)	9
	Алекановский	—	—	2(100)	2
	Мурашево	1(100)	—	—	1
	Тургиновский	7(70)	3(30)	—	10
	Новинки I уч. 1	2(100)	—	—	2
2	Новинки II уч. 2-4	1(50)	—	1(50)	2
	Болшневский II	1(33)	2(67)	—	3
	Олочинский	2(50)	2(50)	—	4
	Овинищинский	—	1(100)	—	1
	Волосово-Даниловский	145(51)	126(45)	11(4)	282
	Вауловский	8(50)	7(44)	1(6)	16
	Наумовский	4(33)	8(67)	—	12
	Фатьяновский	17(55)	14(45)	—	31
	Великосельский	3(25)	8(67)	1(8)	12
3	Никульдинский	5(50)	5(50)	—	10
	Голузинский	1(100)	—	—	1
	Воронковский	3(43)	3(43)	1(14)	7
	Вороксинский	1(100)	—	—	1
	Рожд. остров	—	—	1(100)	1
	Тимофеевский	3(60)	2(40)	—	5
	Мытищинский	1(50)	1(50)	—	2
4	Горкинский	5(50)	5(50)	—	10
	Дикариха	6(10)	32(59)	21(36)	59
5	Балановский	39(43)	47(52)	4(4)	90
	Атли-Касинский	3(43)	4(57)	—	7

* 100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 11

Особенности концентрации дресвы в рецепте Г + О + Д по памятникам
(число сосудов и %)*

	Памятник	1/2-1/3	1/4	1/5	Число сосудов
1	Ханевский	1(100)	—	—	1
	Сущевский	—	—	1(100)	1
	Быстринский	—	—	1(100)	1
	Панюшенка	—	—	1(100)	1
	Сауровский	—	1(100)	—	1
	Тростинский	2(20)	6(60)	2(20)	10
	Никольская II	2(14)	10(71)	2(14)	14
2	Новинки I уч. 2-4	4(67)	2(33)	—	6
	Волосово-Даниловский	7(78)	2(22)	—	9
	Вауловский	3(38)	3(38)	2(25)	8
	Фатьяновский	5(45)	6(55)	—	11
	Великосельский	—	—	1(100)	1
	Никульщинский	—	4(100)	—	4
	Воронковский	—	2(100)	—	2
3	Холмогорский	—	1(100)	—	1
	Рожд. остров	—	1(100)	—	1
4	Тимофеевский	—	2(100)	—	2
	Горкинский	2(50)	2(50)	—	4
	Дикариха	6(40)	7(47)	2(13)	15

*100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 12

Особенности концентрации в рецепте Г + О + Ш
по локальным группам (число сосудов и %)*

	Группа	1/2-1/3	1/4	1/5	Число сосудов
•	Московская	21(34,0)	35(57,0)	5(8,0)	61
	Калининская	13(59,0)	8(36,0)	1(5,0)	22
	Ярославская	187(50,0)	171(46,0)	15(4,0)	373
	Ивановская	15(20,0)	40(53,0)	21(27,0)	76
	Балановская	42(43,0)	51(53,0)	4(4,0)	97

*100% = число сосудов в каждой локальной группе.

Таблица 13

Особенности концентрации дресвы в рецепте Г + О + Д
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	1/2-1/3	1/4	1/5	Число сосудов
Московская	3(19,0)	8(50,0)	5(31,0)	16
Калининская	4(67,0)	2(33,0)	—	6
Ярославская	15(42,0)	19(50,0)	3(8,0)	37
Ивановская	8(38,0)	11(52,0)	2(10,0)	21

*100% = число сосудов в каждой локальной группе.

Таблица 14

Особенности концентрации шамота и дресвы в рецепте Г + О + Ш + Д
по памятникам (число сосудов и %)

Памятник	Шамот				Дресва				Число сосудов
	1/3	1/4	1/5	1/6	1/3	1/4	1/5	1/6	
Ханевский	—	—	4(100)	—	—	—	3(75)	1(25)	4
Протасовский	4(100)	—	—	—	—	—	3(75)	1(25)	4
Сущевский	2(100)	—	—	—	—	—	2(100)	—	2
1 Тростинский	—	2(29)	3(42)	2(29)	—	4(57)	1(14)	2(29)	7
Чашка	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Никольская II	—	—	—	1(100)	—	—	1(100)	—	1
Тургиновский	2(50)	—	2(50)	—	—	3(75)	1(25)	—	4
Новинки I	—	4(67)	2(33)	—	1(17)	2(33)	3(50)	—	6
2 уч. 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Новинки I	3(16)	10(53)	6(32)	2(11)	4(21)	6(32)	7(37)	—	19
уч. 2-4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ошурковский	1(14)	6(86)	—	—	1(14)	5(71)	1(14)	—	7
Волосово-Даниловский	29(25)	62(54)	20(18)	3(3)	2(2)	26(23)	63(55)	23(20)	114
Вауловский	3(11)	22(79)	2(7)	1(4)	3(11)	13(46)	6(21)	6(21)	28
Наумовский	1(33)	2(67)	—	—	—	—	1(33)	2(67)	3
3 Фатьяновский	—	21(91)	2(9)	—	1(4)	1(4)	12(52)	9(40)	23
Никульцинский	1(11)	6(67)	1(11)	1(11)	—	1(11)	4(44)	4(44)	9
Воронковский	2(33)	1(17)	3(50)	—	—	2(33)	2(33)	2(33)	6
Холмовогор.	1(100)	—	—	—	—	—	—	1(100)	1
Кривцовский	—	—	1(100)	—	—	1(100)	—	—	1
Тимофеевский	—	2(100)	—	—	—	—	1(50)	1(50)	2
4 Мытищинский	—	4(67)	2(33)	—	—	—	3(50)	3(50)	6

Таблица 14 (окончание)

Памятник	Шамот				Дресва				Число сосудов
	1/3	1/4	1/5	1/6	1/3	1/4	1/5	1/6	
Горидский	—	—	1(100)	—	—	—	1(100)	—	1
Горкинский	3(33)	5(56)	1(11)	—	—	2(22)	6(67)	1(11)	9
Сахтыш I, II, IV	—	—	1(100)	—	—	—	—	1(100)	1
Дикариха	7(9)	40(54)	27(36)	—	—	8(11)	45(61)	21(28)	74

*100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 15

Особенности концентрации шамота и дресвы в рецепте Г + О + Ш + Д по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Шамот				Дресва				Число сосудов
	1/3	1/4	1/5	1/6	1/3	1/4	1/5	1/6	
Московская	7(37)	2(11)	7(37)	3(16)	—	4(21)	10(53)	5(26)	19
Калининская	6(17)	20(56)	10(28)	—	4(11)	14(39)	11(31)	7(19)	36
Ярославская	34(20)	114(62)	28(15)	5(3)	6(3)	43(23)	88(48)	47(26)	184
Ивановская	10(11)	51(54)	33(35)	—	—	11(12)	56(60)	27(28)	94

*100% = число сосудов в каждой локальной группе.

Таблица 16

Соотношение концентрации шамота и дресвы в рецепте Г + О + Ш + Д по памятникам (число сосудов и %)*

Памятник		Ш > Д	Ш = Д	Ш < Д	Число сосудов
1	Ханевский	3(75)	1(25)	—	4
	Протасовский	4(100)	—	—	4
	Сушевский	2(100)	—	—	2
	Тростинский	3(43)	1(14)	3(43)	7
	Никольская II	—	—	1(100)	1
2	Тургинковский	2(50)	—	2(50)	4
	Новинки I уч. 1	4(67)	1(17)	1(17)	6
	Новинки I уч. 2—4	13(68)	1(5)	5(26)	19
	Ошурковский	3(43)	4(57)	—	7
3	Волосово-Даниловский	8(71)	16(14)	17(15)	114
	Вауловский	13(46)	11(39)	4(14)	28
	Наумовский	3(100)	—	—	3
	Фатьяновский	21(91)	2(9)	—	23

Таблица 16 (окончание)

Памятник	Ш > Д	Ш = Д	Ш < Д	Число сосудов
Никульщинский	8(89)	1(11)	—	9
Воронковский	3(50)	1(17)	3(33)	1
Холмогорский	1(100)	—	—	1
Кривцовский	—	—	1(100)	1
Тимофеевский	2(100)	—	—	2
Мытищинский	4(67)	2(33)	—	6
4 Горидский	—	1(100)	—	1
Горкинский	8(87)	—	1(13)	9
Сахтыш I, II, IV	1(100)	—	—	1
Дикариха	53(72)	15(20)	6(8)	74

* 100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 17

Соотношение концентрации шамота и дресвы в рецепте Г + О + Ш + Д по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Ш > Д	Ш = Д	Ш < Д	Число сосудов
Московская	13(68)	2(11)	4(21)	19
Калининская	22(61)	6(17)	8(22)	36
Ярославская	130(70)	31(17)	23(13)	184
Ивановская	68(72)	18(19)	8(9)	94

* 100% = число сосудов в каждой локальной группе.

Таблица 18

Особенности навыков конструирования сосудов из памятников фатьяновской культуры (число сосудов)

Памятник	Число частей сосуда		Дву-слойность	Виды налеса					
				жгут		лоскут		жгут или лоскут	н/я
	3	4		спир.	кол.	спир.	с-з		
Ханевский	—	—	3	—	—	7	—	—	4
Истринский	—	—	—	—	—	3	—	1	3
Протасовский	1	—	—	—	1	5	—	—	3
Сушецкий	—	—	1	—	—	5	—	—	3
1 Давыдовский	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Кузьминский	1	—	—	—	—	1	—	—	9
Панюшенка	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Чашка	—	—	—	—	—	1	—	—	7

Таблица 18 (окончание)

Памятник	Число частей сосуда		Двуслойность	Виды налепа					
				жгут		лоскут		жгут или лоскут	н/я
	3	4		спир.	кол.	спир.	с-з		
Мурашево	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Тургиновский	5	—	1	3	—	2	—	—	7
Новинки I, 1	1	—	2	—	—	2	1	—	—
2 Новинки I, 2—4	3	—	4	—	—	8	2	—	1
Ошурковский	—	—	1	—	—	4	—	2	—
Болшевский	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Олочинский	1	—	—	—	—	2	—	—	—
Волосово-Даниловский	1	—	14	24	—	123	6	—	130
Вауловский	4	—	4	7	1	1	2	—	4
Наумовский	—	—	—	—	—	1	—	—	10
Фатьяновский	9	—	1	1	—	11	—	11	30
3 Великосельский	—	—	—	—	—	1	—	4	8
Никульцинский	—	—	—	3	—	4	—	1	5
Голузинский	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Воронковский	3	—	—	2	—	—	2	—	6
Ворохсинский	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Кривцовский	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Тимофеевский	—	—	2	—	—	4	—	4	3
Мьгищинский	—	—	—	—	—	1	—	—	6
4 Горницкий	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Горкинский	2	—	1	—	—	8	1	6	8
Дикариха	—	—	—	—	—	11	—	9	95
5 Балановский	—	—	1	2	—	22	—	13	39
Атли-Касинский	—	—	—	—	—	—	—	1	6

Таблица 19

Распределение навыков конструирования сосудов
по локальным группам (число сосудов)

Группа	Число частей сосуда		Двуслойность	Виды налепа					
				жгут		лоскут		жгут или лоск.	н/я
	3	4		спир.	кол.	спир.	с-з		
Московская	4	—	4	—	1	24	—	1	30
Калининская	10	1	8	3	—	18	3	2	8
Ярославская	17	—	19	32	1	141	10	16	196
Ивановская	4	—	3	—	—	24	1	20	113
Балановская	—	—	1	2	—	22	—	14	45

Таблица 20

Распределение различных видов "налепа" по локальным группам
(число сосудов и %)*

Группа	Виды налепа				Н/я форма строит. материала	Число сосудов
	жгут	жгут или лоскут	лоскут	н/я		
Московская	1(2)	1(2)	24(42)	30(53)	1(2)	57
Калининская	3(7)	2(5)	21(48)	8(18)	10(23)	44
Ярославская	38(8)	16(3)	151(31)	196(40)	86(18)	488
Ивановская	—	20(12)	25(15)	113(67)	10(6)	168
Балановская	2(2)	14(15)	22(23)	45(47)	12(13)	95
В целом	44(5)	53(6)	243(29)	392(46)	119(14)	852

* 100% = число сосудов в каждой группе.

Таблица 21

Особенности формообразования сосудов по локальным группам
(число сосудов и %)*

Группа	С использо- ванием выбивания	Без использо- вания выбивания	Н/я	Число сосудов
Московская	32(56)	5(9)	20(35)	57
Калининская	36(82)	2(5)	6(14)	44
Ярославская	351(72)	4(1)	133(27)	488
Ивановская	127(76)	—	41(24)	168
Балановская	77(81)	4(4)	14(15)	95
В целом	623(73)	15(2)	214(25)	852

* 100% = число сосудов в каждой группе.

Таблица 22

Распределение приемов обработки поверхностей сосудов
по памятникам (число сосудов и %)*

Памятник	Внешняя поверхность			Внутренняя поверхность		
	заглажи- вание	лощение	всего	заглажи- вание	лощение	всего
Ханевский	2(29)	5(71)	7	7(100)	—	7
Истринский	5(71)	2(29)	7	7(100)	—	7
Протасовский	5(83)	1(17)	6	6(100)	—	6
1 Сушевский	4(57)	3(43)	7	7(100)	—	7
Кузьминский	4(80)	1(20)	5	5(100)	—	5
Мурашево	—	1(100)	1	1(100)	—	1
Тургиновский	4(27)	11(73)	15	15(100)	—	15
2 Новинки 1 уч. 1	6(100)	—	6	6(100)	—	6

Таблица 22 (окончание)

Памятник	Внешняя поверхность			Внутренняя поверхность		
	заглажива- ние	лощение	всего	заглажи- вание	лощение	всего
Новинки I уч. 2-4	8(67)	4(33)	12	12(100)	—	12
Ошурковский	7(100)	—	7	7(100)	—	7
Болшневский II	5(100)	—	5	5(100)	—	5
Олочинский	2(100)	—	2	2(100)	—	2
Овинищинский	1(100)	—	1	1(100)	—	1
Волосово- Даниловский	135(42)	184(58)	319	206(88)	28(12)	234
Вауловский	29(60)	19(40)	48	48(100)	—	48
Наумовский	4(31)	9(69)	13	13(100)	—	13
Фатьяновский	11(69)	5(31)	16	15(100)	—	15
3 Великосельский	3(60)	2(40)	5	5(100)	—	5
Никульдинский	5(20)	20(80)	25	20(91)	2(9)	22
Голузинский	3(75)	1(25)	4	4(100)	—	4
Воронковский	4(57)	3(43)	7	5(71)	2(29)	7
Ворокинский	—	1(100)	1	1(100)	—	1
Кривцовский	1(100)	—	1	1(100)	—	1
Тимофеевский	5(56)	4(44)	9	8(89)	1(11)	9
4 Мытшинский	4(57)	3(43)	7	7(100)	—	7
Горицкий	—	1(100)	1	1(100)	—	1
Горкинский	12(57)	9(43)	21	19(91)	2(9)	21
Дикариха	63(81)	15(19)	78	78(100)	—	78
5 Балановский	19(26)	54(74)	73	65(89)	8(11)	73
Атли-Касинский	—	5(100)	5	4(80)	1(20)	5

* 100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 23

Распределение видов лощения поверхностей сосудов
по памятникам (число сосудов и %)*

Памятник	Лощение внешней поверхности			Всего	Лощение внутренней поверхности			Всего
	влажн.	сухос	н/я		влажн.	сухос	н/я	
Ханевский	4(80)	—	1(20)	5	—	—	—	—
Истринский	1(50)	—	1(50)	2	—	—	—	—
Протасов- ский	—	—	1(100)	1	—	—	—	—
1 Суцевский	2(67)	—	1(33)	3	—	—	—	—
Кузьмин- ский	—	—	1(100)	1	—	—	—	—
Мурашево	—	1(100)	—	1	—	—	—	—

Таблица 23 (окончание)

Памятник	Лощение внешней поверхности			Всего	Лощение внутренней поверхности			Всего
	влажн.	сухое	н/я		влажн.	сухое	н/я	
Тургинов-ский	—	3(27)	8(73)	11	—	—	—	—
2 Новинки I уч. 2-4	4(100)	—	—	4	—	—	—	—
Волосово-Данилов-ский	121(66)	4(2)	59(32)	184	28(100)	—	—	28
Вауловский	—	—	19(100)	19	—	—	—	—
Наумов-ский	2(22)	2(22)	5(56)	9	—	—	—	—
Фатъянов-ский	—	—	5(100)	5	—	—	—	—
3 Велико-сельский	—	—	2(100)	2	—	—	—	—
Никуль-цинский	1(5)	2(10)	17(85)	20	—	—	2(100)	2
Голузинов-ский	—	—	1(100)	1	—	—	—	—
Воронков-ский	2(67)	—	1(33)	3	2(100)	—	—	2
Вороксин-ский	—	—	1(100)	1	—	—	—	—
Тимофеев-ский	2(50)	—	2(50)	4	—	—	1(100)	1
4 Мыттищин-ский	—	2(67)	1(33)	3	—	—	—	—
Горицкий	—	1(100)	—	1	—	—	—	—
Горкинский	—	2(22)	7(78)	9	—	1(50)	1(50)	2
Дикариха	3(20)	—	12(80)	15	—	—	—	—
Баланов-ский	6(11)	12(22)	36(67)	54	2(25)	—	6(75)	8
5 Атли-Касинский	—	5(100)	—	5	—	1(100)	—	1

*100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 24

Распределение приемов обработки поверхностей сосудов
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Обработка внешней поверхности			Обработка внутренней поверхности		
	заглаж.	лощен.	число сосудов	заглаж.	лощен.	число сосудов
Московская	20(61)	13(39)	33	33(100)	–	33
Калининская	33(69)	15(31)	48	48(100)	–	48
Ярославская	194(44)	244(56)	438	317(91)	32(9)	349
Ивановская	85(73)	32(27)	117	114(97)	3(3)	117
Балановская	19(24)	59(76)	78	59(89)	9(11)	78
Для культуры в целом	351(49)	363(51)	714	581(93)	44(7)	625

*100% = число сосудов в каждой группе.

Таблица 25

Распределение видов лощения поверхностей сосудов
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Лощение внешней поверхности			Число сосудов	Лощение внутренней поверхности			Число сосудов
	влажн.	сухое	н/я		влажн.	сухое	н/я	
Московская	7(54)	1(8)	5(38)	13	–	–	–	–
Калининская	4(27)	3(20)	8(53)	15	–	–	–	–
Ярославская	126(52)	8(3)	110(45)	244	30(94)	–	2(6)	32
Ивановская	5(16)	5(16)	22(68)	32	–	1(33)	2(67)	3
Балановская	6(10)	17(29)	36(61)	59	2(22)	1(11)	6(67)	9
Для культуры в целом	148(41)	34(9)	181(50)	363	32(73)	2(4)	10(23)	44

*100% = число сосудов в каждой группе.

Таблица 26

Распределение орнаментированных и неорнаментированных сосудов
по памятникам (число сосудов и %)*

Памятник	Орнаментированные	Неорнаментированные	Число сосудов
Ханевский	12(100)	–	12
Истринский	5(50)	5(50)	10
Протасовский	10(83)	2(17)	12
Суцевский	2(40)	3(60)	5
Кузьминский	10(91)	1(9)	11
Быстринский	1(100)	–	1
1 Панюшенка	1(100)	–	1
Сауровский	1(100)	–	1

Таблица 26 (окончание)

	Памятник	Орнаментированные	Неорнаментированные	Число сосудов
	Буньковский	4(100)	—	4
	Верейский	4(57)	3(43)	7
	Ивановогорский	2(100)	—	2
	Николо-Перевоз	3(60)	2(40)	5
	Алекановский	2(100)	—	2
	Мурашево	1(100)	—	1
	Тургиновский	13(93)	1(7)	14
	Новинки I уч. 1	5(83)	1(17)	6
	Новинки I уч. 2–4	12(92)	1(8)	13
2	Болшневский II	3(60)	2(40)	5
	Олочинский	7(88)	1(12)	8
	Овинищинский	1(100)	—	1
	Волосово-Даниловский	316(93)	24(7)	340
	Вауловский	31(97)	1(3)	32
	Наумовский	10(91)	1(9)	11
	Фатьяновский	56(95)	3(5)	59
3	Великосельский	21(100)	—	21
	Никульщинский	23(85)	4(15)	27
	Голузинский	5(100)	—	5
	Воронковский	19(90)	2(10)	21
	Кривцовский	6(60)	4(40)	10
	Тимофеевский	15(83)	3(17)	18
	Мытищинский	9(100)	—	9
4	Горицкий	3(100)	—	3
	Горкинский	16(89)	29(11)	18
	Скомороховский	3(75)	1(25)	4
	Ил.-Хованский	4(67)	2(33)	6
5	Балановский	155(92)	13(8)	168
	Атли-Касинский	7(100)	—	7

*100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 27

Распределение орнаментированной и неорнаментированной посуды по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Орнаментированные	Неорнаментированные	Число сосудов
Московская	58(78)	16(22)	74
Калининская	41(87)	6(13)	47
Ярославская	481(93)	35(7)	516
Ивановская	56(82)	12(18)	68
Балановская	162(92)	13(8)	175
Для культуры в целом	798(91)	82(9)	880

*100% = число сосудов в каждой группе.

Таблица 28, часть 1
Распределение орнаментированных образов на сосудах по памятникам
(число сосудов и %)

Памятник								
Ханевский	-	-	-	-	-	-	-	-
Истринский	-	-	-	1(20)	-	-	-	-
Протасовский	-	-	-	1(10)	-	-	-	-
Сущевский	-	1(50)	-	-	-	-	-	-
Кузьминский	-	-	-	-	-	-	-	-
Быстринский	-	-	-	-	-	-	-	-
Панюшенка	-	-	-	-	-	-	-	-
Сауровский	-	-	-	-	-	-	-	-
1 Бунковский	-	-	-	-	-	-	-	-
Тростинский	-	-	-	-	-	-	-	-
Верейский	-	-	-	-	-	-	-	-
Ивановогорский	-	-	-	-	-	-	-	-
Алекановский	-	-	-	-	-	-	-	-
Николо-Перевоз	-	-	-	-	-	-	-	-
Мурашево	-	-	-	-	-	-	-	-
Тургиновский	-	1(7)	-	-	-	-	-	2(14)
Новинки I уч. I	-	-	-	-	2(29)	-	-	-
2 Новинки I	-	-	-	-	-	-	-	-
уч. 2-4	-	-	-	-	-	-	-	-
Ошурковский	-	-	-	-	-	-	-	-
Болшевский II	1(20)	-	-	-	-	-	-	-
Олочинский	-	-	1(13)	-	-	-	-	-
Овинищинский	-	-	-	1(100)	-	-	-	-
Волосово-	130(41)	25(8)	4(1)	17(5)	3(1)	-	-	3(1)
Даниловский	-	-	-	-	-	-	-	-
Вауловский	11(37)	2(7)	-	-	-	-	-	-
Наумовский	1(9)	-	-	1(9)	-	-	-	-
Фатьяновский	7(15)	2(4)	-	-	-	-	-	-
3 Великосельский	7(33)	-	-	-	1(5)	-	-	-
Никульщинский	5(20)	1(4)	-	2(8)	2(8)	1(4)	1(4)	1(4)
Голузинский	1(20)	1(20)	-	1(20)	-	-	-	-
Воронковский	5(26)	1(5)	-	-	-	-	-	-
Кривцовский	1(20)	1(20)	-	-	-	-	-	-
Тимофеевский	2(14)	4(29)	-	-	1(7)	-	-	-
Мьгищинский	4(10)	3(30)	-	-	-	-	-	-
Горидский	2(67)	-	-	-	-	-	-	-
Горкинский	6(35)	-	-	-	-	-	-	1(5)
4 Скоморохов-	-	-	-	-	-	-	-	-
ский	-	-	-	-	-	-	-	-
Дикариха	5(9)	1(2)	-	2(4)	-	-	-	1(2)
Ильинско-	1(25)	-	-	-	-	-	-	-
Хован.	-	-	-	-	-	-	-	-
5 Балановский	10(6)	3(2)	1(1)	6(4)	-	-	-	-
Атли-Касинский	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 28, часть 2

Памятник							
Ханевский	—	2(20)	2(20)	2(20)	8(80)	4(40)	—
Истринский	—	1(20)	1(20)	3(60)	4(80)	3(60)	—
Протасов- ский	—	1(10)	1(10)	7(70)	1(10)	2(20)	—
Сущевский	—	—	—	2(100)	2(100)	1(50)	—
Кузьминский	1(14)	1(14)	1(14)	4(57)	5(71)	2(29)	—
Быстринский	—	—	—	1(100)	1(100)	—	—
Паюшенка	—	—	—	1(100)	1(100)	—	—
Сауровский	—	—	—	—	—	—	—
1 Буньковский	—	—	1(25)	3(75)	3(75)	1(25)	1(25)
Тростинский	—	—	1(8)	1(100)	12(100)	4(33)	—
Верейский	—	—	1(33)	—	3(100)	1(33)	—
Ивановогор- ский	—	—	—	1(50)	2(100)	1(50)	—
Алеканов- ский	—	1(50)	1(50)	—	—	—	—
Николо- Перевоз	—	—	1(33)	3(100)	2(67)	1(33)	—
Мурашево	—	—	—	1(100)	1(100)	—	—
Тургинов- ский	1(7)	7(50)	—	9(64)	6(43)	3(21)	—
Новинки I уч. 1	1(14)	3(43)	3(43)	2(29)	1(14)	2(29)	—
Новинки I уч. 2-4	1(8)	1(8)	5(42)	7(58)	6(50)	2(17)	—
2 Ошурков- ский	—	—	1(100)	—	1(100)	—	—
Болшнев- ский II	—	1(20)	—	4(80)	2(40)	1(20)	—
Олочинский	—	1(13)	—	6(75)	4(50)	1(13)	—
Овинищин- ский	—	—	—	—	—	1(100)	—
Волосово- Даниловский	17(5)	27(9)	110(35)	276(87)	105(33)	41(13)	10(3)
Вауловский	—	—	11(37)	30(100)	5(17)	3(10)	—
Наумовский	—	2(18)	3(27)	8(73)	4(36)	2(18)	—
Фатьяновс- кий	4(9)	7(15)	12(26)	36(78)	3(7)	2(4)	—
3 Великосель- ский	—	2(10)	7(33)	12(57)	—	7(33)	—
Никутьин- ский	—	1(4)	8(27)	17(57)	11(37)	6(24)	—
Голузинов- ский	1(20)	—	—	3(60)	4(80)	1(20)	—
Воронковс- кий	1(5)	2(11)	4(21)	12(57)	7(33)	7(33)	1(5)

Таблица 28, часть 2 (окончание)

Памятник							
Кривцовский	–	–	1(20)	3(60)	2(40)	1(20)	–
Тимофеев- ский	1(7)	2(17)	4(29)	10(71)	7(50)	3(21)	–
Мытищин- ский	–	–	1(10)	6(60)	8(80)	3(30)	–
4 Горичский	1(33)	–	1(33)	3(100)	–	–	–
Горкинский	–	3(18)	7(41)	12(71)	–	5(29)	–
Скоморо- ховский	–	–	1(33)	3(100)	3(100)	–	2(66)
Дикариха	–	10(18)	7(12)	28(49)	12(21)	2(4)	1(2)
Ильинско- Хован.	–	1(25)	3(75)	3(75)	1(25)	–	–
Балановский	–	4(3)	51(33)	117(75)	83(54)	24(15)	11(7)
5 Атли-	–	–	–	–	4(100)	–	3(75)
Касинский							

Таблица 28, часть 3

Памятник							Число сосудов
Ханевский	3(30)	4(40)	–	1(10)	–	–	10
Истринский	1(20)	2(40)	–	–	–	–	5
Протасов- ский	–	2(20)	–	–	–	–	10
Сущевский	–	1(50)	–	–	–	–	2
Кузьминский	–	1(14)	–	1(14)	–	–	7
Быстринский	–	–	–	–	–	–	1
Панюшенка	–	–	–	–	1(100)	–	1
1 Сауровский	–	1(100)	–	–	–	–	1
Буньковский	1(25)	3(75)	–	–	–	–	4
Тростянский	5(42)	3(25)	–	–	–	–	12
Верейский	–	2(67)	–	–	–	–	3
Иванового- рский	–	–	–	–	–	–	2
Алеканов- ский	–	–	–	–	–	–	2
Николо- Перевоз	–	–	–	–	–	–	3
Мурашево	1(100)	–	–	–	–	–	1
Тургинов- ский	1(7)	2(14)	–	–	–	–	14
2 Новинки 1 уч. 1	–	1(14)	–	–	–	–	7

Таблица 28, часть 3

Памятник							Число сосудов
Новинки I уч. 2-4	2(17)	5(42)	—	2(17)	1(8)	—	12
Ошурков- ский	—	—	—	—	—	—	1
Болшнев- ский II	—	—	1(20)	—	—	—	5
Олочинский	—	3(38)	—	—	—	—	8
Овинищин- ский	—	—	—	—	—	—	1
Волосово- Даниловский	16(5)	25(8)	—	—	2(1)	—	316
Вауловский	9(30)	—	—	—	—	—	30
Наумовский	2(18)	—	—	—	—	—	11
Фатьянов- ский	1(2)	1(2)	—	—	—	—	46
3 Великосель- ский	3(14)	6(29)	—	—	—	—	21
Никулщин- ский	3(10)	3(10)	—	—	—	—	30
Голузинов- ский	—	—	—	—	—	—	5
Воронковс- кий	1(5)	4(21)	—	—	—	—	21
Кривцовский	1(20)	2(40)	—	—	—	—	5
Тимофеев- ский	1(7)	—	—	—	—	—	14
Мыггищин- ский	2(20)	—	—	—	—	—	10
Горидский	—	—	—	—	—	—	3
4 Горкинский	1(5)	1(5)	—	—	—	—	17
Окоморо- ховский	—	1(33)	—	—	—	—	3
Дикариха	3(5)	7(12)	—	—	—	—	57
Ильинско- Хован.	—	1(25)	—	—	—	—	4
Балановский	32(21)	34(22)	—	—	3(2)	1(1)	155
5 Атли- Касинский	—	—	—	—	2(50)	—	4

* 100% = число орнаментированных сосудов в каждом памятнике.

Таблица 29, часть 1

Распределение орнаментальных образов на сосудах
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа								
Московская	—	1(2)	—	2(4)	—	—	—	—
Калининская	1(2)	1(2)	1(2)	1(2)	2(4)	—	—	2(4)
Ярославская	167(35)	32(7)	4(1)	21(4)	6(1)	1(0,2)	1(0,2)	4(1)
Ивановская	21(19)	9(8)	—	2(2)	1(1)	—	—	2(2)
Балановская	10(6)	3(2)	1(1)	6(4)	—	—	—	—

Таблица 29, часть 2

Группа							
Московская	1(2)	6(12)	10(20)	28(57)	45(92)	30(61)	1(2)
Калининская	3(6)	13(27)	9(19)	28(58)	20(42)	10(21)	—
Ярославская	23(5)	41(9)	155(32)	394(82)	139(29)	69(14)	11(2)
Ивановская	2(2)	16(14)	25(22)	68(60)	33(29)	14(12)	3(3)
Балановская	—	4(3)	51(32)	117(77)	87(55)	24(15)	14(9)

Таблица 29, часть 3

Группа							Число сосудов
Московская	11(22)	19(39)	—	2(4)	1(2)	—	49
Калининская	3(6)	11(23)	1(2)	2(4)	1(2)	—	48
Ярославская	35(7)	39(8)	—	—	2(0,4)	—	480
Ивановская	8(7)	12(11)	—	—	—	—	113
Балановская	32(20)	34(21)	—	—	5(3)	1(1)	159

* [100% = принято число орнаментированных сосудов в каждой группе.

Таблица 30, часть 1

Распределение орнаментальных мотивов на сосудах по памятникам
(число сосудов и %)*

Памятник	Мотивы образов						
							
	шахмат.	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда
Ханевский	—	—	—	—	—	—	—
Истринский	—	—	—	—	—	—	—
Протасов- ский	—	—	—	—	—	—	—
Суцевский	—	—	—	1(100)	—	—	—
Кузьминский	—	—	—	—	—	—	—
Быстринский	—	—	—	—	—	—	—
1 Панюшенка	—	—	—	—	—	—	—
Сауровский	—	—	—	—	—	—	—
Буньковский	—	—	—	—	—	—	—
Тростинский	—	—	—	—	—	—	—
Верейский	—	—	—	—	—	—	—
Иваиовогор- ский	—	—	—	—	—	—	—
Алексанов- ский	—	—	—	—	—	—	—
Мурашево	—	—	—	—	—	—	—
Николо- Перевоз	—	—	—	—	—	—	—
Тургинов- ский	—	—	—	1(100)	—	—	—
Новинки I уч. 1	—	—	—	—	—	—	—
Новинки I уч. 2—4	—	—	—	—	—	—	—
2 Ошурков- ский	—	—	—	—	—	—	—
Болшне- ский II	1(100)	—	—	—	—	—	—
Олочинский	—	—	—	—	—	1(100)	—
Овинищин- ский	—	—	—	—	—	—	—
Волосово- Даниловский	101(78)	34(25)	10(6)	23(92)	3(12)	4(100)	—
Вауловский	8(73)	1(9)	2(18)	2(100)	—	—	—
Наумовский	1(100)	—	—	—	—	—	—
Фатьянов- ский	2(29)	5(71)	1(14)	2(100)	—	—	—
3 Великосель- ский	—	7(100)	1(14)	—	—	—	—

Таблица 30, часть 1 (окончание)

Памятник	Мотивы образов						
							
	шахмат.	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда
Никулицинский	3(60)	3(60)	2(40)	1(100)	—	—	—
Голузиновский	1(100)	1(100)	—	1(100)	—	—	—
Воронковский	5(100)	2(40)	—	1(100)	—	—	—
Кривцовский	—	1(100)	—	1(100)	—	—	—
Тимофеевский	2(40)	3(60)	2(40)	1(100)	—	—	—
Мытищинский	4(80)	2(40)	—	3(100)	—	—	—
4 Горницкий	2(100)	—	—	—	—	—	—
Горкинский	3(43)	3(43)	1(14)	—	—	—	—
Скомороховский	—	—	—	—	—	—	—
Ильинско-Хован.	1(100)	1(100)	—	—	—	—	—
Дикарнха	1(20)	4(80)	—	1(100)	—	—	—
Балановский	5(50)	5(50)	—	3(100)	—	—	1(100)
5 Атли-Касинский	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 30, часть 2

Памятник	Мотивы образов						
							
	шахмат.	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда
Ханевский	—	—	—	—	—	—	—
Истринский	—	1(100)	—	—	—	—	—
Протасовский	—	1(100)	—	—	—	—	—
Сущевский	—	—	—	—	—	—	—
Кузьминский	—	—	—	—	—	—	—
Быстринский	—	—	—	—	—	—	—
1 Панюшенка	—	—	—	—	—	—	—
Сауровский	—	—	—	—	—	—	—
Буньковский	—	—	—	—	—	—	—
Тростинский	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 30, часть 2(окончание)

Памятник	Мотивы образов						
							
	шахмат.	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда
Вере́йский	—	—	—	—	—	—	—
Иванового́р- ский	—	—	—	—	—	—	—
Алекано́в- ский	—	—	—	—	—	—	—
Мурашево	—	—	—	—	—	—	—
Николо- Перевоз	—	—	—	—	—	—	—
Тургино́в- ский	—	—	—	—	—	2(100)	—
Новинки I уч. 1	—	—	—	2(100)	—	—	—
Новинки I уч. 2–4	—	—	—	—	—	—	—
2 Ошурков- ский	—	—	—	—	—	—	—
Болшне́в- ский II	—	—	—	—	—	—	—
Олочинский	—	—	—	—	—	—	—
Овинищи́н- ский	—	1(100)	—	—	—	—	—
Воло́сово- Даниловский	1(12)	14(82)	1(6)	2(67)	2(67)	3(100)	—
Вауловский	—	—	—	—	—	—	—
Наумовский	—	1(100)	—	—	—	—	—
Фатьяно́в- ский	—	—	—	—	—	—	—
3 Великосель- ский	—	—	—	1(100)	—	—	—
Нику́льцин- ский	—	1(50)	1(50)	2(100)	—	1(100)	—
Голузи́нов- ский	—	1(100)	—	—	—	—	—
Воронко́в- ский	—	—	—	—	—	—	—
Кривцо́вский	—	—	—	—	—	—	—
Тимофе́ев- ский	—	—	—	1(100)	—	—	—
Мы́ттидин- ский	—	—	—	—	—	—	—
4 Горицкий	—	—	—	—	—	—	—
Горки́нский	—	—	—	—	—	—	1(100)
Скоро́хов- ский	—	—	—	—	—	—	—
Ильинско- Хован.	—	—	—	—	—	—	—
Дикари́ха	1(50)	1(50)	—	—	—	1(100)	—
Балановский	—	5(83)	1(17)	—	—	—	—
5 Атли-Ка- синский	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 30, часть 3

Памятник	Мотивы образов							
								
	в 1 ряд	в 2 ряда	> 2 рядов	основ.	допол.	основ.	допол.	
1	Ханевский	1(33)	2(67)	—	—	2(100)	5(63)	3(38)
	Истринский	—	—	1(100)	—	2(100)	1(25)	3(75)
	Протасов- ский	—	—	1(100)	—	7(100)	1(100)	—
	Сущевский	—	—	—	—	2(100)	—	2(100)
	Кузьминский	1(100)	—	—	1(25)	3(75)	3(60)	2(40)
	Быстринский	—	—	—	1(100)	—	—	1(100)
	Панюшенка	—	—	—	—	1(100)	—	1(100)
	Сауровский	—	—	—	—	—	—	1(100)
	Буньковский	—	1(100)	—	1(50)	2(100)	—	3(100)
	Тростинский	1(100)	—	—	1(100)	—	—	12(100)
	Верейский	1(100)	—	—	—	—	—	3(100)
	Иванового- рский	—	—	—	—	1(100)	2(100)	—
	Алеканов- ский	1(100)	—	—	—	—	—	—
	Мурашево	—	—	—	1(100)	—	—	1(100)
	Николо- Перевоз	1(100)	—	—	3(100)	—	—	2(100)
2	Тургинов- ский	—	—	—	3(33)	7(67)	—	6(100)
	Новинки I уч. I	1(33)	2(67)	—	—	2(100)	1(100)	—
	Новинки I уч. 2–4	5(100)	—	—	1(14)	6(86)	—	6(100)
	Ошурков- ский	1(100)	—	—	—	—	1(100)	1(100)
	Болишев- ский II	—	—	—	1(25)	3(75)	—	2(100)
	Олочинский	—	—	—	2(33)	5(83)	1(25)	3(75)
	Овинищан- ский	—	—	—	—	—	—	—
3	Волосово- Даниловский	100(91)	9(8)	1(1)	52(23)	174(77)	—	105(100)
	Вауловский	11(100)	1(9)	—	17(57)	18(60)	—	5(100)
	Наумовский	2(67)	1(13)	—	3(38)	7(88)	1(30)	3(70)
	Фатьянов- ский	8(67)	4(33)	—	13(36)	23(64)	—	3(100)
	Великосель- ский	5(71)	2(29)	—	—	12(100)	—	—
	Никульцин- ский	8(100)	2(25)	—	5(29)	13(76)	2(18)	10(91)

Таблица 30, часть 3 (окончание)

Памятник	Мотивы образов						
							
	в 1 ряд	в 2 ряда	> 2 рядов	основ.	допол.	основ.	допол.
Голузинский	—	—	—	—	3(100)	1(25)	3(75)
Воронковский	4(100)	—	—	5(42)	7(58)	1(14)	6(86)
Кривцовский	—	1(100)	—	—	3(100)	—	2(100)
Тимофеевский	3(75)	1(25)	—	3(38)	5(63)	—	7(100)
Мытищинский	1(100)	—	—	3(50)	5(83)	—	7(100)
4 Горичский	1(100)	—	—	—	3(100)	—	1(100)
Горкинский	4(57)	2(29)	1(14)	5(42)	8(67)	—	—
Скомороховский	1(100)	—	—	—	3(100)	—	3(100)
Ильинско-Хован.	1(33)	1(33)	1(33)	—	3(100)	—	1(100)
Дикариха	5(71)	1(14)	1(14)	5(18)	23(82)	—	12(100)
Балаковский	13(25)	17(33)	28(54)	18(15)	105(90)	—	83(100)
5 Атли-Касинский	—	—	—	—	—	—	4(100)

Таблица 30, часть 4

Памятник	Мотивы образов			
				
	осн.	доп.	в 1 ряд	> 1 ряда
Ханевский	—	4(100)	4(100)	—
Истринский	3(100)	—	2(100)	—
Протасовский	—	2(100)	2(100)	—
Сущевский	—	1(100)	1(100)	—
Кузьминский	2(100)	—	1(100)	—
Быстринский	—	—	—	—
1 Паюшенка	—	—	—	—
Сауровский	—	—	1(100)	—
Буньковский	—	1(100)	2(67)	1(33)
Тростинский	4(100)	—	3(100)	—
Верейский	1(100)	—	2(100)	—
Ивановогорский	—	1(100)	—	—
Алекановский	—	—	—	—
Мурашево	—	—	—	—

Таблица 30, часть 4 (окончание)

Памятник	Мотивы образов			
				
	осн.	доп.	в 1 ряд	> 1 ряда
Николо-Перевоз	1(100)	—	—	—
Тургиновский	—	3(100)	2(100)	—
Новинки I уч. 1	—	2(100)	1(100)	—
Новинки I уч. 2—4	2(100)	—	5(100)	—
2 Ошурковский	—	—	—	—
Болшневский II	1(100)	—	—	—
Олочинский	1(100)	—	3(100)	—
Овинишинский	—	1(100)	—	—
Волосово-Даниловский	5(12)	36(88)	20(80)	5(20)
Вауловский	1(33)	3(100)	—	—
Наумовский	—	2(100)	—	—
Фатьяновский	—	2(100)	1(100)	—
3 Великосельский	—	7(100)	1(25)	3(75)
Никульдинский	—	6(100)	1(33)	2(67)
Голузиновский	—	1(100)	—	—
Воронковский	—	7(100)	4(100)	2(50)
Кривцовский	—	1(100)	2(100)	—
Тимофеевский	2(67)	2(67)	—	—
Мыглицинский	1(33)	2(67)	—	—
4 Горницкий	—	—	—	—
Горкинский	—	5(100)	—	1(100)
Скомороховский	—	—	1(100)	—
Ильинско-Ховаи.	—	—	1(100)	1(100)
Дикариха	2(100)	—	5(71)	2(29)
5 Балановский	15(63)	10(42)	30(88)	5(15)
Атли-Касинский	—	—	—	—

* 100% = число случаев фиксации конкретного образа орнамента на керамике памятника.

Таблица 31, часть 1

Распределение орнаментальных мотивов на сосудах
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Мотивы образов						
							
	шахмат.	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда
Московская	—	—	—	1(100)	—	—	—
Калининская	1(100)	—	—	1(100)	—	1(100)	—
Ярославская	121(64)	53(28)	16(8)	30(91)	3(9)	4(100)	—
Ивановская	13(43)	14(47)	3(10)	6(100)	—	—	—
Балановская	5(50)	5(50)	—	3(100)	—	—	1(100)

Таблица 31, часть 2

Группа	Мотивы образов						
							
	шахмат.	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда	в 1 ряд	> 1 ряда
Московская	—	2(100)	—	—	—	—	—
Калининская	—	1(100)	—	2(100)	—	2(100)	—
Ярославская	1(5)	17(85)	2(10)	5(71)	2(29)	4(100)	—
Ивановская	1(50)	1(50)	—	1(100)	—	1(50)	1(50)
Балановская	—	5(83)	1(17)	—	—	—	—

Таблица 31, часть 3

Группа	Мотивы образов						
							
	1 ряд	2 ряда	> 2 рядов	осн.	доп.	осн.	доп.
Московская	6(55)	3(27)	2(18)	8(29)	20(71)	12(26)	34(74)
Калининская	7(78)	2(22)	—	7(23)	23(77)	3(14)	18(86)
Ярославская	138(87)	19(12)	1(1)	95(27)	257(73)	5(4)	135(96)
Ивановская	16(46)	6(17)	3(9)	16(23)	53(77)	—	33(100)
Балановская	13(25)	17(33)	28(54)	18(15)	105(90)	—	87(100)

Таблица 31, часть 4

Группа	Мотивы образов			
				
	осн.	доп.	1 ряд	> 1 ряда
Московская	11(55)	9(45)	18(95)	1(5)
Калининская	4(44)	5(56)	11(100)	—
Ярославская	6(9)	64(91)	27(69)	12(31)
Ивановская	5(33)	10(77)	9(69)	4(31)
Балановская	15(63)	10(42)	30(88)	5(15)

* 100% = число случаев фиксации конкретного образа орнамента на керамике локальной группы.

Таблица 32

Распределение сосудов с разным количеством орнаментальных зон
по памятникам (число сосудов и %)*

Памятник	Число орнаментальных зон				Число сосудов
	1	2	3	4	
Ханевский	1(20)	1(20)	3(60)	—	5
Истринский	—	3(100)	—	—	3
Протасовский	7(100)	—	—	—	7
Сущевский	1(100)	—	—	—	1
Кузьминский	3(43)	4(57)	—	—	7
Быстринский	—	1(100)	—	—	1
1 Панюшенка	—	1(100)	—	—	1
Сауровский	—	2(100)	—	—	2
Буньковский	1(25)	2(50)	1(25)	—	4
Тростинский	—	6(100)	—	—	6
Верейский	—	1(100)	—	—	1
Ивановогорский	—	2(100)	—	—	2
Николо-Перевоз	1(33)	1(33)	1(33)	—	3
Мурашево	—	1(100)	—	—	1
Тургиновский	9(75)	3(25)	—	—	12
Новинки I уч. 1	1(33)	2(67)	—	—	3
Новинки I уч. 2-4	1(9)	9(82)	1(9)	—	11
2 Ошурковский	—	1(100)	—	—	1
Болшневский II	1(33)	1(33)	1(33)	—	3
Олочинский	3(60)	2(40)	—	—	5
Овинищинский	—	1(100)	—	—	1
Волосово-Даниловский	66(26)	177(71)	8(3)	—	251
Вауловский	3(12)	19(73)	4(15)	—	26
Наумовский	—	6(86)	1(14)	—	7
Фатьяновский	7(26)	17(63)	3(11)	—	27
3 Великосельский	2(50)	2(50)	—	—	4
Никольщинский	8(35)	12(52)	3(13)	—	23
Голузиновский	2(40)	3(60)	—	—	5
Воронковский	4(22)	12(67)	2(11)	—	18
Кривцовский	2(50)	1(25)	1(25)	—	4
Тимофеевский	4(29)	10(71)	—	—	14
Мьгищинский	1(17)	4(67)	1(17)	—	6
4 Горицкий	—	2(67)	1(33)	—	3
Горкинский	—	7(100)	—	—	7
Скомороховский	—	2(67)	1(33)	—	3
Ил.-Хованский	1(25)	3(75)	—	—	4
5 Балановский	13(13)	54(56)	25(26)	5(5)	97
Атли-Касинский	—	3(75)	1(25)	—	4

* 100% = число сосудов в каждом памятнике.

Таблица 33

Распределение сосудов с разным количеством орнаментальных зон
по локальным группам (число сосудов и %)*

Группа	Число орнаментальных зон				Число сосудов
	1	2	3	4	
Московская	14(32)	25(57)	5(11)	–	44
Калининская	15(42)	19(53)	2(5)	–	36
Ярославская	92(25)	248(69)	21(6)	–	361
Ивановская	8(20)	29(70)	4(10)	–	41
Балановская	13(13)	57(56)	26(26)	5(5)	101
Для культуры в целом	142(24)	378(65)	58(10)	5(1)	583

* 100% = число сосудов в каждой локальной группе.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М.С. Балановский могильник // КСИИМК. 1947а. Вып. XVI. С. 121–130.
- Акимова М.С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Тр. ИЭ АН СССР. 1947б. Т. 1. С. 268–282.
- Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Балановский могильник. М., 1963. С. 322–362.
- Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.
- Артеменко И.И. Бельицкий могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 155–175.
- Бадер О.Н. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла // ВДИ. 1939. № 3.
- Бадер О.Н. Фатьяновские могильники северного Подмосковья // МИА. 1950а. № 13. С. 70–89.
- Бадер О.Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950б. № 1.
- Бадер О.Н. Мытищинский могильник фатьяновского типа // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 143–153.
- Бадер О.Н. Балановская культура // СА. 1961. № 4. С. 41–65.
- Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
- Бадер О.Н. Культура с "текстильной" керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3. С. 32–37.
- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
- Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 10–31.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. 1976. Вып. В1–25.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 76–84.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 57–59.
- Бобринский А.А. К методике изучения обжига керамики // Первая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1989. С. 20–23.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Брюсов А.Я. Об экспансии "культур с боевыми топорами" в конце III тысячелетия до н.э. // СА. 1961. № 3. С. 14–33.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П. Каменные сверленные топоры на территории Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. 4–4.
- Волкова Е.В. Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции 11–16 февраля 1991 г. Куйбышев, 1991. С. 31–34.
- Гадзяцкая О.С. Новые раскопки Тургиновского могильника // КСИИМК. 1971. Вып. 127. С. 65–71.
- Гадзяцкая О.С. Воронковский фатьяновский могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976а. С. 128–142.
- Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры: Ивановская группа // САИ. 1976 б. Вып. I–21.

- Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. 1992. № 1. С. 122–141.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Тр. ИЭ АН СССР. Новая сер. 1955. Т. XXVIII.
- Городцов В.А. Бытовая археология. М. Из-во Моск. Археол. ин-та. 1910.
- Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского исторического музея им Александра III в Москве за 1914 г. М., 1916. С. 121–224.
- Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы (до основания первого Русского государства). Л., 1925. Т. 1.
- Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (По материалам Горьковской экспедиции) // МИА. 1963. № 110. С. 85–203.
- Дебец Г.Ф. Палеантропология СССР // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. 1948. Т. IV.
- Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А., Чебоксаров Н.Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным // Там же. 1951. Т. XVI. С. 409–468.
- Денисова Р.Я. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры // СЭ. 1966. № 4. С. 24–37.
- Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. Кн. VII. № 1. С. 54–77.
- Каховский В.Ф. Чурачакский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3. С. 169–177.
- Кириянова Н.А. Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 143–154.
- Кожин П.М. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА. 1963. № 3. С. 25–37.
- Кожин П.М. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 53–58.
- Кравцов А.Е. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере // СА. 1988. № 1. С. 113–128.
- Крайнов Д.А. Вауловский могильник // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XII. С. 105–155.
- Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. 1963. Вып. 1–19.
- Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа // САИ. 1964. Вып. 1–20.
- Крайнов Д.М. Металлургия у племен фатьяновской культуры // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 10–17.
- Крайнов Д.А. Древняя история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Крайнов Д.А. Фатьяновские памятники Калининской области // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 92–98.
- Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 58–76.
- Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. 1987. Вып. 1–22.
- Крайнов Д.А., Уткин А.В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 147–159.
- Кривцова-Гракова О.А. Горкинский могильник // Тр. ГИМ. 1938. Вып. VIII. С. 57–72.
- Кривцова-Гракова О.А. Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 22–33.
- Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- Мерперт Н.Я. Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 103–127.
- Моора Х.А. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии // КСИЭ. 1950. Вып. XII.

- Моора Х.А. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике // КСИИМК. 1952. Вып. XVIII. С. 3–24.
- Моора Х.А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных // СА. 1954. Вып. XXI. С. 95–118.
- Наговицин Л.А. Новый памятник с балановской керамикой в бассейне р. Вятки // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 99–101.
- Никитин А.Л. Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) // СА. 1973. № 2. С. 158–177.
- Пасек Т.С. К вопросу о среднеднепровской культуре // КСИИМК. 1947. Вып. XVI.
- Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Вып. XXI. С. 52–94.
- Сидоров В.В., Трусов А.В. Фатьяновцы на Круглом озере // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 98–103.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В. Ханевский могильник и древнейшие памятники фатьяновской культуры // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 7. С. 28–36.
- Смирнов А.П. Железный век Чувашия // МИА. 1961. № 95.
- Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры Среднего Поволжья // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 46–82.
- Сорокин А.Н., Дукельский В.Ю. Фатьяновское погребение на стоянке Рессета III // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 103–107.
- Спицын А.А. Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА. СПб., 1903. Т. V, вып. 1. С. 77–93.
- Спицын А.А. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России // Там же. 1905. Т. VII, вып. 1. С. 73–82.
- Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск, 1967.
- Третьяков П.Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМК. 1935. Вып. 106.
- Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Трофимова Т.А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры (Антропологический этюд) // СЭ. 1949. № 3. С. 37–73.
- Уваров А.С. Археология России: Каменный период. 1881.
- Фосс М.Е. Древнейшая история европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
- Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья в эпоху неолита и бронзы // Тр. Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1960. Т. 1. 187 с.
- Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. 1963. № 110. С. 239–268.
- Халиков А.Х. Переход от ранней (энеолит) к поздней (бронзовый век) стадии эпохи раннего металла в лесной полосе Восточной Европы // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 6–12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	– Вестник древней истории
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СЭ	– Советская этнография
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИЭ	– Труды Института этнографии

SUMMARY

Helen V. Volkova

POTTERY OF THE FATYANOVO TRIBES

The book is devoted to the multiple study of pottery production of the Fatyanovo culture belonged to the Corded Ware and Battleaxe culture Circle. The author pays her attention to the decision of some important problems of the history of the Fatyanovo population which occupied the Upper and Middle Volga Basin during the II millennium B.C.

The Chapter I is dedicated to some general problems and to attempts of their decision by the scholars from the first discovery of the Fatyanovo sites up to the present. All this is made with particular attention to the role of pottery in studying of these problems.

The main tasks of the work and its sources and methods are characterized in the Chapter II. The fundamental task is the reconstruction of ancient cultural traditions in pottery technology, vessel shape and decoration used by the Fatyanovo potters. The sample for pottery technology study includes 1480, for vessel shape – 376 and for decoration – 880 items. It have been collected at nearly 50 sites of the Fatyanovo culture.

The result of the study of the technology accordingly with the steps of the pottery production – selection of raw materials, mixing of paste, construction of vessel, surface treatment and firing – are described in the Chapter III. The conclusion is made that two different groups took part in the formation of the Fatyanovo population. One of them had the tradition of employment a convex or concave mould in vessel building. Another group was marked by the tradition of free construction of vessel on the plain surface with following beating. The special paddle was used in the operation.

The morphology of the Fatyanovo vessels in the subject of the Chapter IV. The analysis of the ancient traditions in vessel shape have demonstrated that the potters knew some standards of form for the pots with different function. These standards had their own specific for the distinct local groups. In the same Chapter the author reconstructs the cultural traditions in methods (the peculiarity of tools and their using) and style of decoration. The last is investigated in four structural levels: element, image, motif and composition. The study reveals different ornaments characterized both the Fatyanovo culture in whole and its local variants.

The Conclusion of the book is dedicated to the problem of the Fatyanovo population and formation development in the woodlands of the Eastern Europe.

Волкова Е.В.

В68 Гончарство фатьяновских племен. – М.: Наука, 1996. 122 с. – ил.

ISBN 5-02-009502-8

В монографии впервые дано целостное представление о гончарстве фатьяновской и балановской культур, введена в научный оборот обширная информация о культурных традициях фатьяновского населения в области технологии и конструирования форм сосудов и их орнаментации. На этой основе исследуются проблемы формирования фатьяновских, балановских племен и их расселения в лесной зоне Восточной Европы в эпоху бронзы.

Для историков, археологов, студентов исторических факультетов.

В 0504000000-114
042(02)-96 241-96, II полугодие

ББК 63.4

Научное издание

Елена Витальевна Волкова

ГОНЧАРСТВО
ФАТЬЯНОВСКИХ ПЛЕМЕН

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Заведующая редакцией
"Наука-история" Н.Л. Петрова
Редактор Л.А. Зуева
Художник Б.М. Рябышев
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректор Р.В. Молоканова